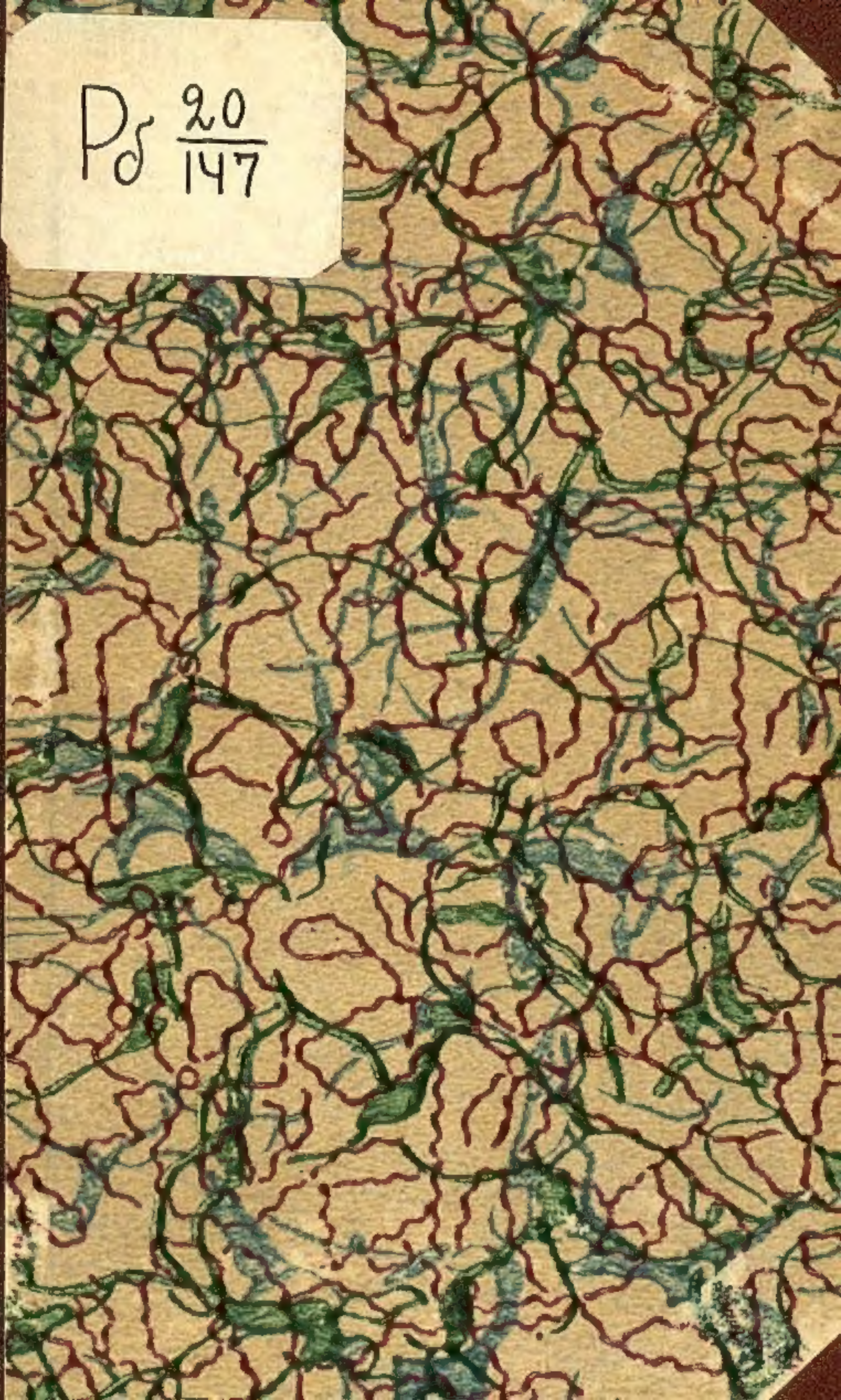

$P_{\sigma} \frac{20}{147}$

N 125 20
21452
Вл. Бурцевъ.

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

1) Отъ издателей „Народовольца“. — 2) Статьи Бурцева изъ 1-3 №№ „Народовольца“: „Къ вопросу — что дѣлать?“, „Правда ли, что терроръ дѣлаетъ, но о террорѣ не говорятъ?“, „За терроръ.“, „Рабочее движеніе въ Россіи“, „Памяти героя“ (объ Анжіо-лило) и пр. 3) Дѣло Бурцева по поводу изданія „Народовольца“.

Ecrasez l'infâme!

Вольтеръ.

„Если вы, г. г. судьи, возьмете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная и, если она прошла, то не мы тому виною“.

Желябовъ.

Цѣна 1 fr. 25 c.

ЛОНДОНЪ

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

70, Grafton str., Tottenham court Rd

LONDON. W.

„Народоволец“, соціально-политическое обозрѣ-
ніе, № 1, апрѣль 1897 г. *Содержаніе* : 1) Программа;
2) *Вл. Бурцевъ*: „Къ вопросу—что дѣлать?“; 3) Эпи-
зодъ изъ исторіи „нашихъ разногласій“ (письма
Ф. В. Волховскаго и В. Ив. Засуличъ); 4) Библіогра-
фія („Современникъ“ № 1. — Письма М. Ал. Баку-
нина къ А. И. Герцену и Н. Огареву“. — „Летучіе Листки“
№ 38. — „Житіе і Слово“. — „Przedswit“, 1897,
№ 2); 5) Марія Вѣтрова (некрологъ); 6) Разныя
извѣстія; 7) Прозрачный псевдонимъ; 8) Отъ редак-
ціи.

„Народоволец“, № 2, май 1897 г. *Содержаніе*:
1) Передовая статья; 2) *Вл. Бурцевъ*: „Правда ли,
что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?“;
3) Рабочее движеніе въ Россіи; 4) Библіографія
(„Free Russia“, 1897, № 6. — „Gornik“, 1897, № 1. —
„Bulletin officiel du Parti Socialiste Polonais“, 1897,
№ 14. — С. М. Кравчинскій (Степнякъ) „Домикъ
на Волгѣ“ и „Новообращенный“. — Вл. Чертковъ
„Напрасная Жестокость“. — И. Трегубовъ „Голосъ
Древней Церкви въ защиту свободы вѣры“. — „Помо-
гите!... Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на
кавказскихъ духоборцевъ, составленное П. Бирюковымъ,
И. Трегубовымъ и Чертковымъ“. — „Современникъ“
№ 2-3. — „Летучіе Листки“ № 39; 5) *Вл. Бурцевъ*:
„Марксизмъ въ присядку“ (Г. Плехановъ. „Новый
походъ противъ социалдемократіи“); 6) Пытка; 7) Раз-
ныя извѣстія; 8) Некрологъ; 9) *Вл. Бурцевъ* „Вынуж-
денное объясненіе“; 10) Отъ редакціи.

Вл. Бурцевъ.

ф 1-80
14517

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

1) Отъ издателей „Народовольца“. — 2) Статьи Бурцева изъ 1-3 №№ „Народовольца“: „Къ вопросу — что дѣлать?“, „Правда-ли, что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?“, „За терроръ.“, „Рабочее движеніе въ Россіи“, „Памяти героя“ (объ Анжіо-лиле) и пр. 3) Дѣло Бурцева по поводу изданія „Народовольца“.

Ecrasez l'infâme !

Вольтеръ.

„Если вы, г. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная и, если она прошла, то не мы тому виною“.

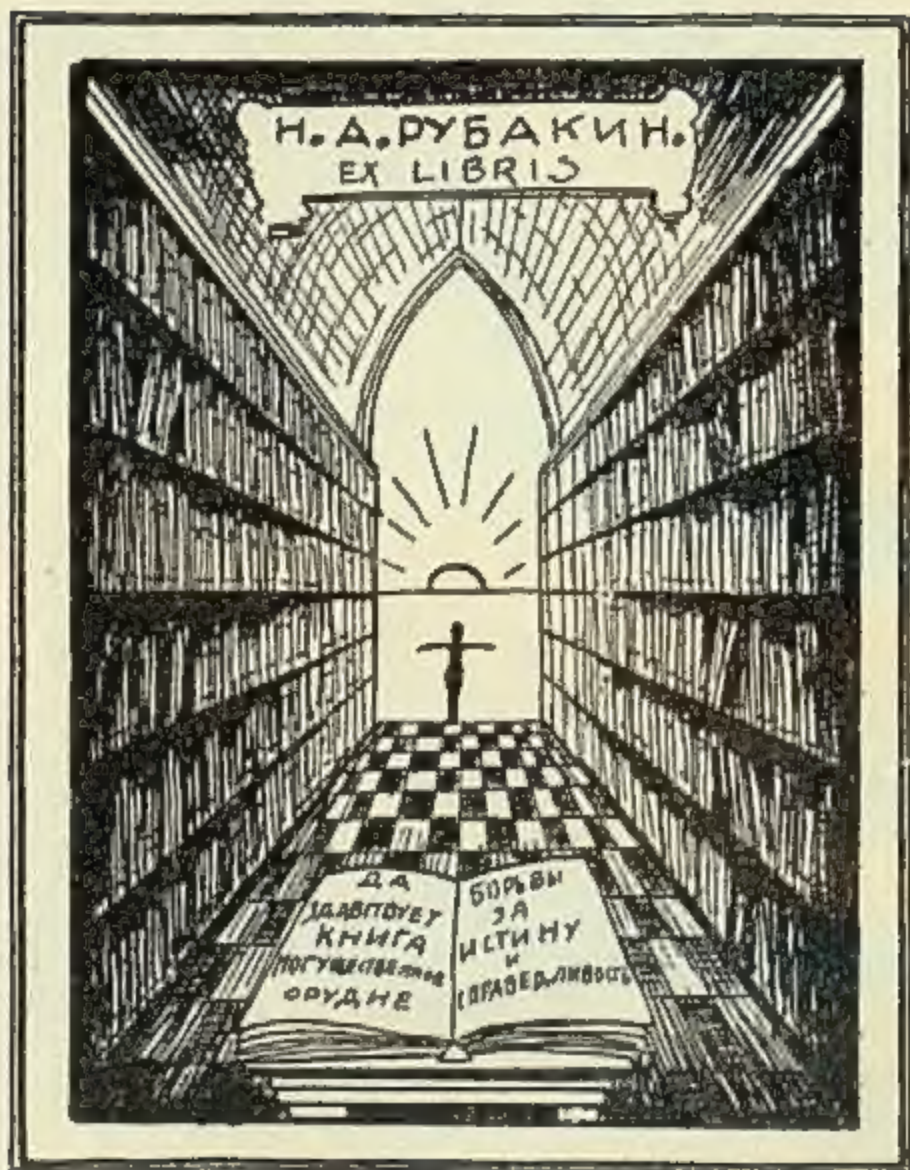
Желябовъ.

Цѣна 1 фр. 25 с.

ЛОНДОНЪ

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

70, Grafton str., Tottenham court Rd
LONDON. W.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

112,031-48

2007058027

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Петру Владиміровичу

КАРПОВИЧУ

И

Николаю Константиновичу

ЛАГОВСКОМУ

въ память событій

14 февраля и 8 марта 1901 года.

— „Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!“

— „Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни. Смѣлый соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью.... Но будетъ время—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракъ жизни и мною смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!“

— „Пускай ты умеръ!... Но въ тѣни смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ смѣлымъ къ свободѣ, къ свѣту!“

— „Безумству храбрыхъ поемъ мы тѣню!“

М. Горькій.

(„Пѣсня о Соколѣ“)

Отъ издателей

„НАРОДОВОЛЬЦА“

Въ скоромъ времени мы разсчитываемъ возобновить изданіе „Народовольца“, но прежде всего мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ содержаніе и судьбу первыхъ трехъ номеровъ нашего журнала, вышедшихъ еще въ 1897 году. Это мы дѣлаемъ, во-первыхъ, потому, что, по нашему мнѣнію, эти номера „Народовольца“ вѣрно характеризуютъ программу партіи Народной Воли, какой она была у дѣятелей 1879-1881 годовъ, а, во-вторыхъ, потому, что программа Народной Воли — мы глубоко убѣждены въ томъ — и на настоящее время остается программой, наиболѣе отвѣчающей на запросы современной революціонной борьбы въ Россіи. Для того, чтобы дать болѣе полное понятіе о нашемъ журналѣ мы въ настоящей брошюрѣ перепечатаемъ изъ него и нѣсколько случайныхъ замѣтокъ, въ которыхъ болѣе рельефно отразилось наше отношеніе къ тѣмъ или другимъ революціоннымъ вопросамъ.

„Народоволецъ“, начиная съ 4-го номера, будетъ прямымъ продолженіемъ предыдущихъ номеровъ. Онъ будетъ развивать ту же самую программу, онъ обратится съ прежнимъ призывомъ къ русскимъ революціонерамъ, будетъ держаться той же тактики по отношенію и къ своимъ друзьямъ, и политическимъ противникамъ и по отношенію къ общему нашему врагу — къ русскому правительству.

Наша программа и наши отношенія къ революціоннымъ вопросамъ были изложены въ „Народовольцѣ“, какъ намъ кажется, ясно, они не допускаютъ двухъ толкованій и не требуютъ собственно комментарій. Мы могли бы поэтому перепечатать выбранныя нами статьи

изъ „Народовольца“, не сопровождал ихъ никакими объясненіями и предисловіями. Но мы знаемъ, что среди читающей публики существовали, а, можетъ быть, существуютъ и до сихъ поръ не вѣрныя представленія о программѣ „Народовольца“. Это заставляетъ насъ въ настоящей статьѣ остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, затронутыхъ въ нашемъ журналѣ. Думаемъ, однако, что мы не подавали никакихъ поводовъ къ невѣрнымъ толкованіямъ нашихъ словъ, — если же подобныя ошибочныя толкованія и возникали, то это не наша вина, а результатъ тѣхъ условій, при которыхъ намъ приходилось издавать нашъ журналъ.

Мы предприняли изданіе „Народовольца“ въ самое неблагоприятное для себя время, когда революціонеры менѣе всего хотѣли слушать объ идеяхъ Народной Воли и въ особенности о террорѣ. Сама Народная Воля была въ ихъ глазахъ чѣмъ-то архаическимъ, противорѣчащимъ опыту и наукѣ. Вотъ, напримѣръ, что недавно писалъ одинъ изъ социаль-демократовъ по поводу отношенія большинства тогдашнихъ революціонеровъ къ Народной Волѣ и къ террору, бывшему яркой, отличительной составной частью ея практической программы :

„Эта подсобная форма борьбы нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызвала по отношенію къ себѣ у многихъ революціонеровъ полное отвращеніе, всевозможныя насмѣшки и даже, пожалуй, у иныхъ изъ дѣятелей (!) и презрѣніе (?!...). Къ ней относились зачастую, какъ къ бреду не въ мѣру зазнавшихся единицъ, не вѣдающихъ и границъ своей „интеллигентной“ силы или какъ къ скороспѣлому выводу буйныхъ темпераментовъ.

„Теперь, кажется, революціонеры перемѣняютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало по малу признають, что терроръ вовсе не исключительная привиллегія партіи не желающихъ (?) якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь только способъ дѣйствія, которымъ въ крайніе моменты жизни заставляютъ пользоваться всѣ партіи безотносительно къ научной подкладкѣ ихъ міровоззрѣнія“. („Возрожденіе“ 62 стр.).

Въ тѣ годы социаль-демократами, пишетъ тотъ же авторъ:

„многое отрицалось и трактовалось съ большимъ пренебреженіемъ только потому, что его (?) отстаивалъ народоволець, и многія самыя дикія положенія принимались и сфабриковывались на сѣхъ именно потому, что они являть собою полную антитезу народовольчеству“. „Кажется даже, если бы народоволець подписался подъ чѣмъ-нибудь „нашимъ“, оно уже тѣмъ самымъ стало бы для насъ „чужимъ“, и намъ пришлось бы искать новаго „нашего“.... Не хотѣли даже слушать объ исторіи прошлаго. Всю ее свели къ нѣсколькимъ каррикатурнымъ положеніямъ и, вытвердивъ ихъ наизусть, считали себя вполне компетентными судить о Народной Волѣ, которая теперь, разъ есть каррикатура, извѣстна, значитъ, въ совершенствѣ“. „Не мало не краснѣли уже отъ незнанія дѣятельности „Вѣры“ Перовской (увы, не только среди рабочихъ ходила эта Вѣра) и съ наивнымъ видомъ вопрошали, былъ-ли извѣстенъ народовольцамъ „Капиталъ“ Маркса... Иные даже просто конфузились зная прошлое и сознательно путали его, какъ сознательно путаетъ иной восемнадцатилѣтній гимназистъ церковные обряды, считая нужнымъ бравировать этимъ“.... („Канунъ Революціи“, стр. 6).

Вотъ какъ въ тѣ печальные годы боролись социал-демократы съ Народной Волей!

Если бы мы разсмотрѣли воспоминанія публициста „Свободы“ объ этомъ времени не въ общихъ чертахъ, а въ деталяхъ и на примѣрахъ показали, что было сдѣлано противниками Народной Воли для борьбы съ ней, то картина получилась бы еще болѣе грустная. Конечно, само правительство, если бы пожелало, не могло бы ничего лучше придумать для себя, какъ эту борьбу съ самой грозной и опасной для него партіи, которую вели противъ нея нѣкоторые революціонеры. Насъ утѣшаютъ теперь, что дѣло „мало-по-малу“ измѣняется къ лучшему, но насъ это „мало-по-малу“ удовлетворить не можетъ, да и измѣняется-ли оно еще? Вотъ, въ только что появившейся брошюрѣ „Канунъ Революціи“, изданной „Свободой“, мы опять видимъ не мало наскоковъ на Народную Волю, напоминающихъ по своей справедливости, надобности и логичности ту борьбу социал-демократовъ съ этой партіей, о которой говорится въ только что приведенной цитатѣ той самой же брошюры.

Въ началѣ 80-хъ годовъ соціалдемократы, повидимому, не были еще такими яркими противниками Народной Воли, какими выступали позднѣе:— тогда они многое еще включали въ свою программу изъ программы Народной Воли, начиная съ защиты общины и кончая признаніемъ террора. Но, по существу, соціалдемократы съ самого своего выступления на сцену были партіей, подрывавшей Народную Волю въ ея основахъ. Въ отвѣтъ на широкую программу Народной Воли, на ея терроръ, на призывъ къ немедленной революціонной борьбѣ съ самодержавіемъ, со стороны соціаль-демократовъ съ 1883 г. слышалась недавно опубликованная въ „Зарѣ“ пѣсенка Нарциса Тупорылова: *„Медленнымъ шагомъ, робкимъ шагомъ тише впередъ, рабочій народъ! Не увлекаясь, приспособляясь, тише впередъ, рабочій народъ! Если возможно, но осторожно шествуй впередъ, рабочій народъ!“*

Къ 90-мъ годамъ узкая программа соціалдемократовъ свела революціонную борьбу въ Россіи едва-ли не исключительно къ экономической борьбѣ фабричныхъ рабочихъ за прибавку копѣйки на рубль, и отрицаніе террора возведено было въ общепризнанный догматъ.

Въ 1896-1897 г.г. соціалдемократы справляли медовый мѣсяцъ своей программы и ждали отъ нея чудесъ и спасенія Россіи. Имъ тогда, конечно и въ голову не могло придти, что они сами скоро будутъ съ ужасомъ отрещиваться отъ своего тогдашняго экономизма, а публицистъ группы „Свободы“ заявитъ, что *„мы ухитрились широкое (?) и большое соціалдемократическое міровоззрѣніе въ 90-ые годы утопить въ какой-то маленькой лужѣ“*, и посмотреть на свою бывшую дѣятельность и борьбу съ Народной Волей

...съ усмѣшкой горькой

сбманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ!

Конечно, въ 1897 г., какъ и раньше, у Народной Воли были свои Никодимы, но они, какъ и подобаетъ Никодимамъ, спокойно сидѣли, ожидая, чѣмъ кончится начатая травля противъ Народной Воли, или — въ лучшемъ случаѣ — ограничивались теплыми словами въ литературѣ и выѣ ея по адресу прошлыхъ дѣятелей этой героической партіи.

Отступничество отъ Народной Воли подготавливалось давно, — въ 90-ые годы оно только сдѣлалось массовымъ и тогда принесло свои ужасные плоды. Расцвѣтъ дѣятельности народовольчества, вписавшаго въ исторію неизгладимыми чертами свое имя, продолжался очень и очень не долго — всего 3-4 года. Дальнѣйшіе послѣдователи Народной Воли или были лишены нужной поддержки со стороны окружающей атмосферы и потому сходили со сцены, не имѣя возможности даже начать дорогое для нихъ дѣло, или сами съуживали и извращали народовольческую программу и сводили дѣятельность боевой партіи на теоретическіе споры. Такъ дѣло съ Народной Волей обстояло въ Россіи, — не лучше оно было и за границей. Какъ велась въ 80-хъ и 90-хъ г.г. за границей пропаганда и защита идей Народной Воли, можно между прочимъ видѣть изъ того факта, что въ 1894 г. редакторъ народовольческаго органа и представитель группы „старыхъ народовольцевъ“ П. Л. Лавровъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что онъ „всегда публично высказывался, что элементъ терроризма, допущенный въ эту (т. е. народовольческую) программу, есть элементъ, крайне опасный для партіи“, т. е. и тогда, когда редактировалъ органъ *террористической* партіи („*Четувій Листокъ*“, изд. въ 1894 г. группой народовольцевъ въ Петербургѣ).

Въ 90-е годы идея борьбы съ русскимъ правительствомъ посредствомъ политическаго террора сдѣлалась среди русскихъ революціонеровъ одной изъ самыхъ непопулярныхъ идей. Въ эти годы народоволь-

цы, по словамъ „Искры“, на почвѣ защиты политическаго террора „оставались за флагомъ въ борьбѣ съ русскими соціалдемократами“. Это замѣчаніе „Искры“ совершенно вѣрно. Но не народовольцамъ, конечно, стыдиться этого пораженія и не соціалдемократамъ хвастаться этой ихъ побѣдой: *дискредитированіе терроризма въ Россіи было величайшимъ несчастіемъ для революціоннаго движенія и въ то же время величайшей побѣдой для русскаго правительства.*

Подъ давленіемъ обстоятельствъ появились — какъ это ни странно — народовольцы, *отрицавшіе терроръ !!!*. Политическій же терроръ заставилъ тѣхъ народовольцевъ, которые по разнымъ другимъ вопросамъ не могли встать въ ряды соціалъ-демократовъ, группироваться въ соціально-революціонныя организаціи, и они, не только въ 1894-97 г.г., но даже въ 1898 г. на своемъ партійномъ съѣздѣ принимали такого рода резолюціи:

„Относительно средствъ политической борьбы мнѣнія членовъ съѣзда расходятся; одни цѣликомъ (!) отрицаютъ терроръ, другіе же, считая его неизбѣжнымъ средствомъ завоеванія политической свободы, откладываютъ (!) его примѣненіе до момента организаціи сильной рабочей партіи, отъ имени и во имя которой велась бы террористическая борьба“.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, каково было отношеніе революціонеровъ къ Народной Воли и ея программѣ, когда мы выступили съ „Народовольцемъ“ и на его страницахъ стали защищать программу Народной Воли и ея террористическую борьбу. Мы старались высказать свои взгляды безъ экивоковъ, называя вещи ихъ собственными именами.

Можетъ быть, въ диссонансѣ нашихъ взглядовъ съ общимъ настроеніемъ среди революціонеровъ и кроется главная причина, почему насъ, несмотря на категоричность нашихъ заявленій *не хотѣли* понять и съ полемическими цѣлями намъ навязывали взгляды, которыхъ мы никогда не высказывали. Извѣстно, что самый глухой тотъ, кто не хочетъ слушать, а

охотниковъ слушать о необходимости террора во время изданія „Народовольца“ было, дѣйствительно, мало.

Наши политическіе противники не считали нужнымъ быть точными въ томъ, что они говорили и очень часто характеризовали „Народовольца“, какъ органъ исключительно террористическій, въ террора не видѣвшій никакихъ иныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Наму программу безъ оговорокъ иногда сводили къ чистому „бомбизму“, къ тому бомбизму, который „оживотворяетъ“ „динамитъ присутствіемъ разрушающаго, создающаго, устранившаго свойства въ немъ самомъ, въ этомъ динамитѣ, а не въ той или иной комбинаціи общественныхъ элементовъ и ихъ отношеній къ факту“ !!! (Надеждинъ „Копунъ“, стр. 21, 121).

Не знаемъ, нужно-ли говорить, что программа „Народовольца“ съ этого рода „бомбизмомъ“ общаго имѣетъ очень мало, — да мы сомнѣваемся, чтобы подобнаго рода „бомбасты“ существовали въ рядахъ русскихъ революціонеровъ. Они изобрѣтены въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, спеціально изъ политическихъ цѣлей для болѣе удобнаго нападенія на „не своихъ“, кто задолго до „Свободы“ защищалъ и для нихъ теперь дорогой принципъ борьбы съ русскимъ правительствомъ посредствомъ политическаго террора. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть удобнѣе для полемиста, какъ представить своихъ противниковъ въ глазахъ довѣрчивыхъ читателей людьми, вѣрующими въ „оживотворящую“ силу одного динамита и игнорирующими „комбинаціи общественныхъ элементовъ и ихъ отношеніе къ факту“, отрицающими значеніе массъ въ борьбѣ съ правительствомъ? Еще до борьбы полемистъ празднуетъ побѣду и заявляетъ, что „противоставить массы и серьезную социологическую теорію безграничной наивности — это такъ же легко, какъ убивать взрослого человека.

что *младенцев находят не под кустом малины*". Болѣе того: онъ „и жить и чувствовать спѣшить“, обѣщаетъ проявить особую энергію въ борьбѣ противъ своихъ товарищей-революціонеровъ, — онъ уже торопится вызвать крестовый походъ и противъ „бомбистовъ“ и вообще противъ революціонеровъ, признающихъ терроръ „главнымъ и основнымъ средствомъ борьбы“. „Нужно, говоритъ Надеждинъ, бороться съ такимъ направленіемъ мысли. И это долгъ (!!) не только отрицающаго терроръ, но и признающаго его“.

Кого имѣлъ въ виду Надеждинъ въ своихъ нападкахъ на „бомбистовъ“, догадаться не трудно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей брошюры онъ прямо къ „бомбистамъ“ отпосилъ редактора „Народовольца“ и „Былое“. Тотъ, кто читалъ наши изданія, знаетъ, какъ далеки мы отъ чистаго „бомбизма“, непризнающаго ничего, кромѣ динамита, и онъ только изумится, *для чего* понадобилось товарищу Надеждину прибѣгать въ полемикѣ противъ насъ къ такому не товарищескому литературному приему, и не пойметъ, какой *революціонный* интересъ могъ заставить Надеждина такъ неправильно ставить съ нами споръ.

Надеждинъ. надо замѣтить, самъ не изобрѣталъ обвиненія противъ насъ въ чистомъ бомбизмѣ, а только повторилъ лишь то, что до него говорили о нашихъ изданіяхъ очень и очень многіе изъ другихъ нашихъ противниковъ, которые съ самаго появленія 1-го № „Народовольца“ не переставали съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, извращать наши взгляды и дискредитировать наше направленіе, увѣряя всѣхъ, что въѣ бомбизма мы не видимъ никакихъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Успѣха нашихъ противниковъ, боровшихся съ „Народовольцемъ“ путемъ такого извращенія нашей программы, не пропали даромъ: въ своей революціонной борьбѣ мы много разъ встрѣчали препятствія не только со стороны правительства, но и со стороны очень многихъ ре-

волюціонеровъ. Въ настоящее время мы поднимаемъ этотъ вопросъ въ литературѣ для того, чтобы наши противники задумались надъ тѣмъ, кто *tertius gaudens* въ этой нашей взаимной борьбѣ, кому служили они, когда боролись съ „Народовольцемъ“?

Кто прочитаетъ хотя бы только тѣ отрывки изъ „Народовольца“, которые мы перепечатаваемъ въ настоящей брошюрѣ, тотъ увидитъ, что наша программа менѣе всего можетъ подлежать упреку въ какой-либо узости. Мы категорически высказались за террористическую борьбу, но въ тоже время мы не мало страницъ въ „Народовольцѣ“ посвятили доказательствамъ важности пропаганды среди рабочихъ, дѣятельности среди общества, студенчества и т. д., мы говорили и о значеніи культурной дѣятельности въ Россіи. Мы горячо привѣтствовали „*Leurope Russe*“, „*Free Russia*“, „*Przedwit*“, „*Жизнь і Слово*“, и нѣкоторыя изданія толстовцевъ, — это мы дѣлали не за ихъ пропаганду террора — ее не было въ этихъ изданіяхъ (все они были скорѣе антитеррористическаго направленія), — а за ихъ борьбу съ царизмомъ, за то, что они работали надъ нѣкоторыми революціонными и культурными вопросами, которые, какъ часть, входятъ и въ нашу программу наряду съ терроромъ. Про своихъ политическихъ противниковъ, кіевскихъ соціалдемократовъ, мы говорили въ „Народовольцѣ“ (стр. 43), что имъ „*спасибо скажетъ русскій народъ*“ за ихъ пропаганду среди рабочихъ. Мы это высказали не смотря на то, что сами прекрасно видѣли, что „*лукошко*“ (см. „*Канунъ Революціи*“ стр. 66), изъ котораго сѣяли кіевскіе соціалдемократы, не ахти какое важное и изъ него, не богъ вѣсть, сколько можно насѣять „*доброю, стѣпною*“. Но пока изъ этого лукошка не дѣлаютъ себѣ идола и изъ-за него не перестаютъ видѣть солнца и даже отрицать его существованіе, до тѣхъ поръ мы готовы привѣтствовать всякаго, кто займется про-

грессивной работой на пользу русскаго народа.

О „Народовольцѣ“ нельзя говорить, какъ объ исключительно террористическомъ органѣ уже по одному тому, что онъ не выставилъ никакой своей особенной программы, и прямо всталъ подъ знамя партіи Народной Воли, какой она была въ 1879-1881 г. Кто же будетъ партію Народной Воли характеризовать, какъ партію исключительно террористическую? Народовольцы не только вели громкую террористическую борьбу, но они въ тоже самое время работали среди общества, студенчества, офицерства, крестьянъ, рабочихъ. Вотъ что, напримѣръ, говорится о дѣятельности народовольцевъ среди рабочихъ на 22-24 страницахъ 1 № „Народовольца“.

„Сочиненія Лассалля, Маркса еще въ 70-хъ годахъ были изданы по русски, пропагандировались среди рабочихъ, излагались въ народныхъ книжкахъ („Хитрая мессаника“, „Царь-голова“, въ книжкахъ Степяка и пр.) и при томъ лицами, наиболее близкими къ Народной Волѣ.“

Въ какомъ духѣ велась народовольцами пропаганда среди рабочихъ видно, напр., по книжкѣ „Царь-голова“ (популяризація Маркса), принадлежащей эмигранту А. Баху, видному и характерному дѣятелю Народной Воли въ 1882-1885 г.г. и представляющей ничто иное, какъ записанныя за нимъ лекціи среди рабочихъ въ Казани въ 1883 году. Книжка эта, какъ видно изъ прошлыхъ (т. е. 1896 г.) петербургскихъ прокламацій, и теперь усиленно распространяется среди рабочихъ. Народовольцы всегда удѣляли много силъ для пропаганды среди рабочихъ, старались организовывать ихъ и для политической и для экономической борьбы и помогали ихъ стачкамъ. Современное движеніе среди рабочихъ отличается отъ прошлаго лишь размахомъ и интенсивностью, — и это развитіе дѣла доказываетъ лишь, что былая пропаганда среди рабочихъ не прошла даромъ.

„Разумѣется, какъ прежде, такъ и теперь, между практической дѣятельностью среди рабочихъ у народовольцевъ и социалдемократовъ разницы никакой нѣтъ или почти нѣтъ, — и понятно почему: социалдемократы только присоединились къ тому, что до нихъ дѣлали и дѣлаютъ до сихъ поръ народовольцы. Разница ихъ отношеній къ рабочему дѣлу заключается въ одномъ: для народовольцевъ — пропаганда среди рабочихъ была лишь однимъ изъ пунктовъ ихъ дѣятельности, для социалдемократовъ — существеннымъ. Въ теоріяхъ разница между этими двумя революціонными

теченіями — значительнѣе, во не такая, конечно, чтобы доходить до „нашихъ разногласій“.

Неужели же изъ одного только что сказаннаго нами не видно, что народовольческая программа, которую принялъ и защищалъ „Народоволецъ“, не сводилась къ одному террору, и неужели эту программу можно назвать „бомбизмомъ“?

Статьи въ защиту террора появились въ „Народовольцѣ“ въ то время, когда защищать его въ литературѣ не рѣшался ни одинъ изъ его Никодимовъ, — и эта защита террора велась нами съ такой рѣзкостью и прямою, отъ которыхъ отвыкли уши и глаза русскихъ читателей лѣтъ 15-17 — со времени брошюръ Н. Морозова, „Набата“ и „Народной Воли“. Поэтому-то, быть можетъ, инымъ читателямъ и могло казаться, что единственнымъ содержаніемъ „Народовольца“ была пропаганда террора, и за ней они могли не видѣть не менѣе категорической пашей защиты пропаганды во всѣхъ слояхъ населенія и борьбы съ правительствомъ всѣми средствами. Но обязанность публициста или даже всякаго отдѣльнаго человѣка, берущагося проводить въ жизнь тѣ или иные взгляды, не ограничиваться тѣмъ, что ему *кажется*, а глубже и серьезнѣе всматриваться въ дѣло, за которое онъ берется. Это особенно слѣдуетъ усвоить русскимъ революціонерамъ, которымъ приходится бороться съ правительствомъ за свои идеи при необыкновенно трудныхъ условіяхъ. Надо выработать уваженіе къ труду и инициативѣ тѣхъ, кто въ свою революціонную дѣятельность вкладываетъ и свою душу и свою жизнь и служитъ революціонному дѣлу „по сущей совѣсти“. Навязывать противнику не его взгляды, съ прямою цѣлью компрометировать его, значитъ бороться съ нимъ оружіемъ человѣка, не вѣрующаго въ свою правоту или не достаточно серьезно относящагося къ революціонному дѣлу.

Послѣдніе четыре года были значительно благопріятнѣе для дѣла защиты террористической программы. До этого времени, начиная съ половины 80-хъ годовъ, о террорѣ почти не было и рѣчи ни въ Россіи, ни за границей, — за всѣ эти годы въ пародовольческихъ изданіяхъ можно встрѣтить лишь нѣсколько отрывочныхъ, мимоходомъ сдѣланныхъ, замѣчаній въ пользу террора, но не болѣе. Въ защиту террора ничего не было сказано даже такого, что можно было бы поставить въ параллель не только съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ теперь въ „Нашихъ Задачахъ“, въ брошюрѣ Григоровича или въ изданіяхъ группы „Свобода“, но и съ тѣмъ, что есть въ 1 № „Вѣстника Русской Революціи“. Лучшее, что только было написано о террорѣ въ тѣ годы, заключается въ сочиненіяхъ Степяка и Алисова — особенно въ любопытной брошюрѣ послѣдняго „Терроръ“ (1893 г.)

Съ 1898 г. стало раздаваться все болѣе и болѣе голосовъ въ защиту террора.

Первымъ, послѣ „Народовольца“, голосомъ за терроръ была брошюра, изданная въ Россіи соціалистами-революціонерами — „Наша Задача“. Потомъ въ томъ же 1898 г. появилась за границей такая же любопытная брошюра, какъ и „Наша Задача“, „Соціализмъ и политическая борьба“ Григоровича, изданная заграничными соціалистами-революціонерами. Въ обѣихъ брошюрахъ мы видимъ горячую защиту террора и широкій — почти пародовольческій — взглядъ на дѣло. Нельзя не пожалѣть, что эти свои взгляды авторы обѣихъ брошюръ не высказали раньше, хотя бы это имъ пришлось говорить тогда вразрѣзъ съ общимъ антитеррористическимъ настроеніемъ революціонеровъ.

Съ половины 1900 г. на страницахъ „Наканунъ“ мы находимъ — главнымъ образомъ въ талантливыхъ статьяхъ Оленина и Галина — широкій взглядъ на Народную Волю и горячую защиту ея „методовъ боръ-

бы“, т. е. между прочимъ и террора. Съ рѣдкимъ знаніемъ вопроса авторы этихъ статей воздали должное Народной Волѣ и отвѣтили ся придирчивымъ и несправедливымъ критикамъ.

Любопытнымъ признакомъ времени съ начала 1901 г. явились изданія соціалдемократической группы „Свобода“: „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“, „Свобода“ № 1 и „Капуцъ Революціи“. Впервые со страницъ соціалдемократическихъ изданій — правда, совершенно иного типа, чѣмъ тѣ, съ которыми мы были знакомы до сихъ поръ — мы услышали довольно опредѣленный призывъ русскихъ революціонеровъ вступить на путь террора.

14 февраля 1901 г. въ Петербургѣ раздался выстрѣлъ Карповича по Боголѣпову, а вскорѣ послѣ него — Лаговского по Побѣдоносцеву. Агитація за необходимость политическаго террора сразу обострилась и о немъ заговорили повсюду. Въ Петербургѣ, Кіевѣ, Ригѣ появились прокламаціи съ призывомъ къ продолженію террористической борьбы. Всѣ вздохнули свободнѣе и почувствовали себя и бодрѣе и сильнѣе. Выстрѣлы Карповича и Лаговского отразились въ оживленіи всей революціонной и общественной дѣятельности, — ихъ ободряющее вліяніе сказалось во всѣхъ постѣдовавшихъ демонстраціяхъ, въ усиленіи агитаціи и пропаганды среди всѣхъ слоевъ населенія и т. д.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ и упорныхъ противниковъ террора товарищъ Кричевскій привѣтствовалъ Карповича и Лаговского отъ имени „Союза русскихъ соціалдемократовъ“ въ своей статьѣ „Историческій поворотъ“ (6 № „Листка Рабочаго Дѣла“):

„Наши соціалдемократическіе комитеты, были застигнуты врасплохъ разразившейся бурей — застигнуты врасплохъ и вслѣдствіе хроническихъ массовыхъ арестовъ, и вслѣдствіе внезапности и стремительно быстрого хода событій, а отчасти (зачѣмъ это скрывать?) и вслѣдствіе извѣстной косности, свойственной всякой организаціи, приурочившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности“.

„Мы можемъ и должны кореннымъ образомъ измѣнить нашу тактику, и чѣмъ скорѣе и безповоротнѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше! Старый „воинъ революціи“ — Вильгельмъ Либкхнехтъ говорилъ: „Если обстоятельства измѣняются въ 24 часа, то нужно и тактику измѣнить въ 24 часа“. Дѣятельность, рассчитанная на сѣрую, мирную обстановку, на періодъ всеобщаго упадка революціоннаго духа, на медленный, эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитываніе ея, такъ сказать, путемъ перехода отъ простаго къ сложному, отъ близкаго къ болѣе далекому, — такая дѣятельность была бы роковой ошибкой въ моментъ быстраго прилива революціонныхъ силъ, когда каждый день начавшейся активной борьбы съ самодержавіемъ революціонизируетъ массу гораздо быстрѣе, чѣмъ цѣлые годы мирной пропаганды и агитаціи“.

„Историческій моментъ выдвинулъ также передъ нашей партіей совершенно новый вопросъ. *Выстрѣлы Карповича и Лаговского* и то горячее сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ молодежи и всѣхъ революціонныхъ элементовъ вообще, ясно показываютъ, что *блгный терроръ* царскаго правительства снова, съ неотвратимой силой закона природы, создаетъ почву для *краснаго террора* революціонеровъ. Наши партійныя организаціи не могутъ и не должны игнорировать этого факта, обходить его молчаніемъ. Они должны *сообща* рѣшить, какое положеніе имъ *всѣмъ* занять по отношенію къ террору“.

„Новыя времена — новыя задачи. Историческій поворотъ въ жизни нашей родины требуетъ поворота и во всей нашей тактикѣ. Все будущее Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи зависить отъ того, сумеетъ ли она проявить необходимую для даннаго момента революціонную энергію, и ея нужно очень много, чтобы справиться со всѣми новыми задачами. Иначе поднявшаяся волна революціоннаго движенія не вынесетъ нашу партію наверхъ, а наоборотъ, отброситъ ее далеко внизъ“.

„Въ настоящее время благоразумна одна только смѣлость!“

Послѣ 14 февраля на русскихъ улицахъ во время демонстрацій не рѣдко можно было услышать:

„Да *здравствуетъ Карповичъ!*“

Выстрѣлъ Лаговского и его рѣчь на судѣ продолжили дѣло начатое Карповичемъ. Голосъ Лаговского, какъ и письмо Карповича изъ тюрьмы, были за немедленную террористическую борьбу съ русскимъ правительствомъ.

„*Революціонная Россія*“, органъ социалистовъ-революціонеровъ, издавшихъ „*Наши Задачи*“, въ статьѣ

одѣлѣ Карповича и Лаговского, привѣтствовала обоихъ ихъ, какъ революціонеровъ, давшихъ вѣрный, давно ожидавшійся отвѣтъ на вопросъ, что дальше? Статья „Революціонной Россіи“ была написана горячо, но она все-таки не достаточно полно передовала энтузіазмъ, который охватилъ истинныхъ революціонеровъ, когда они слышали петербургскіе выстрѣлы Карповича и Лаговского.

Въ половинѣ 1901 года вышелъ 1-й № „Вѣстника Русской Революціи“, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые члены заграничной группы старыхъ народовольцевъ.

„Вѣрные традиціи Исполнительнаго Комитета, говорится въ „Вѣстникѣ“, мы смотримъ на терроръ, какъ на необходимое, хотя и печальное орудіе борьбы съ правительствомъ, которое само отказывается отъ человѣческихъ формъ самозащиты. И, какъ Исполнительный Комитетъ, мы полагаемъ, что систематическій терроръ можетъ оказаться цѣлесообразнымъ лишь въ рукахъ организованной партіи. Не забудемъ, что террористическая дѣятельность Народной Воли отвѣчала насущной необходимости революціонной борьбы, отвѣчала исторической, до сихъ поръ еще не рѣшенной задачѣ низверженія самодержавія, отвѣчала, наконецъ, настроенію всѣхъ живыхъ силъ общества“.

„Преклоняясь передъ героизмомъ Карповича и Лаговского, мы не вѣримъ, что такимъ путемъ можно свергнуть самодержавіе, которому страшенъ только предпринятый партіей строго-организованный терроръ“.

„Когда читаешь письма очевидцевъ (избіенія демонстрантовъ въ Петербургѣ въ 1901 г.), негодованіе наполняетъ грудь, и невольно сжимаешь кулаки, и горько сожалѣешь о томъ, что никто изъ избиваемыхъ не запасся револьверомъ и тутъ же на мѣстѣ побоища не расстреляли голову этому свирѣпому звѣрю (Клейгельсу) для того, чтобы всадить вмѣстѣ съ пулей въ неандертальскій черепъ этого доисторическаго человѣка, этого геологическаго современника пещернаго медвѣдя и пещерной гіены, болѣе культурныя понятія о мирной демонстраціи“ ...

На страницахъ того же 1 № „Вѣстника“ впервые появилось письмо Карповича, написанное имъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда.

„Вѣрю по-прежнему, писалъ Карповичъ, что нужно созданіе дѣльной революціонной организаціи безъ словъ, но для дѣла. Будетъ организація (не партія), сама жизнь заставитъ ее вступить въ политическую борьбу, т. е. борьбу непосредственную съ рус-

скимъ правительствомъ. Безъ этого она растворится, растаетъ или упрется въ тупой уголъ, откуда выхода нѣтъ. А другой борьбы, какъ террористической, я не знаю. Теперь я могу еще добавить, — это уже не перечувствованное, а плодъ спокойной думы, — что на особенно безобразныя выходки правительства нужно отвѣчать, но отвѣтъ пусть беретъ на себя отдѣльный человѣкъ, не дожидаясь, пока возникнетъ организація“.

Если не въ „Przedswit“, то въ „Работникъ“, издаваемомъ той же Польской Соціалистической партіей, появилась статья въ защиту террора.

Другая польская партія „Пролетаріатъ“ выступила съ 1900 г. съ систематической защитой политическаго террора, какъ неизбежнаго средства борьбы съ русскимъ правительствомъ. Защищая Народную Волю, какой она была въ 1879-81 г.г., „Пролетаріатъ“ видитъ выходъ изъ современнаго положенія въ возвращеніи русскихъ революціонеровъ къ ея традиціямъ. Этой же партіей издана по-польски брошюра о дѣлѣ Карповича и Лаговского, гдѣ ихъ приветствуютъ, какъ прямыхъ продолжателей дѣятелей Народной Воли. Среди еврейскихъ организацій нашлись отдѣльныя группы, которыя заговорили о необходимости „боевыхъ дружинъ“ и террористической борьбы.

Еще недавно появилась брошюра студента-революціонера (Стрядова) „Объединимся.“ съ эпиграфомъ: „Ferro ignique“.

„Нужны выстрѣлы!“ пишетъ онъ: „Нужна громкая пальба по всей линіи, иначе снова закоснѣетъ общество, и трудно будетъ призвать его къ новой жизни. Нужны старые террористы, нужны герои, самоотверженные апостолы свободы, крови и мученія.“

„Нужны удары, удары со всѣхъ сторонъ!“

„Нужны бойцы. Ихъ есть вдосталь. По всѣмъ угламъ Россіи свуютъ они, не зная, куда приложить свои силы, и остаются на всю жизнь „домашними“ революціонерами, насвистывающими „дубинушку“ въ четырехъ стѣнахъ своей запертой квартиры. Имъ нужно кличь кликнуть, собрать ихъ въ тѣсную, дружную семью борцовъ-единомышленниковъ, и не будетъ того громкаго подвига, той работы гигантовъ, которыхъ бы они не совершили“.

Въ самое послѣднее время за террористическую борьбу съ правительствомъ высказались „Народные

„Листки“, предназначенные для распространения среди народа. Еще въ № 8 „Народныхъ Листковъ“ ихъ издатели въ статьѣ „Объ уличныхъ безпорядкахъ“ говорили о вооруженномъ нападеніи на правительство и о необходимости „изгнания изъ обращенія“ главныхъ реакціонныхъ дѣятелей. Въ 11 № „Народныхъ Листковъ“ издатели по вопросу о террорѣ говорятъ еще болѣе опредѣленно.

„Путь террора, путь устрашенія теперь оставленъ. Но значитъ-ли это, что этотъ путь оставленъ революціонерами навсегда и уже болѣе не возобновится?“

„Такъ думать значитъ совсѣмъ не видѣть и не понимать того, что происходитъ теперь въ Россіи.

„Терроръ долженъ неизбежно появиться снова, но появится онъ въ нѣсколько другомъ видѣ.

„Будущіе террористы станутъ приурочивать свои нападенія на болѣе выдающихся членовъ правительственной шайки именно ко днямъ уличныхъ волненій, потому что устраненіе этихъ членовъ именно въ такіе дни принесетъ дѣлу революціи наибольшую пользу: оно усилитъ смятеніе правительства, всколыхнетъ общество и придастъ бодрость всѣмъ борцамъ за свободу.

„25 лѣтъ тому назадъ полемъ борьбы террористовъ — устрашителей — былъ городъ, а противниками ихъ были тѣ важные чиновники, которые имъ мѣшали.

„Теперь-же полемъ борьбы явится не только городъ, но и деревня, и фабрики и мастерскія; противниками-же ихъ будутъ всѣ тѣ, отъ которыхъ, такъ или иначе, народу житья нѣтъ. Террористы будутъ снимать съ народной шеи тѣхъ, которые особенно къ нему люты, несправедливы и жестоки; они явятся какъ бы исполнителями народныхъ приговоровъ и мстителями за поруганныя права народа“.

Вотъ нѣсколько голосовъ въ защиту террора, раздавшихся въ литературѣ послѣ выхода послѣднего номера „Народовольца“.

Кто перечелъ все, на что въ настоящей нашей статьѣ мы дѣлали только ссылки, тотъ, конечно, знаетъ, какъ въ большинствѣ случаевъ велика разница во взглядѣ на терроръ упоминаемыхъ писателей съ тѣмъ, что по этому вопросу мы писали въ „Народовольцѣ“, и какъ въ свою очередь эти статьи отличаются одна отъ другой. Разница заключается и въ

ожидаемыхъ результатахъ отъ террора, и въ оцѣнкѣ условій его успѣшности, и въ отношеніи къ вопросу о пропагандѣ террора, въ языкѣ, какимъ говорилось о террорѣ и т. д. и т. д... Но тотъ, кто за этими „нашими разногласіями“ не замѣтитъ еще большаго сходства у всѣхъ писавшихъ о террорѣ, тотъ за деревьями не видитъ лѣса.

Да, — по вопросу о террорѣ существуютъ, конечно, значительныя разногласія между „Народовольцемъ“, „Былымъ“, „Нашими Задачами“, брошюрой Григоровича, статьями Оленина и Галина, „Свободой“, письмами и рѣчью на судѣ Карповича, рѣчью Лаговскаго, „Революціонной Россіей“, „Вѣстникомъ Русской Револуціи“, „Работникомъ“, „Пролетаріатомъ“, брошюрой Стрядова, изданіями „Народныхъ Листковъ“. Но признаніе огромнаго значенія за фактами террористической борьбы, признаніе, *общее всемъ террористамъ*, затушевываетъ ихъ взаимныя разногласія и по частнымъ вопросамъ о террорѣ и по всѣмъ другимъ вопросамъ революціонной теоріи и тактики. Такого сознанія близости между защитниками террора, къ сожалѣнію, не видно въ ихъ произведеніяхъ. Замѣчается, наоборотъ, ихъ отчужденность другъ отъ друга и даже сознательное, дѣланное игнорированіе однимъ другого.

Политическій терроръ имѣетъ такое рѣшающее значеніе въ жизни нашей родины, его вліяніе такъ глубоко, всеобъемлюще, что передъ нимъ *все* другія разногласія террористовъ *должны исчезнуть*. Политическій терроръ — главнымъ образомъ онъ — долженъ быть доминирующимъ факторомъ въ установленіи отношеній между группами, признающими одинаково его огромное значеніе. Всѣ защитники политическаго террора, несмотря ни на какія разногласія по всѣмъ другимъ вопросамъ, должны чувствовать себя членами одной семьи — такъ или иначе слиться въ одну *линию политическаго террора*.

Въ статьяхъ, посвященныхъ защитѣ террора, о которыхъ мы говорили, однако „не все обстоитъ благополучно“, — на кое что, по нашему мѣнью, ошибочное, мы и обратимъ вниманіе нашихъ читателей.

Въ „Накапуцѣ“, гдѣ въ статьяхъ Оленина и Галина съ такой силой и убѣдительностью рекомендуются возвратиться къ традиціямъ Народной Воли, въ редакціонныхъ статьяхъ мы встрѣчаемъ о террорѣ вотъ какого рода мысли :

„Терроръ, говоритъ г. Серебряковъ, не предметъ теоретическихъ разсужденій. Онъ создается жизнью, всеобщимъ настроеніемъ сознательныхъ элементовъ и всѣхъ революціонныхъ силъ, опредѣляется минутой и потребностями борьбы, создаваемыми находящимися подъ огнемъ силами. Сколько не кричи противъ него, если жизнь его вызываетъ, онъ будетъ, а если она его не требуетъ — его никакими писаніями не вызоветъ. И, конечно, намъ толковать о немъ, предрѣшать его и за него расходиться не приходится. Не мы будемъ рѣшать этотъ вопросъ, а будущая русская дѣйствительность и борющаяся въ Россіи партія“.

Нечего говорить, что такое рѣшеніе вопроса является только бѣгствомъ отъ собственной мысли. Это не революціонная борьба съ русскимъ правительствомъ, а дезертирство изъ революціонныхъ рядовъ...

Еще болѣе ошибочныя поты о террорѣ взяты въ „Вѣстникъ Русской Революціи“. На ряду съ очень сильными мѣстами въ защиту террора „Вѣстникъ“ говоритъ слѣдующее :

„Но ужъ, конечно, не изъ заграницы мы будемъ призывать людей къ террору и ограничиваемся простымъ напоминаніемъ о той точкѣ зрѣнія, на которой стояли двадцать лѣтъ назадъ наши товарищи“...

„Не намъ, заграничнымъ писателямъ, диктовать тактику борьбы нашимъ товарищамъ, дѣйствующимъ въ Россіи. Мы, конечно, имѣемъ и право, и обязанность отвѣчать на запросы жизни, излагать наши мысли для разъясненія сложныхъ вопросовъ теоріи : это наше право убѣжденныхъ соціалистовъ, независимое отъ того, куда насъ забросила судьба и какова степень нашего участія въ практической борьбѣ. Но рѣшать вопросы о приѣмахъ борьбы должны тѣ, кто передъ лицомъ міра и родины берутъ на себя всю за нихъ отвѣтственность“...

Еслибы „Вѣстникъ“ въ данномъ случаѣ былъ правъ, — тогда бы его сотрудникамъ пришлось отказаться

не только отъ защиты террора на его страницахъ, но и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла дѣйствующихъ въ Россіи революціонеровъ. Эта ошибочная и вредная мысль, демонстративно подчеркнутая журналомъ, къ сожалѣнію, и раньше часто высказывалась среди эмиграціи и была положена въ основу дѣятельности той ея части, которая и сама считала себя близкой къ пародовольчеству. Но какъ тогда, такъ и теперь, эта мысль являлась и является чѣмъ-то напоснымъ, бѣлыми питками пришитой къ другимъ взглядамъ этихъ эмигрантовъ, плодомъ ихъ опортунизма и сдѣлокъ съ жизнью, — и поэтому тѣмъ будетъ лучше, чѣмъ скорѣе сотрудники „Вѣстника“ и другіе подобные имъ защитники террора отдѣлаются отъ подобныхъ взглядовъ и свои силы приложатъ къ пропагандѣ и къ проведенію въ жизнь идеи о важномъ значеніи террора въ настоящее время.

Болѣе рѣшительно, чѣмъ „Вѣстникъ Р. Р.“ за терроръ высказалась группа „Свобода“, но мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ ея взглядами на террористическую борьбу. По словамъ публициста „Свободы“ терроръ въ настоящее время не можетъ имѣть на правительство устрашающаго характера, а только будетъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на рабочія массы. Эксцитативный характеръ политическаго террора въ сомнѣніи. Только благодаря ему пародовольцы въ 1879-81 г. г. сумѣли поставить серьезныя политическіе вопросы и передъ обществомъ и передъ рабочими. Всѣ революціонеры, пропагандирующие и агитирующие среди рабочихъ и крестьянъ, воспользуются террористической борьбой самымъ широкимъ образомъ, — имъ воспользуются и тѣ революціонеры, которые теперь *за* нее и тѣ, которые *противъ* нея. Террористическая борьба всѣмъ центральной революціонной организаціи составитъ себѣю какъ въ общей нашей борьбѣ съ правительствомъ, такъ и въ пропагандѣ и агитаціи среди па-

родныхъ массъ. Но этимъ роль политическаго террора не ограничивается. Одинокіе выстрѣлы Карповича и Лаговскаго заставили правительство вздрогнуть болѣе, чѣмъ сотни стачекъ и десятки наиболѣе удачныхъ манифестацій: въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ была уже замѣтна паника. Борьба же Исполнительнаго Комитета, какой бытъ во времена Народной Воли (при желаніи его можно создать и въ настоящее время), сумѣла бы парализовать дѣятельность правительства и поставила бы передъ нимъ дилемму: *или подчиниться, или удалиться*. Поэтому всѣ разсужденія публициста „Свободы“ о томъ, что *терроръ* теперь не можетъ имѣть *терроризирующаго* значенія на правительство, близо-руки, противорѣчатъ фактамъ, заключаютъ въ себѣ самое грубое непониманіе политическихъ вопросовъ нашего ближайшаго будущаго.

Въ послѣднихъ изданіяхъ „Свободы“ вопросъ о террористической борьбѣ какъ бы сходитъ со сцены. Свободовцы, повидимому, придерживаются застарѣлаго предразсудка о томъ, что терроръ, пожалуй, можно дѣлать, но о террорѣ не говорятъ: его замалчиваютъ!.... Написать нѣсколько страницъ о террорѣ еще можно, но возвращаться къ этому вопросу значитъ уже заниматься „чернильнымъ терроромъ“. Этотъ взглядъ, конечно, крайне ошибоченъ. Терроръ, какъ и всѣ другіе революціонные вопросы, *въ одинаковой степени* требуетъ всесторонняго, внимательнаго изученія: правда, его не такъ то удобно разбираться въ литературѣ по *полисейскимъ* соображеніямъ, но это не имѣетъ никакого отношенія къ *политическимъ* программнымъ вопросамъ. Кому угодно, тотъ можетъ въ литературѣ *обходить* вопросъ о террорѣ, но подыскивать аргументы принципиальнаго характера для объясненія не принципиальнаго вопроса — замалчиванія въ литературѣ о террорѣ — значитъ путать совершенно различныя вещи. Это мы говоримъ

не противъ „Свободы“, а противъ тѣхъ, кто въ себѣ бѣгающъ отъ разработки вопроса о террорѣ и въ ея разсужденіи о „чернильномъ террорѣ“ вздумалъ-бы видѣть что-нибудь иное, кромѣ ихъ логической и тактической ошибки принципіальнаго характера. Такихъ ошибокъ по вопросу о террорѣ „Свобода“ сдѣлала очень много: и въ разсужденіяхъ объ его исключительно эксцитативномъ значеніи и въ его замалчиваніи въ своихъ послѣднихъ издачіяхъ и въ шельмованіи террористовъ („*Капунъ революціи*“, стр. 59), гдѣ публицистъ „Свободы“ болѣе всего хлещетъ самого себя.

Свободовецъ намъ обѣщаль показать разницу между терроромъ, какъ онъ его понимаетъ, и терроромъ Народной Воли, но этого онъ еще не сдѣлалъ: указаніе на приурочиваніе фактовъ террористической борьбы къ демонстраціямъ и народнымъ волненіямъ, указаніе, дѣлаемое и издателями „Народныхъ Листковъ“ и нѣкоторыми соціалдемократами изъ „*Рабочаго Дѣла*“ (см. ниже), не уясняетъ вопроса. Такое приурочиваніе террора къ крупнымъ событіямъ народной жизни всегда входило, *какъ часть*, во взгляды народовольцевъ на террористическую борьбу съ русскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, и въ *этомъ* случаѣ современнымъ террористамъ не удастся пайти разногласій съ Народной Волей, хотя-бы они и искали ихъ во что бы то ни стало изъ любви къ нимъ и изъ не любви къ товарищеской, преемственной борьбѣ.

У землевольцевъ-террористовъ и у народовольцевъ терроръ иногда и не былъ связанъ съ массовой народной борьбой. Это, напримѣръ, падо сказать о дѣлѣ Мезенцева, Стрѣльникова, Судейкина, и др., по развѣ *подобныя* дѣла могутъ не входить въ планы дѣйствія всѣхъ современныхъ террористовъ?

Мы думаемъ, свободовцы-террористы, какъ и „соціалисты-террористы“, объ образованіи кружка кото-

рыхъ мы слышали, и всѣ другіе современныя террористы могутъ быть только прямыми продолжателями Народной Воли, и ихъ попытки, подобно попыткамъ „Свободы“, противопоставить свое пониманіе террористической борьбы пониманію Народной Волей, какъ нѣчто новое, — ошибочны и вредны.

Указанное нами „бѣганіе“ „Свободы“ отъ вопроса о террорѣ очень модное явленіе, — не рѣдко встрѣтить изданія „террористовъ“, вродѣ 2 № „Вѣстника Р. Р.“, въ 30-35 листовъ, гдѣ нѣтъ даже и намека на терроръ, который, по мнѣнію, редакторовъ и сотрудниковъ этихъ изданій можетъ въ настоящее время сыграть не только огромную роль въ борьбѣ съ правительствомъ, но и *решающую*.

Нельзя не обратить вниманія на языкъ статей, въ которыхъ говорилось о необходимости, неизбежности и т. д. террористической борьбы въ Россіи. Объ этого рода борьбѣ очень часто, почти всегда, писали, или даже вѣрнѣе сказать, намекали съ какой-то непонятной особенной сдержанностью, какой нельзя встрѣтить въ разсужденіяхъ на другія темы.

Въ прекрасной прокламаціи „Рабочей партіи политическаго освобожденія Россіи“, изданной въ 1900 году, мы находимъ слѣдующія строки:

„Намъ не даютъ праздновать 1-ое мая такъ, какъ празднуютъ за-границей, — отпразднуемъ его по своему: нельзя взять въ руки красное знамя — возьмемъ другое... Нельзя пѣть наши пѣсни — заставимъ пѣть нашего врага...

„Товарищи! Не забудемъ только, что мы знаемъ ближайшаго врага, знаемъ, что съ нимъ надо бороться и бороться немедленно. А какими средствами — это указано намъ героями борьбы 79-80-81 г.г.“

Далѣе этого не шелъ языкъ террористовъ, печатавшихъ свои изданія на безусловно безцензурномъ стапкѣ тайныхъ типографій, болѣе свободныхъ, чѣмъ типографіи въ Лондонѣ или Парижѣ. „Революціонная Россія“, напримѣръ, создала апофеозъ Карповичу за его выстрѣлъ въ Боголѣнова, но довести свою мысль о террорѣ вообще до логическаго конца,

выступить съ горячимъ призывомъ революціонеровъ къ *немедленной* террористической борьбѣ она не сдѣлала ни до, ни послѣ дѣла Карповича. Еще недавно въ 3-й (январь 1902 г.) „Революціонная Россія“ такъ опредѣлила свое отношеніе къ террору:

„Признавая въ принципѣ неизбежность и цѣлесообразность террористической борьбы, партія оставляетъ (!) за собой право приступить къ ней тогда, когда, при паличности окружающихъ условій, она признаетъ это возможнымъ“.

Вотъ все, что редакція сочла возможнымъ сказать о террорѣ, признаваемомъ ею *цѣлесообразнымъ* и даже *неизбѣжнымъ* средствомъ борьбы, которому, по ея мнѣнію, однако нѣтъ мѣста въ настоящее время, а будетъ *тогда, когда* и т. д.

Шагъ впередъ по вопросу о террорѣ представляеть только что полученный нами 4-й № „Революціонной Россія“. Тамъ о террорѣ находимъ слѣдующія строки:

„Когда вспоминаешь, какихъ крупныхъ моральныхъ усилій могла добиться славной памяти Народная Воля, благодаря своей крѣпкой организаціи, — и добиться-то среди совершенно неподготовленнаго идеями пролетаріата, — то начинаешь всѣми силами приглашать товарищей по борьбѣ съ самодержавіемъ къ координаціи боевыхъ силъ и къ выдѣленію изъ себя спеціальнаго органа для нападенія на абсолютизмъ“.

„Только строго централизованная, цѣлесообразно бьющая въ одну точку борьба можетъ ускорить, какъ принято выражаться, муки родовъ нашего общественнаго организма, чреватаго новымъ лучшимъ будущимъ. Мы, конечно, вполне признаемъ неизбежность скорого паденія нашего абсолютизма, но считаемъ дѣломъ громадной важности придать еще большую интенсивность этому стихійно-революціонному процессу. И едается намъ, что именно съ цѣлью быстраго освобожденія общества отъ гнетущаго его деспотизма, мы не можемъ, не должны ограничиваться ролью исключительно повивальной бабки русской свободы, когда, *можетъ-быть*, намъ придется прибѣгнуть при этихъ трудныхъ родахъ къ кесареву сѣченію. А для этого нужна твердая рука оператора, и, стало быть, главный первный центръ, управляющій движеніями революціоннаго острія“.

Мысль о *кесаревомъ* сѣченіи, конечно, вѣрна. Еще въ евангеліи сказано: „Воздайте кесарю Кесарю“.

Но мы не можем не замѣтить, что эта мысль въ „Революціонной Россіи“ какъ-будто случайно только брошена или намѣренно выражена въ туманной формѣ, а это жаль: гдѣ нѣтъ ясности въ выраженіи мысли, тамъ нѣтъ и твердаго рѣшенія достигнуть цѣли.

„Революціонная Россія“, однако, еще менѣе другихъ изданій повинна въ недостаточно рѣзкомъ и ясномъ выраженіи своихъ взглядовъ на терроръ. Во всемъ, что писалось о террорѣ въ Россіи, замѣтна еще большая робость мысли. Будущій историкъ русскаго революціоннаго движенія съ изумленіемъ остановится надъ этой непонятной сдержанностью въ изданіяхъ современныхъ русскихъ *террористовъ* по вопросу о террорѣ.

Мы указали на нѣкоторыя слабыя стороны въ защитѣ террора, какой мы находили ее въ литературѣ за послѣдніе годы, но мы еще разъ напомнимъ читателямъ, что для пропаганды и защиты политическаго террора за послѣдніе годы — начиная съ 1897 года — сдѣлано въ указанныхъ нами изданіяхъ довольно много. Теперь надо только продолжить начатое дѣло и внести въ него большую энергію и опредѣленность. Не надо забывать, что защищать терроръ въ литературѣ приходится при условіяхъ несравненно болѣе трудныхъ, чѣмъ писать объ его нецужности и вредѣ.

Укажемъ еще въ нѣсколькихъ словахъ, что за послѣднее время для парализованія возникновенія въ Россіи политическаго террора было сдѣлано со стороны нѣкоторыхъ социалдемократовъ.

„Рабочее Дѣло“, вообще вѣрно отражавшее настроеніе социалдемократовъ въ Россіи и заграничѣ, не разъ говорило за эти годы о бесполезности и вредѣ политическаго террора. Послѣ выстрѣла Карповича на страницахъ „Листка Рабочаго Дѣла“ появи-

лась статья Кричевскаго „Историческій поворотъ“, гдѣ политическій терроръ былъ признанъ важнымъ средствомъ борьбы съ русскимъ деспотизмомъ. Это шло въ разрѣзъ съ десятилѣтнимъ доктринерствомъ соціалдемократовъ, съ такъ называемой ихъ „научностью“, съ ихъ извращеннымъ пониманіемъ идей Маркса, который, подобно Энгельсу, въ эпоху Народной Воли былъ убѣжденнымъ террористомъ и имъ остался-бы, конечно, и теперь. Статья Кричевскаго была свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ политической мысли русскихъ соціалдемократовъ, но этотъ лучъ скоро погасъ. Самъ авторъ сталъ объяснять ее въ антитеррористическомъ смыслѣ и все ея заключенія сводилъ лишь къ желанію указать товарищамъ въ Россіи на необходимость воспользоваться для агитраціи среди рабочихъ фактами, совершенными помимо соціалдемократовъ и даже вопреки имъ.

Другой органъ соціалдемократовъ, „Искра“, сразу рѣзко высказался противъ террора. Въ статьѣ Засуличъ (№ 3), а потомъ въ редакціонной статьѣ (№ 4) была формулирована задушевная мысль соціалдемократовъ и главная черта ихъ дѣятельности за все время существованія ихъ направленія.

Приведемъ двѣ цитаты изъ 4 № „Искры“ :

„По словамъ „Рабочаго Дѣла“ переживаемый нами „историческій моментъ“ выдвинулъ также передъ нашей партіей совершенно новый вопросъ. Выстрѣлы Карновича и Лаговскаго и сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ молодежи и всѣхъ (?)*) революціонныхъ элементовъ, ясно показываетъ, что *большой терроръ* царскаго правительства снова, съ неотвратимой силой закона природы, создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ“.

„Радостное чувство, съ которымъ встрѣтили выстрѣлъ Карновича многіе революціонеры и оппозиціонные элементы, говоритъ далѣе отъ себя „Искра“, просто констатировало общее недовѣріе къ способности представительницы рабочаго класса — соціалдемократіи — стать теперь застрѣльщицей и передовымъ отрядомъ современнаго общественнаго движенія. Поэтому, если бы выстрѣлъ Кар-

*) Знакъ вопроса поставленъ редакціей „Искры“ : очевидно, въ революціонной (!) редакціи „Искры“ Карновичъ *сочувствіи* себя не встрѣтилъ !!!

новича послужилъ исходнымъ пунктомъ для новаго похода русскихъ революціонеровъ, этотъ походъ былъ бы признаніемъ отсутствія въ рабочемъ классѣ той степени революціонности и сознательности, которая сдѣлала бы его способнымъ стать во главѣ общественнаго движенія.

„Рабочее Дѣло“ право, говоря, что бѣлый терроръ правительства создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ. Но сила, создающая этотъ терроръ, вовсе не „неотвратима“, какъ выражается „Раб. Дѣло“; она, напротивъ, можетъ быть отвращена, но отвращена только активной работой социалдемократовъ надъ созданіемъ дѣйствительно-революціоннаго и сознательно-политическаго движенія пролетаріата. Послѣдній, занявъ подобающее ему мѣсто въ рядахъ активныхъ борцовъ противъ самодержавія, придастъ имъ именно ту силу, которая излечитъ ихъ отъ традиціонной вѣры въ терроръ, какъ главнѣйшее средство политической борьбы въ Россіи“.

Да! социалдемократы всегда хлопотали объ *отвращеніи* отъ русскаго правительства ударовъ террористовъ и возвели это въ пунктъ своей программы. Еще на дняхъ, упрекая Кричевскаго за его статью „Историческій поворотъ“, искровецъ Ленинъ, въ брошюрѣ „Что тамъ?“ (стр. 36), говоритъ: „Рабочее Дѣло“ весной этого года, когда такъ (!) важно (!) было предостеречь (!) отъ увлеченія терроромъ, съ недоумѣніемъ стояло передъ „новыми“ для него вопросомъ“.

Эту роль „отвратителей“ политическаго террора отъ преступныхъ головъ николаевскихъ мерзавцевъ социалдемократы продолжаютъ играть и до сихъ поръ.

Въ 2-3.№ „Заря“ г. Плехановъ еще рѣзче высказался противъ террора.

„Террористическая дѣятельность и политическая агитація въ массѣ, говоритъ г. Плехановъ, могутъ идти рука объ руку, поддерживая и дополняя другъ друга, только при самыхъ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Ни одного изъ такихъ условій у насъ теперь нѣтъ въ наличности и долго еще не будетъ. Въ настоящее время терроръ не целесообразенъ, поэтому онъ вреденъ.“

„Но въ такомъ случаѣ какъ же вы относитесь къ выстрѣлу Карновича? спроситъ меня, пожалуй, иной читатель, какъ не разъ уже спрашивали меня въ устной бесѣдѣ.“

„На этотъ вопросъ я отвѣчаю другимъ вопросомъ: а думаете ли вы, что Карповичъ высказался бы за терроръ, если бы онъ

былъ не частнымъ лицомъ, прислушивающимся лишь къ голосу своего нравственнаго негодованія, а членомъ партіи, обязаннымъ подчиняться *сознательному политическому разсчету*?

„На этотъ вопросъ я до сихъ поръ не получилъ (?) удовлетворительнаго отвѣта“. (стр. 36-37).

Г-нъ Плехановъ, конечно, совершенно не вѣрно объясняетъ героическій поступокъ Карповича. Какъ всякій террористъ, Карповичъ, когда стрѣлялъ въ Боголѣнова, подчинялся не одному *лишь* голосу своего нравственнаго негодованія, а очень вѣрному своему *сознательному политическому разсчету*. Если бы существовала террористическая партія, дѣйствительно твердо убѣжденная въ *неизбѣжности и целесообразности* террора и рѣшившая немедленно приступить къ реализаціи своихъ террористическихъ плановъ, а не только оставляла бы за собой право (!) приступить къ ней тогда, когда и т. д., то такая партія не только не *отвратила бы* Карповичей отъ ихъ рѣшеній, а наоборотъ употребила бы всѣ усилія, чтобы обставить ихъ борьбу возможно лучше. Но г. Плехановъ вполне правъ, что Карповичъ совершилъ свой подвигъ, который навсегда останется знаменательнымъ событіемъ русской исторіи, потому, что онъ не былъ связанъ путами социалдемократическихъ партій. Но то, чего не удалось социалдемократамъ сдѣлать по отношенію къ Карповичу, то они сдѣлали по отношенію къ цѣлому ряду другихъ революціонеровъ, которые подъ вліяніемъ марксистской доктрины въ томъ видѣ, какъ она воспринималась тогда въ Россіи, считали себя *обязанными подчиняться сознательному политическому разсчету* антитеррористической партіи социалдемократовъ и вмѣстѣ съ Плехановымъ и Нарциссомъ Тупорыловымъ твердили: „*Тише впередъ, рабочий народъ!*“ и т. д.

Плехановская и вообще социалдемократическая антитеррористическая пропаганда пустила глубокіе корни среди цѣлыхъ поколѣній русскихъ революціонеровъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. Въ „*Искръ*“

(№ 12) напечатано письмо ссыльных, людей пострадавших, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, видѣвшихъ всѣ прелести николаевского правленія, знающихъ и горе народа и горе ссылки. Эти ссыльные, вообще отрицательно относящіеся къ „Искрѣ“, благодарятъ ее за ея статьи.... о террорѣ, за ея „отвращеніе“ революціонеровъ отъ террористической борьбы съ правительствомъ!... Эти *политическіе* ссыльные — все та же крѣпостная, рабская Россія, безъ понятія о богѣ, о правѣ, о которой почти сто лѣтъ тому назадъ сказалъ поэтъ:

*Я видѣлъ рабскую Россію,
Передъ святыней (?) алтаря,
Гремя цѣпями, склонивши выю,
Она ... молилась за царя!...*

Разумѣется, для ссыльных, писавшихъ въ „Искру“, личность, напримѣръ, нашего „божьяго помазанника“ представляетъ столько же интереса, какъ и для насъ, но ихъ антитеррористическая пропаганда, какъ такая же пропаганда толстовцевъ, на практикѣ приводитъ къ тому, что они, *гремя цѣпями, склонивши выю, ... отвращаютъ* удары террористовъ отъ русскаго правительства и служатъ охраной для правительства отъ возникновенія террористическаго движенія.

Какъ глубоко вкоренилось среди социалдемократовъ ихъ отрицаніе террора мы видимъ изъ брошюры „Два съѣзда“.

На конференціи представителей всѣхъ четырехъ или даже пяти заграничныхъ социалдемократическихъ организацій лѣтомъ 1901 г. была принята слѣдующая резолюція:

„Мы считаемъ нужнымъ рѣшительно высказаться противъ того взгляда, согласно которому терроръ является необходимымъ спутникомъ политической борьбы въ Россіи. Для настоящаго времени мы признаемъ террористическую борьбу нецѣлесообразной“.

Въ инструкціи, выработанной съѣздомъ „Союза русскихъ социалдемократовъ“ для редакціи „Рабочаго Дѣла“ было сказано:

„Систематическій наступательный терроръ съѣздъ признаетъ несвоевременнымъ. Въ случаѣ отдѣльныхъ террористическихъ актовъ слѣдуетъ пользоваться ими для развитія политическаго сознанія пролетаріата“.

Приведемъ еще два проекта резолюцій, предложенныхъ на томъ же съѣздѣ, не принятыхъ всѣмъ съѣздомъ, но характерныхъ для значительнаго количества соціалдемократовъ.

I. „Не предрѣшая вопроса о томъ, будетъ-ли терроръ играть роль и какую роль онъ будетъ играть въ Россіи въ дѣлѣ завоеванія политической свободы, мы признаемъ, что систематическій политическій терроръ несовмѣстимъ, какъ средство борьбы, съ широкимъ демократическимъ принципомъ организаціи соц.-демократической партіи.—Что касается отдѣльныхъ террористическихъ актовъ, то слѣдуетъ пользоваться ими съ цѣлью развитія политическаго сознанія пролетаріата“.

II. „Не предрѣшая вопроса о томъ, будетъ-ли терроръ играть роль и какую роль онъ будетъ играть въ Россіи въ дѣлѣ завоеванія политической свободы,—мы признаемъ, что для соціалдемократіи, стоящей на почвѣ массоваго рабочаго движенія, терроръ можетъ быть цѣлесообразенъ исключительно въ тѣсной связи съ массовыми актами борьбы и какъ выраженіе массоваго пастроенія.—Въ случаѣ отдѣльныхъ террористическихъ фактовъ слѣдуетъ пользоваться ими въ цѣляхъ политической массовой пропаганды и агитаціи“.

Еще раньше русскихъ соціалдемократическихъ съѣздовъ аналогичная резолюція относительно террора была принята съѣздомъ Бунда. Въ такомъ же духѣ высказался и офиціальный органъ Бунда:

„Arbeiter Stimme не закрываетъ глазъ на причины, вызывающія въ Россіи терроръ, и находитъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, „когда страданія становятся невыносимыми“, волиѣ естественно выставленіе „насилія противъ насилія“, но всетаки онъ открыто и безъ колебаній заявляетъ, что „какъ политическій, такъ и экономическій терроръ, какъ система, всецѣло противорѣчитъ нашей тактикѣ“ („Рабочее движеніе и терроръ“ № 14). Но въ томъ должна состоять борьба, чтобы единичные люди выступали противъ единичныхъ угнетателей; нашихъ цѣлей мы достигнемъ только организованной борьбой всего рабочаго класса противъ цѣлаго политическаго и экономическаго строя; стихійные или сознателные террористическіе акты должны служить для насъ лишь агитаціоннымъ средствомъ для внесенія сознанія въ рабочую и общественную среду, но вставлять ихъ въ свою программу мы никоимъ образомъ не должны“.

Послѣ образованія группы „Освобожденія Труда“ для борьбы съ Народной Волей мы не знаемъ во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія большей ошибки, чѣмъ та, которую сдѣлали къ 1901 г. социалдемократы, принявши на своихъ съѣздахъ резолюціи, направленные противъ террора: здѣсь была сформулирована та ошибочная мысль, которую съ 1883 г. стали сѣять члены группы „Освобожденія Труда“ и культивировали ее все время въ литературѣ и внѣ ея.

Выскажемъ, однако, нашу глубокую увѣренность, что социалдемократы не такіе уже противники политическаго террора, какъ это они сами себя рисуютъ. Они не были бы не только революціонерами, они не были бы просто людьми, способными откликаться на горе народа, имъ было бы чуждо чувство стыда и совѣсти, если бы они не считали русское правительство достойнымъ самаго безпощаднаго политическаго террора. Если же они, подобно народовольцамъ, не выступаютъ съ защитой и практикой террора, то это потому что они рабы своей ложной доктрины.

Но если не наши товарищескіе споры, то ужасы русской жизни и вся политика Николая II, надѣмся, заставятъ социалдемократовъ отказаться отъ этихъ ошибочныхъ взглядовъ. Одинъ выстрѣлъ Карповича поколебалъ увѣренность социалдемократовъ въ правотѣ ихъ, повидимому, непоколебимо установленныхъ, антитеррористическихъ взглядовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, потомъ, когда надъ головами представителей русскаго правительства разразится громъ политическаго террора, какъ это было въ 1879-81 г. г., социалдемократы съ ужасомъ будутъ вспоминать о томъ, какъ они раньше такъ долго „отвращали“ террористическіе удары отъ русскаго правительства и будутъ отказываться отъ пылѣвшихъ своихъ анти-террористическихъ резолюцій, принятыхъ на конгрессахъ, съ большей силой, чѣмъ они теперь отрещи-

ваются отъ обвиненій въ экономизмѣ. Тогда они не только снова напишутъ статью „Историческій поворотъ“, но и повернутся спиной къ своей нынѣшней дѣятельности и, пожалуй, будутъ увѣрять, что они всегда были за политическій терроръ. Это тѣмъ скорѣе можетъ произойти, что въ рядахъ и современныхъ соціалдемократовъ есть не мало убѣжденныхъ террористовъ, которые прячутъ свои убѣжденія и жертвуютъ ими ради дисциплины партіи въ угоду несомнѣнно реакціонному настроенію большинства современныхъ соціалдемократовъ, подчиняясь, по словамъ г. Плеханова, *сознательному политическому расчету* партіи.

Но и въ настоящее время можно видѣть, какъ соціалдемократы уже повертываются спиной къ своей прошлой дѣятельности и постепенно приближаются къ программѣ, установленной въ свое время Народной Волей. Въ недавно вышедшемъ, очень любопытномъ, „Соціаль-демократическомъ календарѣ“ помѣщена статья „Памяти Народной Воли“.

„Наступилъ моментъ подвести итоги тому, что сдѣлала и что дала партія Народной Воли, читаемъ мы въ „Календарѣ“, и въ результатѣ такого подведенія итоговъ мы можемъ сказать, что дѣло, совершенное народовольцами, при всѣхъ промахахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ, возвышенно и велико. Ихъ недостатки были недостатками эпохи, ихъ достоинства и заслуги были ихъ личными достоинствами и заслугами. И резюмируя свою краткую замѣтку, мы смѣло говоримъ, что Народная Воля въ этомъ смыслѣ не погибла, что она жива во всѣхъ насъ (?), въ нашей Соціаль-Демократической Рабочей Партіи, которая подхватила (?) вышедшее изъ рукъ побитыхъ, но не побѣжденныхъ борцовъ знамя и несетъ его впередъ вплоть до полной побѣды!

*Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни.“*

Просить разрѣшенія стать на колѣни хотя бы и предъ Народной Волей — дѣло лишнее, но вѣрно то, что поучиться соціалдемократамъ у Народной Воли есть чему и прежде всего — элементарнѣйшей изъ

элементарныхъ истинъ, очевидной для всѣхъ, у кого глаза не закрыты и уши не заткнуты: *огромному значенію политическаго террора въ нашей современной борьбѣ съ правительствомъ*. Но и кромѣ этого, программа Народной Воли и ея практика заключали много другого очень важнаго, до чего не додумались и до сихъ поръ большинство соціалдемократовъ.

Соціалдемократы всегда и очень охотно признавали, что идею необходимости политической борьбы съ правительствомъ они приняли отъ Народной Воли. Идея важности пропаганды и агитаціи (политической и экономической) среди городскихъ рабочихъ также принята была соціалдемократами всецѣло у Народовольцевъ, — этого соціалдемократы до сихъ поръ не хотятъ признать. Въ своей дѣятельности среди рабочихъ они явились прямыми продолжателями вѣрно начатаго народовольцами дѣла и добавили отъ себя только рядъ ошибочныхъ теоретическихъ взглядовъ. Въ настоящее время „Искра“ говорить о необходимости центральной организаціи, подобно той, какая была у Народной Воли, о созданіи специальныхъ военныхъ, студенческихъ организацій и т. д. То, о чемъ теперь только мечтаетъ „Искра“, было у Народной Воли еще въ 1880 г. Народовольцы среди рабочихъ развивали идею классовой борьбы, а кромѣ того вели съ правительствомъ интерклассовую борьбу, подъ знамя которой они сзывали всѣ недовольные элементы населенія. Эти взгляды народовольцевъ начинаютъ усваиваться въ настоящее время и соціалдемократами. Въ томъ, что народовольцы „постарались привлечь къ своей организаціи *всѣхъ* недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ“, по словамъ г. Ленина („Что думать?“ стр. 103), состоитъ не ошибка, а ихъ „великая историческая заслуга“. Такого рода взгляды искровцевъ навлекли на нихъ обвиненія со стороны экономистовъ въ народоволь-

чествѣ. „Это обвиненіе, разумеется, было (для насъ) только лезено, говорить тотъ же соціалдемократическій писатель, ибо какого же порядочно соціалдемократи не обвиняли экономисты въ народовольчествѣ?“

„Искра“ раньше другихъ соціалдемократическихъ органовъ, хотя и не всегда послѣдовательно, стала вспоминать завѣтъ Народной Воли: не сводить всей революціонной борьбы на классовую борьбу фабричныхъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи „Искра“ продолжала дѣло, слегка намѣченное г. Аксельродомъ въ 1898 г. въ его, такъ называемыхъ, „покаянныхъ“ брошюрахъ.

Бундъ, съ удивительной энергіей и успѣхомъ выполнявшій до сихъ поръ задачи провинціальныхъ рабочихъ организацій, заявилъ о необходимости общей интерклассовой борьбы съ русскимъ правительствомъ.

„Тысячи лучшихъ и благороднѣйшихъ людей Россіи: студенты, рабочіе и всѣ честные представители общества теперь одушевлены одной и той же злобой и ненавистью къ дикой правительственной системѣ, которая давитъ и душитъ, мучитъ и терзаетъ, увѣчитъ и калѣчитъ все живое и честное, все что жаждетъ правды и истины, все, что рвется къ свободѣ и свѣту“.

„Встрѣчи съ мужественными друзьями, возставшими на борьбу за свободу и право, окрыляетъ насъ новыми надеждами. Освободительная борьба, которая ведется теперь въ Россіи, принесетъ и намъ избавленіе отъ нашихъ страданій. Мы, еврейскіе рабочіе, также должны принять участіе въ общей борьбѣ, которая теперь кипитъ во всей Россіи. Рука объ руку со всеми революціонными элементами мы должны бороться противъ насилія и дикости, противъ произвола и несправды“ („Последнія извѣстія“ № 62).

1-го марта этого года еврейскіе рабочіе, какъ и революціонеры другихъ мѣстностей, праздновали годовщину великаго событія русской исторіи. Такимъ образомъ знаменательный день русской исторіи, 1 марта, становится праздникомъ и среди еврейскихъ рабочихъ.

„Праздникъ 1-го марта, по словамъ Бунда, сошелъ очень хорошо (въ Мпскѣ). Праздновало болѣе 300 чел. одновременно

на 4-хъ квартирахъ, въ субботу 2-го марта, въ разныхъ частяхъ города. Началось въ 4-5 час. и кончилось около 11. Читались 2 реферата: одинъ заключалъ въ себѣ историческій очеркъ движенія, приведшаго къ царевубійству, и біографіи нѣкоторыхъ дѣятелей 1-го марта; другой былъ посвященъ вопросу о томъ, целесообразенъ или нецѣлесообразенъ терроръ въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были и дебаты по этому послѣднему вопросу. Въ общемъ праздникъ сошелъ оживленно, у всѣхъ настроеніе приподнятое. Полиція дѣятельно разыскивала мѣсто собранія, но безуспѣшно.“

Сотрудникъ „Рабочаго Дѣла“ Мартыновъ тоже пришелъ къ заключенію, что революціонная борьба въ Россіи теперь не сводится ни исключительно, ни даже главнымъ образомъ къ классовой борьбѣ рабочихъ:

„Видимо надвигается повтореніе февральскихъ и мартовскихъ событій. Несмотря на прошлый опытъ, эти событія неизбежно застанутъ социалдемократію врасплохъ. Несомнѣнно, что наша партія будетъ недостаточно организована, недостаточно сильна, чтобы въ критическій моментъ выступить съ самостоятельными политическими требованіями и съ самостоятельной политической программой, поддерживаемой рабочей массой. Когда такой моментъ наступитъ, намъ будетъ не до выработки такой программы и организаціи. Тогда мы обязаны будемъ напрячь все свои силы для поддержки революціоннаго протеста студенчества“.

Публицистъ „Свободы“, лично сказавшій много несправедливаго о Народной Волѣ, такъ характеризуетъ отношеніе къ ней современныхъ революціонеровъ.

„Теперь довольно часто можно услышать, что въ нашей революціонной дѣятельности происходитъ поворотъ къ „Народной Волѣ“. Болѣе или менѣе осмысленнымъ толкамъ объ этомъ, если не ошибаемся, три года отъ роду (*а не больше?*). По времени они совпадаютъ съ утвердившимся у социалдемократовъ — *tacito consensu* - правиломъ употреблять слова: „Народная Волѣ“ съ какимъ нибудь похвальнымъ эпитетомъ „славная“, „великая“ и т. п. (*неужели социалдемократамъ мы обязаны поворотомъ революціонеровъ къ Народной Волѣ?*). Эта простая, справедливая дань партіи, дѣйствительно славной и великой, вызвала сама по себѣ рядъ разговоровъ среди революціонеровъ и общества о поворотѣ къ „Народной Волѣ“. Рѣзко пробившаяся политическая струя въ нашей революціонной дѣятельности среди рабочихъ почему то заставила еще больше говорить о „Народной Волѣ“, какъ логическомъ

концѣ политическаго направленія мысли. Соціалисты-революціонеры въ „*Нашихъ Задачахъ*“ члѣніи еі оглѣ заявили, что принципы Народной Воли „вновь воспринять во всей своей силѣ“. Наконецъ, послѣ выстрѣла Карповича еще больше пошло тѣхъ же толковъ о поворотѣ къ „*Народной Воли*“....

Мы отмѣтили отрадные явленія въ дѣятельности соціалдемократовъ, нашихъ товарищей по общей борьбѣ съ правительствомъ, и отъ души хотѣли бы видѣть болѣе искренній и скорый ихъ поворотъ къ традиціямъ Народной Воли, а то до сихъ поръ, когда соціалдемократу приходится сказать доброе слово о Народной Волѣ, онъ какъ-будто давится или переживаетъ трудныя, неправильныя роды. Самое большее, что до сихъ поръ соціалдемократъ рѣшался сказать о Народной Волѣ, такъ это то, что она была партія *принципическая*. Этого мало. Народолюбцы были не только герои: они были революціонеры, давшіе вѣрный, пикѣмъ не превзойденный до сихъ поръ отвѣтъ, на вопросъ, какъ бороться съ русскимъ правительствомъ.

Какъ русскимъ соціалдемократамъ слѣдуетъ отпестись къ великому народолюбческому движенію, этому они могутъ поучиться не у г. Плеханова, не у „*Искры*“, не у „*Рабочаго Дѣла*“, не у „*Свободы*“, не у „*Борьбы*“, а у лучшихъ представителей соціалистическаго движенія на Западѣ.

Въ декабрѣ 1880 г., въ самый разгаръ народолюбческаго движенія, послѣ взрыва Зимняго Дворца, вооруженныхъ сопротивленій и т. д., наканунѣ 1-го марта 1881 г. нѣсколько сотъ французскихъ соціалистическихъ делегатовъ приняли такую резолюцію:

„Французскіе соціалисты рабочіе, собравшіеся на Національный Конгрессъ 1880 г. въ Гаврѣ, не исполнили-бы своего долга, еслибы не выразили полной своей солидарности съ русскими пугилистами, такъ мужественно сражающимися на другомъ концѣ Европы за свободу, за человѣческія права и за соціальную справедливость“.

„Конгрессъ посылаетъ вамъ черезъ развалины Зимняго Дворца и славныя плахи вашихъ послѣднихъ мучениковъ Квятковскаго

и Прѣсняка выраженіе своей симпатіи и своего удивленія, свой привѣтъ и одобреніе“ („Народная Воля“ № 4, 1880 г.).

Марксъ въ 1880 г. велъ энергичную кампанію въ пользу народовольческаго движенія и явился горячимъ его защитникомъ. Русское революціонное движеніе, работавшее подъ народовольческимъ знаменемъ, по его словамъ, представляло тогда авангардъ западно-европейскаго соціалистическаго движенія. Въ 1883 г., когда группа „Освобожденія Труда“ съ г. Плехановымъ во главѣ начинала борьбу съ народовольцами, Энгельсъ говорилъ Герману Лопатину, что онъ, какъ и Марксъ, въ Народной Воли не видитъ спасенія Россіи и цѣликомъ подписывается подъ всей дѣятельностью народовольцевъ.

Либкнехтъ всегда говорилъ, что въ Россіи онъ не находитъ возможнымъ бороться иначе, какъ народовольческими средствами. Въ послѣднемъ (18) № „Искры“ мы только что прочитали статью Кауцкаго о значеніи народовольческаго движенія:

„Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, геройская борьба русскихъ революціонеровъ повергла въ изумленіе всю Европу и оказала самое глубокое вліяніе на соціалистическое движеніе всѣхъ культурныхъ странъ. Наряду съ возстаніемъ и геройскою смертію парижской коммуны, наряду со сказочнымъ ростомъ германской соціалдемократіи въ ея борьбѣ противъ „великаго“ Бисмарка, ничто не повліяло такъ плодотворно на соціалистическое движеніе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, ничто не придавало ему столько воодушевленія и самоотверженности, какъ отчаянная борьба, которую безстрашно и подчасъ съ величайшимъ усиліемъ вела горсть русскихъ революціонеровъ противъ страшной силы самодержавія“ („Искра“ № 18).

Извѣстный французскій поэтъ, анархистъ Таядъ, написалъ въ концѣ 1901 г. статью въ защиту „народовольческихъ методовъ борьбы“ и до сихъ поръ сидитъ за нее въ тюрьмѣ.

Пожелаемъ же русскимъ соціалдемократамъ, чтобы они сдумѣли, наконецъ, хотя бы также правильно

понять задачи русскаго революціоннаго движенія и борьбы съ правительствомъ, какъ это понимаютъ иностранцы.

Въ „Народовольцѣ“ мы часто возвращались и еще не разъ будемъ возвращаться къ одной изъ основныхъ нашихъ мыслей о необходимости союзной борьбы противъ правительства всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій. По нашему мнѣнію, въ программѣ народовольцевъ, социалистовъ-революціонеровъ, социалдемократовъ, либераловъ, толстовцевъ — въ ихъ ближайшихъ цѣляхъ болѣе сходства, чѣмъ различій. Мы все — союзники, а не враги. У насъ ближайшая цѣль въ общихъ чертахъ одна и та же. Эта цѣль огромной исторической важности и значенія для всего русскаго народа. Рѣшивши эту общую нашу задачу — покончивши съ царскимъ деспотизмомъ — мы сдѣлаемъ для народа все, что въ силахъ сдѣлать наше поколѣніе. Потомъ мы разойдемся изъ-за различныхъ цѣлей. Мы и теперь не можемъ сойтись въ практической дѣятельности, а должны будемъ въ большинствѣ случаевъ бороться отдѣльно и группироваться въ различныя организаціи. Но это не должно насъ ставить во враждебное отношеніе другъ къ другу. Успѣхъ однихъ — успѣхъ всѣхъ, — наоборотъ, пораженіе однихъ — пораженіе всѣхъ. Союзъ между всѣми политическими фракціями долженъ быть глубокій, прочный, искренній. Мы не говоримъ о созданіи одной общей организаціи, какую, напримѣръ, революціонерамъ рекомендуетъ Григоровичъ въ „Наканунѣ“. Мы знаемъ, что это дѣло немыслимое по многимъ причинамъ.

Въ „Народовольцѣ“ мы говорили, что каждый, работая подъ своимъ знаменемъ, *можетъ и долженъ* чувствовать свою близость къ другимъ партіямъ, борющимся съ правительствомъ, и помогать въ ихъ борьбѣ.

Нужно покончить съ темнымъ періодомъ, переживаемымъ нами, когда междофракціонная борьба всѣми средствами была почти правиломъ и служила только интересамъ нашихъ общихъ враговъ.

Можетъ быть, не достаточно внимательный читатель „Народовольца“, вспоминая не мало разныхъ полемическихъ мѣстъ въ нашемъ журналѣ, скажетъ намъ, какъ не разъ намъ это и говорили: „*Врать! истрепаться самимъ!*“ Тотъ, кто выскажетъ намъ этотъ упрекъ, будетъ не правъ. Каждой строчкой первыхъ трехъ номеровъ „Народовольца“, падѣмся и каждой строчкой и послѣдующихъ номеровъ, мы всегда неуклонно поддерживали и будемъ поддерживать дорогой для насъ принципъ союзной борьбы и ему не измѣнимъ ни въ коемъ случаѣ. Въ нашей борьбѣ съ правительствомъ нами руководитъ одинъ только революціонный интересъ. У насъ нѣтъ ни личныхъ цѣлей, ни личной вражды, ни старыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было. Мы слишкомъ сильно ненавидимъ русское правительство и любимъ революціонное дѣло, чтобы выше этого могли что-либо ставить въ своей дѣятельности.

Начиная издавать нашъ органъ, мы не думали, что намъ придется возражать противъ кого-либо изъ товарищей по революціонной борьбѣ. Мы рассчитывали всѣ наши силы направить исключительно на нападеніе на нашего общаго врага — русское правительство — и бороться съ нимъ *всеми* средствами. Мы знали, что оно не оставитъ безъ вниманія нашихъ нападений и постарается съ своей стороны употребить противъ насъ и нашихъ друзей всѣ средства, чтобы только заставить насъ замолчать. Эта вражда русскаго правительства намъ понятна, и мы ее ждали. Мы бы бросили издавать свой журналъ въ тотъ самый день, когда мы бы убѣдились, что его игнорируютъ наши враги, — для насъ тогда было бы ясно, что нашъ журналъ не нуженъ для русскаго

революціоннаго движенія, или что его значеніе ничтожно.

Въ „Народовольцѣ“ мы съ самаго начала выступили только противъ одного писателя и поддерживавшихъ его товарищей, который не столько ошибочностью своей программы, сколько нетоварищескими, антиреволюціонными приѣмами борьбы цѣлыхъ 15 лѣтъ создавалъ „страшныя препятствія“ для развитія самой нужной для Россіи революціонной партіи — народовольческой — и свою ошибочную тактику привилъ цѣлымъ поколѣніямъ социалдемократическихъ дѣятелей. Во время изданія „Народовольца“, едва ли кто-нибудь въ социалдемократическомъ лагерѣ понялъ и оправдалъ нашъ протестъ противъ этого писателя, но теперь, послѣ того какъ большинство социалдемократовъ испытали на себѣ, на своемъ дѣлѣ приемы такой не товарищеской, не революціонной борьбы, они, конечно, признаютъ, что тогдашній нашъ протестъ былъ и справедливъ, и нуженъ.

Намъ однако казалось, что этимъ протестомъ и товарищеской полемикой противъ тогдашняго узкаго направленія социалдемократовъ-экономистовъ (нашъ голосъ противъ нихъ былъ первымъ въ литературѣ) и полемикой по поводу ошибокъ и въ которыхъ другихъ революціонныхъ теченій и ограничатся въ „Народовольцѣ“ наши возраженія противъ революціонеровъ. Но едва вышелъ 1 № „Народовольца“, какъ мы встрѣтили нападеніе на насъ со стороны тѣхъ, кто менѣе всего долженъ былъ бы, повидимому, мѣшать защищать и пропагандировать народовольческіе принципы, да еще въ такое ненародовольческое время, какое было въ 1897 г., при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ въ виду англійскихъ тюремъ и русскихъ жандармовъ. Мы были вынуждены отвѣтить на вызовъ, брошенный намъ. Въмѣсто отвѣта на эту нашу отповѣдь противъ насъ появилась въ „*Тетуринскіхъ Листкахъ*“ статья г. Н. Ч. „*Терроръ безъ террористовъ*“. Изъ этой статьи

видно было, что ся авторъ остался тогда очень недоволенъ защитой террора въ литературѣ, какъ средства борьбы съ правительствомъ. Не знаемъ, былъ-ли впоследствии также недоволенъ г. Н. Ч. защитой террора въ „Нашихъ Задачахъ“, брошюрѣ Григоровича, „Вѣстникѣ Русской Революціи“, „Свободѣ“, или, можетъ быть, издавая „Народовольца“, мы были виноваты лишь въ томъ, что мы дальше другихъ видѣли и смѣлѣе выразили свою мысль? Мы можемъ сказать только, что новой статьи г. Н. Ч. о „*терроръ безъ террористовъ*“ по поводу „Нашихъ Задачъ“ и др. такихъ же изданій не было.

Въ дальнѣйшихъ нашихъ изданіяхъ мы по прежнему будемъ звать своихъ товарищей къ союзной борьбѣ съ русскимъ правительствомъ и сами останемся вѣрными этому призыву, но въ то же время мы будемъ убѣждать дѣйствующихъ революціонеровъ давать отпоръ братоубійственной борьбѣ, какими бы именами она не прикрывалась. Недавно мы съ особымъ интересомъ прочитали аналогичную же мысль въ статьѣ Оленина въ „Наканунѣ“:

„Въ настоящее время нѣтъ большаго врага дѣлу революціи, чѣмъ эта непримиримость, это сектанство, эта междоусобная борьба и даже грызня, эта заѣдающая всѣхъ фракціонность. И какъ въ евронейскомъ обществѣ раздастся въ настоящее время все громче и громче лозунгъ: „война войнѣ!“, такъ и въ средѣ русскихъ социалистовъ и революціонеровъ давно пора провозгласить лозунгъ: „нетерпимость ко всякой нетерпимости!“

Оленинъ былъ бы еще правѣе, еслибы опъ свою критику нетерпимости не сосредоточивалъ исключительно на социалдемократахъ, а приложилъ бы ее и къ другимъ фракціямъ.

Есть еще одинъ для насъ существенный вопросъ, поднятый „Народовольцемъ“, на который мы и въ настоящее время хотимъ обратить особенное вниманіе товарищей.

Мы убѣждали и убѣждаемъ русскихъ революціонеровъ не только усвоить въ своей дѣятельности основные принципы Народной Воли, которые, по нашему мнѣнію, по прежнему отвѣчаютъ всѣмъ запросамъ борьбы съ правительствомъ, но и бросить поиски за новыми кличками и девизами, а прямо встать подъ знамя Народной Воли, гдѣ мѣста достаточно для всѣхъ.

Среди русскихъ революціонеровъ никогда, ни до 1897 г., ни послѣ него, не переводились послѣдователи программы Народной Воли, — они только подъ вліяніемъ разныхъ (конечно, ошибочныхъ) соображеній часто выступали подъ иными названіями, — особенно часто, какъ социалисты-революціонеры. Эти побѣги отъ Народной Воли ея сторонниковъ не только должны быть остановлены, — но необходимо, чтобы и тѣ, кто раньше сдѣлали ошибку, выступивши изъ подъ знамени Народной Воли, поняли бы наконецъ свой невѣрный шагъ въ прошломъ и выступили снова, какъ народовольцы. Они, вмѣстѣ съ новыми товарищами, могли бы теперь же — при болѣе революціонной, чѣмъ это было не давно, атмосферѣ — выступить, какъ единая партія, съ грознымъ для русскаго правительства знаменемъ.

Социалисты-революціонеры, издавши „Наши Задачи“, а теперь издающіе „Революціонную Россію“, раздѣляютъ почти цѣликомъ программу Народной Воли и объясняютъ, что они выступили, какъ социалисты-революціонеры, а не какъ народовольцы, тѣмъ во-первыхъ, что они не имѣютъ личной преемственности со старой Народной Волей и, во-вторыхъ, тѣмъ, что программа Народной Воли связана съ разнаго рода предразсудками и предубѣжденіями противъ нея, неудобными для молодой организаціи при началѣ же ея дѣятельности. Нечего говорить, что оба эти аргумента — еще ранѣе формулированные товарища-

ми Григоровича, издававшими „Русскій Рабочій“ — не выдерживаютъ никакой критики.

Для того, чтобы сдѣлаться членомъ какого-либо политическаго теченія не нужно ничего, кромѣ того, чтобы имѣть соотвѣтствующія убѣжденія и желаніе искренно работать для дѣла торжества этихъ идей. Поэтому, народоволецъ — тотъ, кто — народоволецъ, т. е. кто, раздѣляетъ въ главныхъ чертахъ программу Народной Воли ся разцвѣта — въ 1879-1881 годахъ и работаетъ надъ ея торжествомъ. Народовольцы 4-го № „*Тетради Листка*“ (изд. въ 1894 г.), отрицавшіе терроръ, ни въ коемъ случаѣ народовольцами называться не могли, — наоборотъ, издатели „Нашихъ Задачъ“, напримѣръ, не смотря на нѣкоторыя ихъ отличія отъ Народной Воли (главнымъ образомъ теоретическаго характера) могли бы съ полнымъ правомъ выступить, какъ народовольцы, такъ какъ ихъ программа мало чѣмъ отличается отъ программы Народной Воли. Нечего смущаться, если привратники, считающіе себя хранителями традицій Народной Воли, встрѣтятъ ихъ окрикомъ „*Постороннимъ вѣломъ воспрещается!*“; — въ своихъ искреннихъ и глубокихъ убѣжденіяхъ молодые народовольцы найдутъ достаточное право выступить прямыми продолжателями партіи, представителями которой нѣкогда были Желябовъ, Перовская, Халтуринъ. Дѣло литературной критики и общественнаго мнѣнія признать или отрицать за группой право посить взятое ею названіе.

Что же касается до того, что относительно программы Народной Воли было распространено много ложныхъ и различныхъ толкованій и клеветъ, то это правда, но передъ этимъ останавливаться нечего, а надо только возстановить въ истинномъ свѣтѣ идеи Народной Воли и защитить ихъ, а это тѣмъ болѣе легко сдѣлать, что идеи Народной Воли хорошо сами себя защищаютъ. Ложныя толкованія программы и клеветы могутъ преслѣдовать каждую партію. Со-

ціалісты-революціонеры просуществовали еще не долго, но подъ ихъ знаменемъ уже и теперь появились различныя фракціи съ различными программами, а ихъ противники съ успѣхомъ извращаютъ ихъ взгляды, такъ что въ существующихъ представленіяхъ среди революціонеровъ о программахъ социалистовъ-революціонеровъ еще труднѣе разобраться, чѣмъ въ различныхъ толкованіяхъ программы Народной Воли.

Издатели „Нашихъ Задачъ“ и „Революціонной Россіи“. брошюры „Соціализмъ и политическая борьба“, „Вѣстника Русской Революціи“, какъ и „Народовольца“ и „Былого“, могли бы съ успѣхомъ работать подъ однимъ общимъ народовольческимъ знаменемъ, принадлежа къ различнымъ организаціямъ, но всегда помня о необходимости союзной борьбы. Подъ этимъ знаменемъ не будетъ мѣста только тѣмъ социалистамъ-революціонерамъ, которые подобно социалдемократамъ, много сдѣлали и теперь продолжаютъ много дѣлать для поддержки среди современныхъ русскихъ революціонеровъ антитеррористическихъ тенденцій. Ихъ отдѣленіе подъ особое знамя вполне понятно, и всѣ попытки сліянія съ ними террористическихъ элементовъ по меньшей мѣрѣ нежелательны.

Не знаемъ, удастся или нѣтъ тѣмъ, кто, подобно намъ, вѣрить въ возможность и необходимость возрожденія партіи Народной Воли, добиться этой своей цѣли, но несомнѣнно, что партія, которая будетъ рѣшать въ Россіи современный политическій вопросъ — будетъ партіей, которая восприметъ всѣ существенныя черты Народной Воли. А если это такъ, то мы не понимаемъ ни колебаній новыхъ товарищей по убѣжденію встать подъ знамя Народной Воли, ни бѣгства изъ подъ этого знамени тѣхъ, кто еще вчера стоялъ подъ нимъ, а сегодня они, считающіе себя „идейными продолжателями Народной Воли“ пишутъ:

„Мы не стоимъ за названіе, за букву, полагая даже, что короткая, но героическая жизнь Народной Воли представляетъ собою извѣстный законченный (?) цикль въ русской общественной исторіи и что было бы ребячествомъ (!!!?...) заниматься искусственной реставраціей имени, когда мы не можемъ возстановить отошедшія въ прошлое условія естественнаго возникновенія и роста славной партіи. Но мы болѣе, чѣмъ когда-либо, стоимъ за духъ, за сущность народовольчества“ („Вѣстникъ“, стр. 2).

Кто, подобно Карповичу, выступить на путь активной борьбы, тотъ во время ея почувствуетъ, сколько онъ потерялъ, порвавши безъ всякой нужды свою связь съ великой партіей, чьи принципы онъ сталъ проводить въ жизнь. Партія съ народовольческой программой, но безъ народовольческаго знамени вмѣсто того, чтобы сразу встать во весь ростъ въ борьбѣ съ правительствомъ, будетъ принуждена долго ждать, пока пріобрѣтетъ тотъ престижъ, ту опредѣленность, ту извѣстность, которыя даются ей сразу по праву ея народовольческими убѣжденіями, разъ эта партія выступила бы прямо, какъ народовольческая. Ни время, ни борьба современныхъ террористовъ никогда не вознаградитъ ихъ за потери, которыя они понесутъ отъ того, что откажутся отъ великаго наслѣдства, завѣщаннаго имъ ихъ предшественниками — народовольцами, которые съ эшафота и изъ стѣнъ Шлиссельбургской крѣпости завѣщали современнымъ революціонерамъ продолжать ихъ дѣло. Со страницъ нашихъ изданій мы неустанно будемъ звать русскихъ революціонеровъ возобновить партію Народной Воли и ея борьбу.

Когда мы говоримъ о необходимости работать въ настоящее время подъ знаменемъ Народной Воли, мы имѣемъ въ виду не копированіе всей прошлой дѣятельности этой партіи. Еще на первой страницѣ перваго номера „Народовольца“ мы говорили:

„Въ народовольческомъ движеніи, какъ во всякомъ живомъ и развивающемся историческомъ явленіи, были, и должны были быть, свои промахи, свои теоретическіе грѣхи и практическія ошибки.

Но чѣмъ болѣе углублялись мы въ изученіе этого движенія, его возникновенія, роста и, наконецъ, пораженія, тѣмъ яснѣе мы видѣли, что эти ошибки были ошибками случайными и побочными, что въ своемъ основаніи, во всѣхъ существенныхъ чертахъ своей революціонной программы Народная Воля не погрѣшала ни передъ „естественнымъ ходомъ вещей“, ни передъ исторіей, ни, наконецъ, передъ русской дѣйствительностью“.

Еще менѣе мы имѣли ввиду защищать тѣхъ, кто явился выразителями и знаменосцами Народной Воли въ эпоху ея упадка.

„Если, читаемъ мы въ 1-же X. *„Народовольца“*, чувство исторической справедливости, возмущенное пораженіемъ, требуетъ въ данномъ случаѣ наличности суда и приговора, то на скамьѣ подсудимыхъ найдетъ себѣ мѣсто не сама Народная Воля, а тотъ или другой персоналъ народовольцевъ, не сумѣвшихъ оформить и договорить до конца того, что было намѣчено такъ ясно“.

Констатированіе и изученіе ошибокъ народовольческихъ дѣятелей намъ нужно именно для лучшаго и болѣе правильнаго пониманія народовольческой программы. А что ошибки вообще были народовольцами сдѣланы, въ этомъ не будетъ сомнѣваться тотъ, кто знакомъ хоть съ тѣмъ, какъ безъ защиты преемники старыхъ народовольцевъ сдавали своимъ политическимъ противникамъ одну позицію за другой и какъ мало они оказали за это время и революціонной активности и способности защищать Народную Волю.

Замѣтимъ еще, что мы не рисуемъ Народную Волю партіей, члены которой безусловно одинаково смотрятъ и на терроръ и на другіе вопросы практической дѣятельности. Въ 1879-1881 г.г. среди даже самыхъ видныхъ народовольцевъ существовали разногласія по довольно серьезнымъ вопросамъ. Этихъ разногласій тогда было болѣе, чѣмъ это оказалось бы теперь, еслибы большинство тѣхъ защитниковъ террора, о которыхъ мы говорили раньше, сплотилось въ одну партію, — но это обстоятельство не мѣшало народовольцамъ тогда вести общую борьбу съ правительствомъ. Разногласія между современными тер-

рористами въ Россіи не должны мѣшать имъ слиться въ общенародовольческое теченіе и дѣйствовать за одно.

Намъ надо защищать и пропагандировать сущность программы Народной Воли, то, что составляло ея силу, почему она заняла такое мѣсто въ русской исторіи и въ исторіи другихъ странъ. Условія русской жизни съ 1881 года не измѣнились кореннымъ образомъ, а по скольку они измѣнились, то эти измѣненія дѣлаютъ въ данное время болѣе плодотворной и насущной именно народовольческую программу.

Внѣ Народной Воли нѣтъ спасенія Россіи!

Наша брошюра была сверстапа, когда изъ Россіи телеграфъ припесъ намъ радостную вѣсть: русскимъ революціонеромъ *Малышевымъ* казненъ одинъ изъ самыхъ преступныхъ и самыхъ вредныхъ николаевскихъ мерзавцевъ министръ внутреннихъ дѣлъ *Д. Сипягинъ*, онъ же *Дикая Свинья*. За нѣсколько дней передъ этимъ Алартъ сдѣлала покушеніе на жизнь другого царскаго сатрапа — Трепова, сына того Трепова, съ выстрѣла по которому и началось въ 1878 г. террористическое движеніе.

Давно, съ 14 февраля прошлаго года, намъ не приходилось встрѣчать подобныхъ извѣстій.

Сипягинъ въ бозѣ почилъ смертю Мезенцева, Судейкина, Боголѣпова и др. историческихъ пегоди-евъ. Въ новѣйшей русской исторіи, такъ богатой выдающимися преступниками среди государственныхъ дѣятелей, Сипягинъ на ряду съ Дм. Толстымъ и Побѣдоносцевымъ, занимаетъ самое выдающееся мѣсто. Мы не думаемъ здѣсь оцѣнивать его дѣятельность: все, что бы, мы ни сказали было бы слабо въ сравненіи съ пятыю пулями *Малышева*. Сипягинъ, рука объ руку съ Николаемъ II, всѣ послѣдніе годы шелъ по колѣно въ крови по пути реакціи: онъ отвѣтственъ въ разстрѣлѣ безоружныхъ рабочихъ и

крестьянъ, отвѣтственъ въ десяткахъ тысячъ разбитыхъ жизней тѣхъ, кто пытался думать о свободѣ и счастіѣ русскаго народа, онъ былъ профессиональный убійца, а кромѣ того самый наглый, крупный воръ. Въмѣсто некролога мы повторимъ чудные стихи Ольхина, написанные имъ на смерть Мезенцева:

*Жизнью распутиною всхолонный,
Нашею кровію встоенный,
Жалости въ сердце не выдавший,
Пытки и казнь проповѣдавший,
Шепотомъ порою тернистою
Мявѣвшій стопомъ нечистою
Въ страшной неравной борьбѣ!
Вѣчная память тебѣ!*

*Память позорная
Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!
Непоправимая,
Неизлечимая
Безчеловѣчная,
Вѣчная, вѣчная
Память тебѣ!!*

А Николаю II мы скажемъ:

„За тебя изведенъ твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній.
Ты убійца его! Погляди и казнись —
Это жертва твоихъ преступленій!“

Что касается до *Малышева*, то его имя останется навсегда свято для каждаго честнаго русскаго человека. Безъ сомнѣнія, все русскіе революціонеры скажутъ о немъ: „герой!“ Мы же къ этому добавимъ: *Малышевъ* не только герой, онъ — замѣчательнѣйшій общественный дѣятель новѣйшей русской исторіи и его имя будетъ всегда стоять рядомъ съ именами *Желябова*, *Перовской*, *Халтурина*, *Карповича*.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ О КАЗНИ СИПЯГИНА.

2-ое апрѣля еще разъ стало знаменательной датой въ русской исторіи.

2-го апрѣля 1879 г. А. К. Соловьевъ стрѣлялъ въ Александра II.

2-го апрѣля 1902 г. Степанъ Валерьяновичъ *Балмашевъ*, котораго газетныя извѣстія называли сначала Малышевымъ, казнилъ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Черезъ два дня послѣ этого событія, 4-го апрѣля, партія социалистовъ-революціонеровъ выпустила въ Россіи прокламацію „*Казнь министра Сипягина*“, гдѣ были сообщены первыя извѣстія объ этомъ событіи.

Передаемъ содержаніе этой прокламаціи почти дословно.

Безумно смѣлая по замыслу и блестяще выполненная казнь Сипягина произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Громъ грянулъ въ такую минуту и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не ожидалъ. Были предвидены всѣ мельчайшія случайности

Безъ 5-ти минутъ въ 1 часъ дня къ малому подъѣзду зданія Комитета Министровъ лихо подкатываетъ шикарная карета, запряженная парой кровныхъ рысаковъ. Въ каретѣ въ небрежной позѣ сидѣлъ революціонеръ Степанъ Валерьяновичъ *Балмашевъ*. Швейцаръ подскакиваетъ къ каретѣ и предупредительно отворяетъ дверцы. Не мѣняя позы, величаво и пренебрежительно, процѣживая слова сквозь зубы, какъ и подобаетъ блестящему адъютанту, онъ обращается къ швейцару:

— „*Па-а-слушайте, любезнѣйшій, — что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ здѣсь? Я — экстренно отъ Ею Высочества Сергія Александровича — изъ Москвы (фигура швейцара при этомъ еще болѣе подобострастно вытягивается). Мнѣ необходимо немедленно видѣть министра*“.

Это было сказано такимъ величественнымъ тономъ челоѣка, умѣющаго приказывать, что швейцаръ не могъ не проникнуться къ нему довѣріемъ, какъ къ дѣйствительному адъютанту великаго князя.

— „*Никакъ нѣтъ, не изволили еще прибыть*“!

— „*Такъ я, пожалуй, съ еще дома застану*“.

Карета поварачиваетъ на Морскую съ расчетомъ выиграть

время, чтобы *Балмашеву* не приходилось долго ждать министра, но, отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, снова подкатываетъ къ Маріинскому дворцу. Адъютантъ заявляетъ, что онъ, пожалуй, лучше здѣсь подождетъ министра. Передъ Балмашевымъ, съ чисто адъютантской ловкостью выскакивающимъ изъ кареты съ портфелемъ въ рукѣ, широко распахиваются двери Комитета. Швейцаръ шепчетъ многочисленнымъ лакеямъ: „Отъ Его Высочества!“ *Балмашевъ* скидываетъ шинель, охорашивается передъ зеркаломъ, снимаетъ съ правой руки перчатку, поправляетъ аксельбанты, раскрываетъ портфель и начинаетъ разсматривать пакеты, въ тоже время помѣщая въ удобное положеніе находящійся въ портфелѣ револьверъ.

Проходитъ минута-двѣ. Опасались, чтобы Синягинъ, почему-то обыкновенно прѣзжающій къ Маріинскому дворцу не съ главнаго, какъ большинство министровъ, а съ малаго подъѣзда, въ которомъ ждалъ его *Балмашевъ*, вдругъ не перемѣнитъ своего обычая. Тогда весь планъ могъ бы не удался. Но судьба на этотъ разъ покровительствовала Россіи...

Ровно въ часъ подкатываетъ министерская карета. Выскакиваетъ швейцаръ и докладываетъ: „Къ Вашему Высоко-Превосходительству отъ Его Высочества“. Синягинъ входитъ въ подъездъ. На встрѣчу ему идетъ „посланникъ неба“ и подаетъ министру большой запечатанный пакетъ изъ толстой бумаги (чтобы труднѣе было вскрыть). *Балмашевъ* старается занять удобную позицію, какъ для нападенія, такъ и для избѣжанія возможности пораненія служителей.

— „Въ чемъ дѣло?“ недоумѣвая спрашиваетъ министр, вскрывая пакетъ.

— „Вотъ въ чемъ!“, спокойно отвѣчаетъ *Балмашевъ*, быстро вынимая изъ портфеля дальнобойный револьверъ системы Etoning, очень дорогой, сильнаго боя, пробивающій пяти дюймовую доску и не дающій осѣчекъ, совершенно плоскій, свободно помѣщающійся въ боковомъ карманѣ сюртука, револьверъ былъ заряженъ бездымнымъ порохомъ. *Балмашевъ* старается стрѣлять снизу вверхъ, чтобы пуля, пройдя на вылетъ, не задѣла окружающихъ и попала въ потолокъ. Раздалось нѣсколько оглушительныхъ выстрѣловъ. Министръ падаетъ къ ногамъ спокойно стоящаго *Балмашева*, который старается усюконтить обезумѣвшую прислугу.

— „Не бойтесь, братья, васъ не трогаютъ! Помните, что такъ поступаютъ только съ врагами народа!“

Балмашевъ не дѣлаетъ попытки скрыться... Самообладаніе и

спокойствіе *Балмашева*, по рассказамъ очевидцевъ, поразительно. Такое отчаянное спокойствіе можетъ выработать только русская жизнь, являющаяся въ наши дни тяжкимъ временемъ для людей, способныхъ мыслить и чувствовать.

Иностранныя газеты передаютъ, что *Синягинъ*, смертельно раненый, падая, закричалъ:

„За что меня убиваютъ? Я—невиновекъ. Я никому не дѣлалъ сознательно зла... Я выполнялъ только то, что мнѣ было приказано сверху!“

Умирая, *Синягинъ* торопился снять съ себя тяжесть обвиненій въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ и свалилъ ихъ на *Николая II*. Конечно, *Николай* — первый и главный виновникъ всего, за что *Балмашевъ* убилъ *Синягина*, въ этомъ *Синягинъ* правъ, но и самъ *Синягинъ* долженъ былъ нести отвѣтственность за свои сознательно сдѣланныя преступленія, и мы вмѣсто некролога ему скажемъ одно: „будь ты проклятъ, негодяй!“...

Допросъ *Балмашева* сильно разочаровалъ властн.

„Я *Стенанъ Балмашевъ*. Что я убилъ *Синягина*, — вы знаете. Большое мнѣ говорить вамъ нечего. Все ваши вопросы являются праздымъ любопытствомъ, удовлетворять которое я считаю совершенно излишнимъ. Приса судей за вами, какъ за людьми заинтересованными, я не признаю, а потому отъ нихъ какихъ бы то ни было показаній безусловно отказываюсь“.

На вопросъ о мотивахъ убійства *Балмашевъ* отвѣчалъ:

„Допрашивайте всѣхъ русскихъ людей — гражданъ, почему они ея не убили до сихъ поръ. Почему я убилъ, — для всѣхъ всѣ слишкомъ ясно“.

Вотъ все, что *Балмашевъ* нашелъ нужнымъ сообщить.

Вечеромъ на экстренномъ засѣданіи комитета министровъ обсуждался вопросъ, какъ огласить фактъ. Смятеніе и тревога въ правительственныхъ сферахъ невѣроятныя.

Стенанъ Валерьяновичъ Балмашевъ бывшій студентъ *Кіевскаго Университета*, 22-хъ лѣтъ. Онъ сынъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго общественнаго дѣятеля, еще съ 70-хъ годовъ и до сихъ поръ преслѣдуемаго русскимъ правительствомъ за его честные, прогрессивные взгляды, за его вліяніе на молодежь. Отецъ *Балмашева* еще недавно былъ высланъ изъ *Саратова* въ *Вятскую губернію* и до сихъ поръ находится тамъ въ ссылкѣ.

Въ 1899 г. *Балмашевъ* принялъ горячее участіе въ студенческомъ движеніи. Онъ былъ очень популярнымъ среди своихъ товарищей и его не разъ выбирали председателемъ на сходкахъ. По

приказу проклятой памяти Боголѣнова Балмашевъ отданъ былъ въ солдаты. Своимъ выстрѣломъ въ Боголѣнова Карповичъ освободилъ изъ казармъ и Балмашева и его товарищей. Реакція 1901-1902 г. г. заставила въ свою очередь и Балмашева вступить на путь Карповича, — на путь, завѣщанный русскимъ революціонерамъ партией Народной Воли.

Народовольцы : Желябовъ, Перовская, Халтуринъ, Сухановъ, Гриневецкій, по словамъ нашего поэта,

— *„погибли, вѣря твердо,
Что мы пойдёмъ по ихъ стопамъ!“*

И вотъ теперь, послѣ долгаго, тяжелаго періода затишья революціонеры, наконецъ выходятъ на настоящую дорогу для борьбы съ правительствомъ всѣми средствами, силами всѣхъ слоевъ націи.

Первыми радостными вѣстниками возрожденія революціоннаго движенія въ Россіи и явились Карповичъ и Балмашевъ.

„Да здравствуетъ Карповичъ!“

„Да здравствуетъ Балмашевъ!“

КЪ ВОПРОСУ — ЧТО ДѢЛАТЬ?

(Изъ 1 № „Народоволица“.)

Александръ III благополучно процарствовалъ цѣлыхъ 14 лѣтъ, и вотъ уже 7-ой годъ не менѣе благополучно царствуетъ Николай II, — и это въ то время, когда реакція должна была, повидимому, вызвать противъ себя сильнѣйшій отпоръ со стороны революціонеровъ и свести ихъ *боевую* программу къ одному пункту: *цареубійству*, — а, если бы оказалось пужнымъ, то къ *цѣлому ряду цареубійствъ* и къ *систематическому политическому террору*.

Начиная съ 1881 года, реакція была все время такова, что добиться сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ, даже какой-нибудь лорнесъ-меликовщины, возможно было едва-ли не исключительно только тѣми средствами, которыми Исполнительный Комитетъ поколебать реакцію въ концѣ 70-хъ годовъ, а между тѣмъ, чѣмъ занимались въ эти мертвые годы и русскіе революціонеры и русское общество? — они заводили народныя школы, вели пропаганду, издавали книги и газеты, и менѣе всего заботились о тѣхъ средствахъ борьбы, посредствомъ которыхъ вѣрнѣе всего было бы набить горячую рубашку на русскій деспотизмъ и такимъ образомъ расчистить дорогу для тѣхъ же народныхъ школъ и для той же пропаганды среди рабочихъ, крестьянъ и среди разныхъ слоевъ общества.

Намъ приходится отмѣтить еще одно — болѣе печальное обстоятельство.

Когда появлялись кружки, бравшіе на себя инициативу политическаго террора, они встрѣчали не только холодность и общее безучастіе, но не было полѣна, какого бы только ни бросали имъ подъ ноги. Въ то время, какъ правительство послѣ 1881 г. изъ силъ выбивалось въ борьбѣ съ террористами, готово было мирволить разнаго рода пропагандѣ, лишь бы отвлечь революціонеровъ отъ террора, — люди разныхъ партій, повидимому, только, и мечтавшіе что объ уничтоженіи самодержавія, съ какимъ-то удивительнымъ единодушіемъ старались направо и налево кричать объ яко бы доказанной безрезультатности политическаго террора, его вредномъ вліяніи на другія отрасли революціонной и общественной дѣятельности и т. д., — и въ этомъ случаѣ, надо признаться, все эти противники террора работали подъ тактъ, который выбивали имъ Судейкины въ Департаментъ Полиціи.

Ослабленіе доходило до страшныхъ предѣловъ. Люди, которые съ энтузіазмомъ готовы были аплодировать террористической борьбѣ и ждали отъ нея выхода изъ современнаго положенія вещей, люди, на которыхъ террористы имѣли право смотрѣть, какъ на своихъ ближайшихъ единомышленниковъ, создавали для возстановленія террористическаго движенія серьезныя препятствія. Обсужденіе въ литературѣ вопроса о политическомъ террорѣ, по ихъ мнѣнію, было не дозволительнымъ, оно приравнивалось ими къ „науськиванію“. Иравственно дозволительнымъ было лишь одно личное непосредственное участіе въ террорѣ. На разные лады повторялась нелѣпѣйшая изъ нелѣпыхъ мысль, что о террорѣ не говорятъ, а терроръ дѣлаютъ и т. д. Все это сопровождалось ложными ссылками на прошлое, разсужденіями, не выдерживающими критики, и, къ слову сказать, трогательно совпадало съ тѣмъ, что о террористической дѣятельности всегда говорили Катковы, Щербани и К^о.

Едва ли можно сомнѣваться, что политическій терроръ, какъ рефлексъ, какъ результатъ единоличной борьбы, теперь едва-ли возможенъ въ широкихъ размѣрахъ, и во всякомъ случаѣ его значенію не можетъ не быть сравнительно ничтожнымъ въ общей революціонной борьбѣ.

Терроръ возможенъ въ настоящее время въ размѣрахъ, которые далеко оставятъ за собой все, что видѣли 1879-81 годы, но *только въ томъ случаѣ*, если онъ будетъ дѣломъ сильной, *спеціальной* организаціи, и будетъ опираться на ясное признаніе со стороны не однихъ террористическихъ кружковъ, а значительныхъ слоевъ общества, — а для этого русскимъ революціонерамъ нужно бросить заниматься терроромъ „*между прочимъ*“, надо его пропагандировать и дѣлать популярнымъ, расчищать для него почву такъ же, какъ это мы дѣлаемъ, когда считаемъ нужнымъ организовать школы, устроить стачку, основать газету и т. д.

Тѣ, кто признаютъ терроръ, но отрицаютъ систематическую работу для его организаціи, рубятъ сукъ, на которомъ сидятъ. Они такъ же, какъ и явные антитеррористы, въ родѣ толстовцевъ и социаль-демократовъ, систематически парализуютъ возникновеніе активной партіи борьбы съ русскимъ правительствомъ. Оглядываясь на прошлое, они могутъ не безъ удовольствія видѣть, сколько удачныхъ ударовъ ими нанесено террористическому движенію, сколько здоровыхъ всходовъ затоптано, сколько хорошихъ начинаній сведено на нѣтъ. Но пусть они въ то же время распинутся и подъ другимъ результатомъ своей дѣятельности: *русское самодержавіе и до сихъ поръ существуетъ во всемъ своемъ безобразіи, и борьба съ нимъ все такъ же настоятельна, какъ была и въ 1881 году.*

Но какъ ни сильно было систематическое противодѣйствіе народоувольческому движенію со стороны разныхъ партій, и послѣ

1881 г. нельзя указать ни *одного* года, когда бы не возникали въ Россіи то тамъ, то здѣсь террористическія организаціи, заключавшія въ своей средѣ людей, доказавшихъ потомъ годами тюрьмы и каторги и своей смертью беззавѣтную преданность революціонному дѣлу, и теперь, вспоминая чудныя личности Степуриныхъ, Ульяновыхъ, Коганъ-Верипштейновъ и многихъ, многихъ другихъ, стоявшихъ послѣ 1881 года подъ знаменемъ Народной Воли, невольно хочется спросить всѣхъ толстовцевъ и социаль-демократовъ: „*чего вы достигли?*“. — Цѣной дискредитированія могущественнаго движенія и парализованія дѣятельности его членовъ вы достигли лишь кой-какихъ второстепенныхъ завоеваній, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, были бы сдѣланы еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ подъ знаменемъ Народной Воли или другихъ, аналогичныхъ съ Народной Волей, *террористическимъ* партій.

Вмѣсто содѣйствія террористы встрѣчали со всѣхъ сторонъ сомнѣнія, колебанія, отрицаніе ихъ способовъ дѣйствія. Нашему обществу, какъ нельзя болѣе, было пріятно услышать эту горячую антитеррористическую пропаганду. Всѣ трусы, эгоисты, русскіе гамлеты увидѣли въ ней оправданіе своего безучастія, — и Степурины и Ульяновы оставались безъ всякой возможности начать свою борьбу и погибали, не оказывая и сотой доли вліянія на русскія дѣла, на какое они были способны. Ихъ вѣрно оцѣнивало одно лишь правительство: — въ своей самозащитѣ отъ *возможныхъ* нападений этихъ народовольцевъ оно доходило до послѣдней степени самоуниженія и въ борьбѣ противъ нихъ напрягало всѣ свои силы, какъ бы указывая и революціонерамъ и обществу, *чего* оно больше всего боится и *какъ* нужно съ нимъ бороться.

Передъ террористами всегда стояла альтернатива: или ждать, когда правительство вгонитъ въ терроръ и социаль-демократовъ и либераловъ, и эти недавніе антитеррористы примутся подыскивать аргументы для новаго поворота въ своей дѣятельности, или же начинать дѣло при наличныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Террористическіе кружки, которые нехотѣли ждать, сдѣлали свое дѣло, — они сохранили традиціи Народной Воли и являлись чуть не единственной серьезной силой, сдерживавшей реакцію правительства. Они вліяли на него не столько тѣмъ, что время отъ времени наносили ему удары, сколько тѣмъ, что держали его въ постоянномъ страхѣ.

Насколько это окажется возможнымъ, но конспиративнымъ соображеніямъ, мы будемъ знакомить своихъ читателей со всѣмъ, что можетъ служить для выясненія террористическаго движенія, какъ въ его недавнемъ прошломъ, такъ и въ настоящее время, и въ первомъ же номерѣ „*Народовольца*“ мы напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ объ одной изъ многихъ эмигрантскихъ попы-

токъ поднять вопросъ объ организаціи террористической партіи въ Россіи.

Найдется, къ сожалѣнію, не мало людей, которые вообще скептически отнесутся къ вопросу о правѣ эмигрантовъ принимать активное участіе въ русскомъ революціонномъ движеніи, особенно въ террористической дѣятельности. Подобный взглядъ на эмиграцію, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ только несправедливъ и нецѣль, онъ — крайне вреденъ, и при томъ не новъ: еще въ 1862 г. скверной памяти Катковъ бросилъ Герцену обвиненіе въ „науськиваніи русскихъ революціонеровъ изъ-за спины англійскаго полемея“.

Русская эмиграція уже оказала серьезныя услуги революціонному движенію, — а если наши оппозиціонные и революціонные дѣятели поймутъ, наконецъ, какую роль сможетъ сыграть въ борьбѣ съ правительствомъ эмиграція сильная, хорошо освѣдомленная, пользующаяся постоянной, серьезной поддержкой изъ Россіи, и если они постараются создать такую именно эмиграцію, — то они тѣмъ самымъ придадутъ новый энергическій размахъ революціонному движенію, и онъ будетъ роковымъ для самодержавія. Народная Воля, думается намъ, была бы гораздо сильнѣе, и ей легче было бы устоять на ногахъ въ тяжелые годы, если бы за ней стояла подобная эмиграція.

Что же касается упрековъ, посылаемыхъ по адресу нѣкоторыхъ эмигрантовъ, въ томъ, что они занимаются именно террористическими планами, то спрашивается, какая разница между пропагандой: террора, организаціи рабочихъ или созданія легальной литературы? По крайней мѣрѣ, принципиальной разницы никакой нѣтъ.

Тѣ, кто обвиняютъ эмиграцію за ея заботы о террористическомъ движеніи, должны помнить, что эмигрантами-террористами полны всѣ каторжныя тюрьмы вплоть до Шлиссельбургской крѣпости, и что этой цѣной они завоевали себѣ право говорить и заботиться и о террористическихъ дѣлахъ такъ же, какъ и о другихъ дѣлахъ, которыя имъ дороги.

Въ 1888 г. находились, напримѣръ, и такіе господа, которые метали свои громы противъ С. Гинсбургъ за то, что она, будучи за границей, „за спиною англійскаго полемея“, хлопотала о созданіи террористической организаціи. Въ томъ же году, при первой же возможности, Гинсбургъ для реализаціи тѣхъ плановъ, которыми она была занята за границей, уѣхала въ Россію (не для устройства фейерверковъ въ царскіе дни, конечно), была тамъ арестована и вскорѣ погибла въ Шлиссельбургской крѣпости.

Пусть же теперь будетъ стыдно тогдашнимъ ея развязнымъ обвинителямъ!

Въ 1887-88 г.г. за границей одновременно появился нѣсколько новыхъ эмигрантовъ-народовольцевъ изъ числа бѣжавшихъ сибирскихъ ссыльныхъ и ускользнувшихъ отъ правительственныхъ

преслѣдованій по народовольческимъ дѣламъ,— между ними были: Софья Михайловна Гинсбургъ, Дембо и нѣкоторые изъ принимающихъ теперь постоянное участіе въ „*Народовольцы*“. Въ послѣдующіе годы эти эмигранты входили въ различныя народовольческія организаціи, и многіе изъ нихъ дорого заплатились уже за свои попытки возобновить народовольческую дѣятельность.

Ихъ призывъ, однако, встрѣтилъ мало сочувствія на дѣлѣ, соображавшихся около нихъ силы и средствъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы начать борьбу. Организованная ихъ противниками пропаганда о безплодности террора, легенды, сфабрикованныя для компрометированія Народной Воли, вырывали у нихъ почву изъ подъ ногъ.

Еще въ 1889 г. Гинсбургъ отъ имени своихъ товарищей по дѣлу уѣхала нелегальной въ Россію. Но и тамъ революціонная мысль была далека отъ раціональной постановки вопроса.

Если бы русскіе революціонеры были тогда дальновиднѣй и посмѣтрѣли на предложенія Гинсбургъ, какъ на дѣло первой важности, она тогда же смогла бы вызвать изъ-за границы многихъ изъ своихъ друзей, которые только ждали отъ нея нужныхъ свѣдѣній для того, чтобы присоединиться къ своимъ единомышленникамъ въ Россіи. Они явились бы новой силой для борьбы съ правительствомъ и, конечно, сумѣли бы нанести ему не одинъ ударъ.

Къ счастью для правительства разлагающая антитеррористическая пропаганда сдѣлала свое дѣло, — и Гинсбургъ погибла прежде, чѣмъ встрѣтила какую-нибудь поддержку. Съ ея арестомъ временно подорваны были надежды ея товарищей, остававшихся за границей.

Около того же времени одному изъ заграничныхъ народовольческихъ кружковъ былъ неожиданно нанесенъ тяжелый ударъ. Находявшійся за границей эмигрантъ Дембо, бѣжавшій вълѣдствіе обвиненія въ покушеніи на царубійство 1-го марта 1887 г., производилъ, по просьбѣ товарищей изъ Россіи, опыты съ взрывчатыми веществами и при одномъ изъ опытовъ въ окрестностяхъ Цюриха погибъ отъ взрыва бомбы, случайно выскользнувшій изъ рукъ, когда онъ уже возвращался домой со своимъ товарищемъ по дѣлу, извѣстнымъ польскимъ дѣятелемъ, Дембскимъ.

Но со смертію Дембо и арестомъ Гинсбургъ начатое ими дѣло не остановилось. Ихъ товарищи, оставшіеся за границей, осенью 1889 г. главнымъ образомъ въ Парижѣ — организовались въ новую группу и стали продолжать прежнее дѣло.

На этотъ разъ ихъ уже мало озабочивала техническая сторона дѣла: опыты Дембо и его друзей, остававшихся на свободѣ, хорошо рѣшили эту сторону вопроса. Препанія кибилическія и перво-мартовскія 1887 года динамитныя бомбы, большія по размѣру, требовавшія спеціальныхъ условій для ихъ приготовленія, замѣнились пакластитными. Бомба, величиной въ небольшой

апелсннъ, производила страшное разрушеніе. Процессъ приготовленія ихъ былъ упрощенъ, и ихъ можно было дѣлать не только въ любой лабораторіи, но и въ обыкновенной студенческой квартирѣ, при чемъ все необходимое безъ труда можно было достать въ каждой аптекѣ. Технические вопросы вообще были разработаны такъ, что при серьезной организаціи, обладающей хорошими связями и средствами, возможно было въ любое время, даже *послѣ сильнѣйшихъ погромовъ*, во время *полнаго затишья и торжества антитеррористовъ*, неожиданно для правительства начать противъ него систематическій терроръ въ такихъ размѣрахъ, до какихъ не доходилъ и терроръ въ 1879-1881 г.г.

Такая борьба, безъ сомнѣнія, заставляла бы правительство сдаться въ самое короткое время.

Группѣ парижскихъ эмигрантовъ, о которой мы говоримъ, необходимо было только проверить результаты одного химическаго опыта, и они передъ своей поѣздкой въ Россію занялись этимъ. О фабрикаціи бомбъ за границей для ввоза въ Россію не было и рѣчи. Для всѣхъ было ясно, что бомбы должны были быть приготовляемы на мѣстѣ, въ самой Россіи, согласно съ тѣми опытами, которые были сдѣланы за границей.

Но и на этотъ разъ не удалось довести дѣло до желаннаго конца. Отсутствие средствъ и серьезной помощи со стороны окружающихъ были главной причиной неудачи въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ Гинсбургъ и во *всѣхъ* другихъ подобныхъ попыткахъ. Въмѣсто того, чтобы приступить къ дѣлу *немедленно*, вводя въ организацію возможно меньше лицъ, пришлось разбрасываться, тратить напрасно время, обращаться за помощью къ лицамъ въ значительной степени постороннимъ и т. д. Во время этихъ поисковъ кружокъ столкнулся съ провокаторомъ Гекельманомъ (Ландезеномъ), уже лѣтъ пять до того вращавшимся среди эмигрантовъ, и кружокъ былъ выданъ.

Пришлось отложить на нѣкоторое время много широко и хорошо задуманныхъ предпріятій.

Я не имѣю въ виду говорить здѣсь, въ чемъ проявились за послѣдніе годы попытки находившихся за границей народовольцевъ, стремившихся возбудить въ Россіи вопросъ о необходимости террористической организаціи. Скажу только, что народовольцы, участвовавшіе въ прежнихъ организаціяхъ, о которыхъ была рѣчь выше, оставались все время въ общемъ вѣрны своей программѣ и не переставали убѣждать другія фракціи вступить на путь, по которому шло революціонное движеніе въ 1879-81 г.г.

Надо, однако, признать, что какъ отдѣльные народовольцы, такъ и цѣлая ихъ организація, не обнаружили за эти годы особой способности къ *общей* организаціи и не рѣдко расходились между собою изъ-за спора о значеніи третьестепенныхъ вопросовъ. Другія, ненародовольческія, фракціи еще усилили свою прежнюю враж-

дебную дѣятельность противъ Народной Воли и ея представителей, а правительство держалось правила *divide et impera* и только все усиливалось благодаря „*лучшимъ разногласіямъ*“.

Въ то время, когда антитеррористы такъ усердно кричали о бесполезности террора и старались ослабить дѣятельность тѣхъ, кто былъ его сторонникомъ, правительство тратило баснословныя суммы, напрягало все свои силы, готово было измѣнить направление внѣшней политики, лишь бы только парализовать дѣятельность кружка народовольцевъ, о которомъ мы говорили, кружка людей безъ средствъ, съ незначительными связями и сильныхъ лишь правотой своей практической программы дѣйствія и пониманіемъ современныхъ революціонныхъ задачъ.

Не останавливаясь на массѣ отдѣльных фактовъ этого рода правительственной дѣятельности (константинопольскій арестъ Луцкаго, хлопоты о заключеніи трактата о выдачѣ „политическихъ преступниковъ“ съ Сѣверной Америкой, шпіонскія провокаціи въ Румыніи, въ Болгаріи въ 1890-91 г.г. и т. д.) мы напомнимъ лишь то, что произошло въ 1890 г. въ Парижѣ. На этотъ счетъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ книгѣ извѣстнаго французскаго сенатора Эрн. Доде „*Histoire diplomatique de l'alliance Franco-Russe*“.

„Въ 1890 году“, говоритъ Доде : „намъ представился случай оказать русскому правительству очень важную услугу“. „Константъ черезъ русскаго и французскаго агентовъ узналъ, что русскіе революціонеры въ Парижѣ заняты приготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ и намѣрены (?) взять ихъ въ Россію. Русскій посланникъ Моренгеймъ потребовалъ, чтобы французское правительство приняло мѣры и недопустило возможности опанамити въ Россію. Рибо, Фрейсине и Константъ, которымъ онъ сообщалъ свои опасенія, взяли на себя самыя формальныя обязательства въ томъ, что они помѣшаютъ революціонерамъ вывезти динамитъ изъ Парижа“. Но этого Моренгейму и всей его кликѣ было мало, онъ все еще боялся, что „кому-нибудь изъ революціонеровъ все-таки удастся улизнуть и увезти одну или двѣ бомбы“, и этотъ представитель „великой державы“, который, повидимому, можетъ тратить свое драгоценное время лишь на дѣла обще-европейскаго значенія, позабываетъ и думать о своемъ достоинствѣ, бѣгаетъ по переднимъ Константа и ежедневно надѣдаетъ ему просьбами объ арестѣ „нигилистовъ“.

21 мая (н. ст.) Константъ собрался ѣхать съ Карно на югъ Франціи. Моренгеймъ, перепуганный тѣмъ, что безъ Константа „нигилисты“, навѣрное, скроются, бросается къ нему на квартиру молить объ арестахъ, но Константъ уже уѣхалъ на вокзалъ. Моренгеймъ откуда взялась и прыть бросается за нимъ и тамъ застаётъ Константа, который его и успокаиваетъ, что „мѣры“ приняты. Моренгеймъ сталъ собираться уѣзжать, но Константъ обратилъ его вниманіе на то, что свиданіе ихъ замѣчено журналистами и, чтобы избѣжать толковъ, онъ ему посоветовалъ дожидаться Карно.

Черезъ минуту Карно при входѣ въ вагонъ простился съ русскимъ посланникомъ и былъ очень польщенъ любезностью Моренгейма, нетипной причины которой онъ не понималъ, и „горячо его благодарилъ за честь“.

Послѣ отъѣзда Констана ничего особеннаго не произошло, но Моренгейму не терпѣлось, и онъ 26 мая „явился къ Рибо и сталъ уговаривать его, что очень важный интимистъ собарается уѣзжать въ Россію“. Это было съ его стороны не болѣе, какъ хитрость для того, чтобы добиться, наконецъ, ареста русскихъ революціонеровъ*).

Къ Констану былъ посланъ спеціальныи чиновникъ съ просьбой разрѣшить произвести аресты. Констанъ далъ свое согласіе, и 29 мая въ Парижѣ было арестовано 13 человекъ — русскихъ и поляковъ.

Александръ III, когда узналъ обо всемъ происшедшемъ въ Парижѣ, выразилъ свою глубокую признательность французскому правительству за его содѣйствіе въ борьбѣ съ народолюбцами.

„Императоръ“, говоритъ Доде : „высказалъ свою благодарность французскому посланнику Тябуле въ такихъ выраженіяхъ, которые ясно говорили объ ея искренности и глубинѣ“.

Александръ III, который готовъ былъ въ 1886 г. разорвать дипломатическія сношенія съ Франціей вѣдѣствіе того, что французское правительство амнистировало Кропоткина и выпустило его изъ тюрьмы, почти сразу перемѣнилъ свою вѣдѣнную политику, и арестъ русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, по словамъ Доде, имѣлъ большое значеніе въ исторіи франко-русскихъ сношеній.

Намъ рѣдко приходится въ чемъ-либо соглашаться съ людьми въ родѣ Александра III, но въ данномъ случаѣ, въ оцѣнкѣ такихъ революціонныхъ организацій, каковы были кружокъ парижскихъ народолюбцевъ, и цѣлесообразности намѣченнаго ими пути, мы — надо въ этомъ сознаться — болѣе согласны съ нимъ, чѣмъ съ тѣми революціонерами, которые отрицаютъ терроръ или откладываютъ его „на завтра“. Александръ III и Моренгеймы чувствовали, что найдено ихъ слабое мѣсто и готовы были обивать пороги какого-нибудь Констана, играть жалкую роль, лишь бы вымолить себѣ помощь противъ народолюбцевъ, начинавшихъ борьбу съ ними. И это было тогда, когда они имѣли противъ себя лишь небольшой кружокъ лицъ, почти безъ средствъ и связей, обезсиленныхъ общою безучастностью и къ тому же атакованныхъ другими политическими фракціями.

Въ какое же положеніе попалъ бы Александръ III съ его Моренгеймами, если бы, наконецъ, образовалась могучая партія Народной Воли, которая пользовалась бы, какъ въ бывшее время, об-

*) Двое народолюбцевъ, дѣйствительно, выѣхали благополучно изъ Франціи въ Россію, но это было еще за мѣсяць до арестовъ 29 мая.

нимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ, и имѣла бы возможность поставить дѣло борьбы такъ широко, какъ это теперь позволяетъ *и техника и накопившійся революціонный опытъ*? — На этотъ вопросъ не трудно дать себѣ отвѣтъ.

Такихъ народовольческихъ организацій, какъ парижская, за время послѣ 1881 года бывало очень много въ самой Россіи. Русская жизнь не *переставала* выдѣлять изъ себя революціонеровъ, которые съ честью могли бы стоять подъ знаменемъ Народной Воли.

Въ такомъ же положеніи находится дѣло и теперь: есть люди, которые могли бы начать активную борьбу съ правительствомъ, есть все условія для ихъ дѣятельности. Но измѣните-ли, наконецъ, общая атмосфера, парализующая созданіе террористической партіи? поймутъ ли, наконецъ, наши противники, *кому* они служатъ, борясь съ Народной Волей? съумѣютъ-ли реализовать свои планы практической борьбы сами народовольцы хотя-бы *постольку, поскольку* это будетъ зависѣть *исключительно* отъ нихъ? — вотъ вопросы, на которые отвѣты дать намъ ближайшее будущее.

Но какъ бы ни сложились обстоятельства, отдѣльные народовольцы должны продолжать защищать свое знамя, отыскивать другъ друга, сплачиваться въ организаціи, начинать борьбу при первой возможности и убѣждать всѣхъ, что на вопросъ „*что сказать?*“ теперь существуетъ одинъ отвѣтъ: *возобновить партію Народной Воли*, и другого отвѣта нѣтъ.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО ТЕРРОРЪ ДѢЛАЮТЪ, НО О ТЕРРОРѢ НЕ ГОВОРЯТЪ?

(Изъ 2 № „Народовольца“.)

„Опять о террорѣ!“... — быть можетъ, скажутъ намъ иные, оставшіеся недовольными тѣмъ, что мы черезчуръ много, по ихъ мнѣнію, удѣлили мѣста террору въ 1 № „Народовольца“, и, не ограничиваясь общими фразами, называли вещи ихъ собственными именами.

Да, господа, опять о террорѣ, и мы еще не разъ вернемся къ этому вопросу.

Возобновленіе террористической борьбы въ Россіи, по нашему мнѣнію, является теперь не только наиболѣе настоятельной потребностью революціоннаго движенія, но и его *неизбѣжнымъ условиемъ*.

Среди революціонныхъ вопросовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы до такой степени запутанъ и возбуждалъ бы противъ себя такіа совершенно неосновательныя возраженія, такъ систематически избѣгался бы всѣми, какъ вопросъ о террорѣ. Заграничныя органы, бывшіе офиціальными выразителями идей Народной Воли, не считали возможнымъ удѣлить хотя бы нѣсколько страницъ защитѣ террора отъ систематическихъ нападковъ на него. Противники террора столь привыкли къ своему торжеству, что теперь не могутъ примириться даже съ самой мыслью о возможности говорить о террорѣ такъ же часто и такъ же много, какъ теперь говорится, напр., о необходимости пропаганды среди рабочихъ, о ея лучшихъ методахъ, объ условіяхъ, при которыхъ она можетъ быть наиболѣе успѣшной и т. д.

Аргументы, которые приходится выслушивать теперь отъ противниковъ террора, — не новы. Въ общемъ, это — тѣ же избитыя фразы, которыя повторялись и раньше, еще при первыхъ попыткахъ сдѣла возникавшаго въ Россіи террористическаго движенія.

„Терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ“ — твердятъ намъ нѣкоторые и, устроивши себѣ цитадель изъ подобныхъ громкихъ фразъ, за которыми нѣтъ ни фактовъ, ни простой исторической правды, начинаютъ организовывать систематическое противодѣйствіе всякимъ попыткамъ возобновленія террористическаго движенія.

Правда ли, однако, что терроръ дѣлають, но о террорѣ не говорятъ?

Если бы наши оппоненты не ограничивались двусмысленными фразами, въ родѣ „sapienti sat!“ (см. „*Летучіе Листки*“ № 39), и вспомнили-бы наиболѣе блестящія страницы русской революціонной исторіи, они бы увидали, что о политическомъ террорѣ очень много и „говорили“ и писали, какъ тѣ, которые въ послѣдствіи принимали личное участіе въ террористическомъ движеніи, такъ и тѣ, чье честное, полезное служеніе революціонному дѣлу ограничилось лишь одной защитой террора въ литературѣ и жизни. Они увидѣли бы, сколько труда было вложено въ дѣло защиты террора отъ нападеній тѣхъ его противниковъ, въ которыхъ современные наши оппоненты могутъ видѣть своихъ непосредственныхъ предшественниковъ.

Мы слышали ссылки на авторитетъ Герцена, который, дѣйствительно, враждебно отнесся къ первымъ фактамъ террористическихъ нападеній на правительство. Но аргументы Герцена въ данномъ случаѣ несколько не убѣдительнѣе тѣхъ, какіе намъ приходится выслушивать и въ настоящее время. Если бы сущность публицистической дѣятельности Герцена заключалась въ его статьяхъ о террорѣ, онъ прошелъ бы, конечно, также незамѣченнымъ въ литературѣ, какъ и тысячи другихъ ни въ какомъ отношеніи не интересныхъ писателей. Герценъ — замѣчательнѣйшій русскій политическій дѣятель, не смотря на нѣсколько его неудачныхъ замѣтокъ о политическомъ террорѣ.

Споры о необходимости или вредѣ террора начались, какъ въ литературѣ, такъ и въ кружкахъ, задолго до того времени, когда террористическія фракціи стали съ 1878 г. доминирующими среди революціонеровъ.

Съ 1872 года началось усиленное революціонное движеніе среди молодежи, охватившее громадное количество лицъ. Сущность этого движенія состояла въ пропагандѣ въ литературѣ и въ жизни идей социализма и организаціи рабочихъ и крестьянъ съ цѣлью подготовленія социальной революціи.

Были, однако, уже и въ то время люди, которые видѣли недостаточность одной пропаганды и „говорили“ о необходимости политическаго террора, направленнаго противъ главныхъ представителей реакціи. Еще въ 1874 году кружокъ лицъ, среди которыхъ былъ и Каблинъ (Юзовъ), много говорилъ о динамитѣ, какъ объ одномъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ, о необходимости взорвать Зимній Дворецъ, и дѣлалъ даже кой-какія попытки осуществить свои террористическіе планы. Съ появленіемъ за границей такого отзывчиваго, талантливаго публициста, какимъ былъ Ткачевъ, дѣло защиты террористической борьбы въ Россіи было поставлено въ литературѣ широко и правильно.

Въ 1875-1876 г.г. и въ литературѣ и на революціонныхъ со-

бравіяхъ шла усиленная борьба между террористами и антитеррористами. „Набатъ“ создалъ тогда апофеозъ французскому террористическому движенію конца прошлаго столѣтія. Разсказывая о тогдашнихъ террористахъ, объ ихъ обширной литературѣ, посвященной оправданію террора, о Робеспьерѣ, С. Жюстѣ, объ ихъ террорѣ, о царубійствѣ и т. д. „Набатъ“ говорилъ русскимъ революціонерамъ, занимавшимся мирной пропагандой социализма:

„Вотъ — отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образы“.

Террористы медленно, но вѣрно шли къ своей цѣли. Мало по малу они усиливались и завоевывали почву для своихъ идей. Издатели „Работника“ и „Набата“ — заграницей, Ковальскій, разстрѣленный въ 1878 г., Осипскій, повѣшенный въ 1879 г., и ихъ друзья въ Россіи — вели упорную полемику о необходимости прибѣгнуть къ террористическимъ средствамъ борьбы съ русскимъ правительствомъ. На нихъ сыпались обвиненія, аналогичныя съ тѣми, которыя и теперь приходится выслушивать нынѣшнимъ защитникамъ террора.

13 іюля 1877 г. произошло событіе, которое ускорило развязку споровъ террористовъ съ антитеррористами.

Въ Домѣ Пр. Заключенія былъ наказанъ розгами политическій каторжанинъ Боголюбовъ. Наказывая Боголюбова, Треповъ не зналъ, что онъ тѣмъ самымъ рѣшаетъ и свою участь и участь Александра II.

Фактъ петизанія политическаго заключеннаго возбудилъ и заграницей и въ Россіи негодованіе. Усиленно „заговорили“ о террорѣ и о необходимости убійства Трепова. Одни были *за*, другіе *противъ*. Заграницей была напечатана присланная петербургской революціонной группой брошюра „Ваша-близуки С. Петербурга“, заключающая въ себѣ разсказъ о треповской расправѣ. Она была посвящена „дорогой памяти Каракозова“ и открыто призывала къ террору.

Заграницей и въ Россіи шли усиленные переговоры о томъ, какъ организовать убійство Трепова. Приготовленія къ террористической борьбѣ и въ то время, когда правительство не было еще на сторожѣ, были дѣломъ не легкимъ и требовали времени, а также того, что многимъ такъ не нравится, — „разговоры“ о террорѣ. Только въ январѣ 1878 года въ Петербургъ съѣхались съ разныхъ концовъ Россіи нѣсколько представителей различныхъ революціонныхъ группъ съ цѣлью привести въ исполненіе задуманный планъ наказанія Трепова. Между ними былъ и Пошкo, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ казненный въ Кіевѣ жандармскаго офицера Гейкина.

Въ это время, 24 января, раздался выстрѣлъ Засуличъ. Дѣло политическаго террора было выиграно. Люди, еще вчера нападавшіе на защитниковъ террора, пришли въ восторгъ отъ выстрѣла

но Тренову, ибли дифирамбы совершившемуся факту, забывая, что этот фактъ совершился не благодаря, а вопреки имъ, явился результатомъ извѣстнаго состоянія революціонной атмосферы, подготовленной террористами, съ которыми они столько боролись, потребовалъ долгой пропаганды, долгихъ „разговоровъ“ и приготовленій.

Для того, чтобы показать, насколько противодействие возникновенію политическаго террора было сильно, достаточно привести нѣсколько выдержекъ изъ 5 № „Впередъ!“, вышедшаго въ концѣ 1877 г., органа тогдашнихъ русскихъ соціалъ-демократовъ.

„Товарищи!“ читаемъ мы въ журналѣ „Впередъ!“: „мы не только считаемъ себя въ правѣ, но и признаемъ себя обязанными призывать васъ къ мщенію, къ божественному мщенію за пролившую кровь народа, за пролившуюся кровь нашихъ товарищей.“

„Но не на личную месть мы будемъ звать васъ. Не для подстрекательства мелкихъ страстей взялись мы за перо. Мы не будемъ, вмѣстѣ съ издателями упомянутой выше брошюры („Ваша-близука С. Петербурга“), призывать мщеніе русскихъ революціонеровъ на главу виновниковъ совершающагося вокругъ насъ безобразія, не будемъ звать за нами повторить слова мученика-поэта:

„Что жъ молчать въ васъ злоба, братья!“

„Мы будемъ говорить иное.“

„Не намъ, людямъ, „свободно гуляющимъ по улицамъ Лондона“ или „бѣзъ помъхи конспирирующимъ по кофейнямъ Цюриха и Женевы“, подстрекать нашихъ товарищей, живущихъ въ Россіи, къ мщенію.“

„Мы не позволимъ себѣ абсурдной профанаціи имени революціонера, не позволимъ себѣ прилагать товарищей посвящать свои силы и время на акты кроваваго мщенія, направленные противъ опредѣленныхъ вражескихъ личностей. На мосту сегодня „устраиваются“ лишь сраженія оружія, на мосту оружія — штыки и т. д.“

„Есть оружія мести, порочающаяся: устраивать въ корнѣ общественныя условія, которыя должны быть создаваемы вреднымъ личностямъ.“

„Русская рабочая соціаллистическая партія — вотъ лагерь, куда должны сходиться истинные мстители за народъ и за себя“ и т. д.

Мы, конечно, не можемъ не признать, какъ глубоко, какъ печально ошибался писавшій эти строки. Ограничиваться совѣтомъ „устранить въ корнѣ тѣ общественныя условія, которыя позволяютъ создаваться вреднымъ людямъ“ значить обойти вопросъ: „что дѣлать?“, когда свирѣютъ Треновы, Николаи II и т. д. Что же касается упрековъ „бѣзъ помъхи конспирирующимъ по кофейнямъ Цюриха“ (среди которыхъ въ то время между прочимъ на-

ходился бывший заграницей Ковальскій, арестованный за вооруженное сопротивленіе въ Одессѣ въ январѣ 1878 г. и тамъ же разстрѣленный), упрековъ, которые и теперь постоянно повторяются охочими людьми, то нельзя не пожалѣть, что такіе полемическіе приемы находили себѣ мѣсто и въ партійныхъ дебатахъ и въ литературѣ.

Революціонеры, принимавшіе участіе въ политическомъ террорѣ, конечно, благодарны тѣмъ писателямъ, которые, хотя сами не принимали непосредственнаго участія въ террористическомъ движеніи, тѣмъ не менѣе подготовляли для него почву, и въ то же время врядъ ли революціонеры-террористы помянутъ добромъ литературныя произведенія, въ родѣ приведенной нами выше страницы изъ журнала „Впередъ!“.

Начиная съ 1880 г., когда нельзя было болѣе отрицать того, что народовольцы сумѣли создать изъ политическаго террора новую громадную силу для борьбы съ правительствомъ, противники террора перенесли центръ своей аргументаціи противъ террора съ вопроса о его цѣлесообразности на вопросъ о нравственныхъ мотивахъ его дѣятелей. Они стали заявлять о томъ, что, не признавая террористическаго способа борьбы, они, однако, „*понимаютъ*“ его и глубоко „*уважаютъ*“ террористовъ, жертвующихъ своей жизнью. Въ тоже время эти противники террора не щадили своихъ ударовъ для тѣхъ, кто „говорилъ“ о террорѣ, забывая то обстоятельство, что прежде чѣмъ кто-нибудь изъ террористовъ получалъ право на ихъ „*уваженіе*“, онъ долженъ былъ иногда долго „говорить“ о террорѣ, т. е. подвергаться всѣмъ ихъ анаомамъ. Дѣйствительно, тѣ изъ террористовъ, кто потомъ сдѣлался въ глазахъ своихъ противниковъ героями, обыкновенно систематически поливались помоями своими будущими поклонниками до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось, несмотря на всѣ противодѣйствія, осуществить поставленные задачи.

Въ этихъ нападкахъ на террористовъ была еще одна очень тяжелая сторона.

Оставляя терроръ исключительно на личную отвѣтственность непосредственныхъ исполнителей, антитеррористы (сознательно или безсознательно, это другой вопросъ) *пресорьинали въ отрицательномъ смыслѣ* отвѣтъ на вопросъ: будетъ или не будетъ терроръ?—потому что *безъ организаціи, безъ поддержки и одобренія* окружающей атмосферы, осуществленіе террористической борьбы въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ — было *фактомъ невозможнымъ*, какъ невозможно оно и въ настоящее время.

Начиная съ 1878 года террористическіе удары одинъ за другимъ наносились правительству, и скоро превратились въ систематическую террористическую борьбу.

Среди революціонеровъ оставались, однако, и такіе, которые продолжали говорить противъ террора, о его безрезультатности,

и даже вредъ, но съ этого времени ряды убѣжденныхъ защитниковъ террора стали быстро рости. Лизогубъ, Осипскій, Сентянинъ, Кибальчичъ, Морозовъ и многіе другіе поняли значеніе новаго средства борьбы съ правительствомъ, намѣтили себѣ опредѣленныя цѣли и пошли къ нимъ, не обращая вниманія на всякаго рода окрики, на подбрасываніе имъ подъ ноги полѣньевъ, на колебаніе своихъ менѣе рѣшительныхъ товарищей.

Они блестяще достигли своихъ цѣлей,—и въ ихъ дѣятельности ихъ пресмники найдутъ указанія для себя.

Правительственныя репрессіи послѣ 2-го апрѣля 1879 года ободрили противниковъ террора, и они съ удвоенной энергіей заговорили объ его вредѣ для революціоннаго дѣла. Выстрѣлъ Соловьева въ то же время, однако, придалъ еще большую энергію защитникамъ террора.

До этого времени терроръ защищали въ литературѣ (въ брошюрѣ „*Смерть за смерть*“ и въ „*Земля и Воля*“) только какъ средство самозащиты; послѣ же 2-го апрѣля „*Истокъ Земли и Воли*“ выступилъ съ защитой террора, какъ средства политической борьбы.

Въ іюнѣ на съѣздахъ въ Лицевкѣ и Воронежѣ, а потомъ въ августѣ въ Петербургѣ Желябовъ, Ал. Михайловъ, Ширяевъ и ихъ друзья явились рѣшительными и энергичными защитниками террора.

26 августа 1879 года Исполнительный Комитетъ постановилъ казнить Александра II въ отвѣтъ на казни революціонеровъ.

При выполненіи этой задачи народовольцы проявили удивительную энергію и практичность. Они понимали, что терроръ не могъ быть результатомъ усилій отдѣльныхъ личностей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ аффекта. Террористическая борьба требовала сложной организаціонной подготовительной работы, т. е. переговоровъ, переписки, сношеній, разчета и выжиданія. Такой характеръ и носила террористическая борьба Народной Воли. Впрочемъ, была ли иной террористическая борьба и раньше — до Народной Воли? Пусть на этотъ вопросъ попробуютъ отвѣтить себѣ тѣ, кто утверждаетъ, что „*терроръ ослѣпляетъ, но о террорѣ не говорятъ*“, — мы же напомнимъ читателямъ, что дѣла Мезенцева и Кропоткина требовали совмѣстныхъ усилій десятковъ лицъ, большихъ средствъ, сложныхъ организацій и, слѣдовательно, большихъ „*разговоровъ*“.

Съ сентября 1879 г. Гартманъ и Перовская начали рыть подкогъ подъ московско-курской желѣзной дорогой, Желябовъ и Якимовъ — подъ Александровскомъ, Фоменко и Т. Лебедева постушили стрѣлочниками на желѣзную дорогу подъ Одессой, а Халтуринъ — столяромъ въ Зимній Дворецъ и оттуда ходилъ на свиданія съ Квятковскимъ и Желябовымъ, конечно, не для передачи дворцовыхъ новостей.

Подъ Александровскомъ была неудача, подъ Москвой 19 ноября

— тоже, но это была такая неудача, которая должна быть отмечена въ русской исторіи, какъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ датъ. „Неудачный“ взрывъ Зимняго Дворца 5 февраля открывалъ новую эру русской исторіи.

Уступки правительства были нерѣшительны. Исполнительный Комитетъ продолжалъ начатую борьбу съ Александромъ II. Весной 1880 г. Перовская и Саблинъ устраиваютъ подкопъ въ Одессѣ, лѣтомъ въ Петербургѣ Желябовъ, Бранниковъ, Исаевъ закладываютъ семь нудовъ динамита подъ Каменнымъ мостомъ, тамъ же Грачевскій, Франкэли, Песевъ устраиваютъ нѣсколько динамитныхъ мастерскихъ, съ января 1881 г. Богдановичъ, Якимовъ роютъ подкопъ подъ Малой Садовой, наконецъ, Желябовъ „кликнулъ кличъ“, и началось приготовленіе къ 1-му марта.

Народовольческая литература создавала апологію дѣятельности Желябовыхъ. Журналъ Народной Воли, ея листки и прокламаціи были написаны такимъ языкомъ, что мы не советуемъ теперь перечитывать эти изданія тѣмъ читателямъ „Народовольца“, которые остались недовольными „черезчуръ“, по ихъ мнѣнію, рѣзкой постановкой вопроса и хотѣли бы видѣть народовольческую программу, изложенную эзоповскимъ языкомъ „примѣнительно къ обстоятельствамъ“, по выраженію Щедрина. Прокуроръ Муравьевъ, высказывая въ своей рѣчи на процессѣ червонепредѣльцевъ предпочтеніе ихъ газетъ передъ литературнымъ органомъ Народной Воли, сказалъ, что отъ листовъ „Народной Воли“ пахнетъ „кровью и динамитомъ“.

Насъ упрекаютъ, что мы въ 1 № „Народовольца“ ошибочно характеризовали партію Народной Воли, подчеркивая ея террористическій характеръ. Странный упрекъ! Мы только что перечислили и при томъ далеко не все эпизоды народовольческой борьбы въ періодъ 1879-1881 г.г. Борьба эта потребовала огромной затраты энергій, и только благодаря такому характеру борьбы Народная Воля вошла въ исторію и оставила въ русской жизни такой яркій слѣдъ. Неужели же послѣ этого можно говорить о томъ, что террористическая борьба не была одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ въ дѣятельности партіи Народной Воли?

Были, конечно, у нѣкоторыхъ народовольцевъ мечты о захватѣ власти, положившія не мало энергій, а въ 1881 г. даже погубившія результаты всей предыдущей дѣятельности Народной Воли. Но развѣ *это* составляло силу Народной Воли?

Народовольцы много занимались социалистической пропагандой среди рабочихъ, ихъ организаціей, устройствомъ стачекъ, создавали подпольную литературу, организовывали молодежь и т. д., но слава Народной Воли, ея мѣсто въ исторіи обуславливается, конечно, не этимъ, а ея террористической борьбой, и, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ странно говорить, что Народная Воля занималась терроромъ только „между прочимъ“.

Заграницей защита террора велась въ тѣ годы также энергично,

какъ и въ самой Россіи. На ряду съ издававшимся еще „Пабломъ“, появлялись и такія брошюры, какъ „Террористическая борьба“ Морозова. Иностранныя газеты, въ родѣ „L'intransigeant“ Ронфора, создавали апогеозъ народовольцамъ, Марксъ привѣтствовалъ Народную Волю, какъ авангардъ европейскаго революціоннаго движенія.

Но являясь такими защитниками террора и въ теоріи и на практикѣ, народовольцы смотрѣли на него, какъ на средство *временное*, обусловленное *исключительно* правительственными гоненіями. Народовольцы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда возможно будетъ оставить приготовленіе и бросаніе бомбъ, стѣженіе, рытье подконовъ и т. д. и построить всю свою дѣятельность на свободѣ слова, печати и широкой агитаціи. Это было заветной думой народовольцевъ во время апогея ихъ вліянія. Объ этомъ говорили на судѣ Кибальничъ и Желябовъ, а позднѣе Сухановъ, Корба и др. То же отношеніе къ террору мы встрѣчаемъ въ такихъ официальныхъ народовольческихъ документахъ, какъ письмо Неподинительнаго Комитета къ Александру III.

Аналогичное отношеніе къ террору мы находимъ и у Степняка, который, будучи за границей даже тогда, когда не былъ официально связанъ съ партіей Народной Воли, всегда являлся ея горячимъ защитникомъ.

„Я принадлежу“, — писалъ, напр., Степнякъ въ 1887 г. въ редакцію „Самодурнишенія“ — „къ разряду болѣе мирныхъ „постепеновцевъ“ въ вопросѣ собственно переустройства политическаго строя. Я очень желаю бы, чтобы это произошло возможно мирно и, съ своей стороны, всегда бы одобрялъ принятіе мирныхъ условій со стороны преобладающей власти, если только эти условія заключаютъ въ себѣ отреченіе отъ самодержавной власти и народное представительство, хотя бы и плохое, но имѣющее право на самоуправленіе посредствомъ легальной агитаціи и выборовъ. Но на такую уступку народомъ никакисъ не пойдетъ, а потому, практически, надлежитъ на политическій терроръ и политическіе военные акционы, если оныя будутъ возможны, — вообще на насильственные дѣйствія“.

Подъ такимъ заявленіемъ, какъ намъ кажется, должны подписаться все, кто дѣйствительно вѣрно понимаетъ, въ чемъ состояла сущность дѣятельности Народной Воли во время ея апогея.

Въ хаосѣ отзывовъ, какіе дошли до насъ по поводу 1-го № „Народовольца“ были, между прочимъ, и упреки въ томъ, что, говоря о необходимости террора, мы, не ограничившись своей формулировкой, привели слова Степняка: „мы революционеры не только до прямого народнаго возстанія, но до вооруженъ заговоровъ, до похищеній во дворцѣ, до бомбъ и динамита“. Намъ кажется, не трудно понять, почему мы ссылаемся именно на Степняка. Его біографія блестящая страница въ исторіи террористическаго движенія. Степнякъ — одинъ изъ самыхъ сильныхъ

и симпатичныхъ революціонеровъ, съ какими намъ приходилось сталкиваться. Его мнѣнія для насъ дороги, и мы очень рады, когда наши отношенія къ извѣстнымъ революціоннымъ вопросамъ совпадаютъ съ его взглядами.

Кромѣ того — мы считаемъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что мы повсе не начинаемъ такого дѣла, котораго до насъ никто не предпринималъ. Мы хотимъ только напомнить старыя хорошія, по „забытыя слова“. Мы стараемся въ прошломъ найти указанія для будущаго и въ прежнихъ дѣятеляхъ — своихъ предшественниковъ, а въ дѣятельности современныхъ революціонеровъ — отмѣтить все, съ чѣмъ мы согласны.

Это мы дѣлаемъ не только ради одной исторической справедливости, — что по нынѣшнимъ временамъ само по себѣ дѣло лишнее, — но и *въ интересахъ современной революціонной борьбы.*

Мы будемъ первыми, кто выскажется за полное прекращеніе террористической борьбы, разъ только правительство честно захочетъ отказаться отъ нынѣшней своей разбойничьей политики. Мы теперь за терроръ не потому, что онъ намъ правится, а единственно потому, что, по нашему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ другихъ средствъ борьбы съ правительствомъ, которыя могли бы безъ помощи террора заставить его пойти на уступки. Когда въ Россіи будетъ возможна честная, увѣренная въ себѣ политика, *независимая ни отъ какихъ Побѣдоносцевъ,* хотя бы такая, какая начиналась подъ давленіемъ революціонеровъ при Лорисъ-Меликовѣ, и будетъ открыто заявлено, съ *достаточными гарантіями,* о наступленіи новой эры для Россіи — эры свободнаго развитія, мы тоже подобно Степняку, „одобримъ принятіе мирныхъ условій“, и будемъ тогда противъ террора такъ же, какъ мы и теперь противъ него въ свободныхъ странахъ.

Мы считаемъ необходимыми условіями усѣбной политической борьбы: свободу печати, сходовъ, личности. При наличности этихъ условій мы *и безъ террора* дойдемъ до всѣхъ своихъ заветныхъ идеаловъ.

Рѣшеніе вопроса о томъ, нуженъ или не нуженъ терроръ въ Россіи, зависитъ не отъ революціонеровъ, а отъ Николая и Побѣдоносцевыхъ. Судя по тому, что мы видѣли за первые семь лѣтъ царствованія Николая, русская исторія въ недалекомъ будущемъ должна, повидимому, повториться. Положеніе дѣлъ въ Россіи напоминаетъ то, какимъ оно было въ 1879 году, и современнымъ революціонерамъ необходимо изучить сильныя и слабыя стороны дѣятельности народовольцевъ 1879 года, чтобы избѣжать ошибокъ, которыя не позволили имъ потомъ воспользоваться результатами такъ блестяще пачатой борьбы.

Если будетъ создана необходимая атмосфера среди революціонеровъ и общества, *ничто* не помѣшаетъ возникновенію такой террористической борьбы, какая была въ 1879 году и даже въ большихъ размѣрахъ. Одна половина этой задачи съ излишней

роскошью выполнена уже Николаемъ II, о второй должны позаботиться сами революціонеры.

Толки о террорѣ, вызванныя появленіемъ перваго номера нашего журнала, показали намъ, что вопросъ этотъ запутанъ болѣе чѣмъ можно было бы ожидать. Необходимо разобраться въ ошибочныхъ и предвзятыхъ взглядахъ и поскорѣе отдѣлаться отъ путъ, которые сковываютъ революціонную мысль. Указать на одинъ изъ такихъ предвзятыхъ взглядовъ относительно террора, такъ охотно культивируемый революціонерами и quasi-революционерами, и составляло задачу настоящей статьи.

Можетъ быть, намъ скажутъ, что иные господа излишне часто и много говорятъ о террорѣ, но сами не только никогда не принимали личнаго въ немъ участія, но ничего не дѣлаютъ и ничего никогда не сдѣлаютъ для его возникновенія. Подобнаго рода болтуны, конечно, существуютъ и во всѣхъ другихъ теченіяхъ.

Мы отстаиваемъ право не вообще „разговоровъ“ о террорѣ, но лишь тѣхъ разговоровъ, за которыми кроются *опредѣленные убѣжденія* и нескрепная *рѣшимость* по мѣрѣ силъ быть полезнымъ террористическому движенію, и, по нашему мнѣнію, большую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые изъ силъ выбиваются, стараясь доказать, что терроръ, пожалуй, и можно дѣлать, но „говорить“ о немъ нельзя.

ЗА ТЕРРОРЪ.

(Изъ № 3 „Народовольца“.)

Въ первыхъ двухъ номерахъ „Народовольца“ мы старались обратить особое вниманіе современныхъ революціонеровъ на вопросъ о политическомъ террорѣ и съ своей стороны высказались опредѣленно о цѣлесообразности и возможности въ настоящее время этого средства борьбы съ русскимъ правительствомъ.

Мы очень рады, что поднятый нами вопросъ обратилъ на себя теперь общее вниманіе и вызвалъ многочисленные споры. Если результатомъ пересмотра вопроса о террорѣ будетъ болѣе правильное отношеніе къ нему со стороны русскихъ революціонеровъ, чѣмъ какимъ оно было до сихъ поръ, то можно будетъ сказать, что одно изъ главныхъ условій возрожденія революціоннаго движенія будетъ налицо.

Тѣмъ, кто оказался солидарнымъ съ нами по вопросу о террорѣ, мы шлемъ свой товарищескій привѣтъ и будемъ ихъ звать упорно работать надъ осуществленіемъ нашей программы. Если мы проявимъ солидарность между собою и въ то же время достаточно энергіи въ борьбѣ, мы, что-бы ни говорили и ни дѣлали наши враги и оппоненты, сможемъ скоро реализовать планы и на дѣлѣ показать практичность нашихъ способовъ борьбы.

Но намъ пришлось выслушать не мало и возраженій противъ террора. Правда, эти возраженія были мало серьезны и основаны или на нехарактерныхъ фактахъ изъ прошлой революціонной исторіи, или же на папыхъ соображеніяхъ, являющихся результатомъ простыхъ недоразумѣній. Серьезной критики, основанной хотя бы на сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія фактахъ, мы ни разу не встрѣтили, хотя передъ нами грома писемъ *за* и *противъ* террора, и мы имѣемъ достаточно точныя свѣдѣнія о характерѣ споровъ о террорѣ, возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ послѣ выхода „Народовольца“. Противъ террора — болѣе всего предразсудковъ и нелѣпыхъ страховъ, противъ него — унадокъ энергіи среди революціонеровъ, шкурный вопросъ, боязнь смѣлыхъ шаговъ впередъ, понизившійся уровень революціонной мысли и всего склада жизни, противъ него — узкое реакціонное доктринерство, пустившее глубокіе корни среди революціонеровъ подъ заманчивымъ знаменемъ „научности“.

Литературная критика подобныхъ возраженій противъ террора, надѣемся, положитъ скоро конецъ этому печальному положенію дѣлъ, и знамя Народной Воли соберетъ около себя отзывчивыхъ, энергичныхъ дѣателей, которые не замедлятъ отъ слова перейти къ дѣлу и потомъ своимъ примѣромъ увлекутъ другихъ, менѣе рѣшительныхъ.

Въ настоящемъ номерѣ „Народовольца“ мы хотимъ обратить-

ся къ нѣкоторымъ изъ нашихъ оппонентовъ, въ которыхъ мы отказываемся видѣть своихъ принципиальныхъ противниковъ и всю ихъ оппозицію объясняемъ недоразумѣніями или неотносящимися къ дѣлу обстоятельствами. Во имя всей серьезности дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, мы будемъ звать ихъ откпнуть въ сторону личности и предвзятыхъ мнѣній, устранить обстоятельства, постороннія для поднятаго вопроса, и дать отвѣтъ по существу вопроса. Пусть они не ограничиваются неопредѣленными отвѣтами, ни къ чему ихъ не обязывающими, пусть не ждуть, откуда вѣтеръ подуетъ, а прямо безъ противорѣчій выскажутъ свое мнѣніе по вопросу, что дѣлать?

Въ 40 № „*Детуринскъ Листковъ*“ мы нашли о „*Народовольцѣ*“ замѣтку Н. Ч., озаглавленную „*Терроръ безъ террористовъ*“.

Мы очень жалѣемъ, что авторъ замѣтки не отнесся къ вопросу съ должной серьезностью. Мы не будемъ слѣдить за всѣми его противорѣчіями самому себѣ и, не ставя ему всякое лыко въ строкъ, отмѣтимъ лишь существенное въ его взглядахъ.

„До тѣхъ поръ, пока самодержавіе“, говоритъ г. Н. Ч.: „цѣпляется бурей въ Россіи за народное невольжество и совершаетъ ежедневныя и ежечасныя насилія не только надъ отдельными личностями, но и надъ цѣлой націей, — террористическому принципу въ ней всегда будетъ мѣсто, въ критическіе моменты онъ всегда будетъ сознательнымъ возможнымъ революціоннымъ оружіемъ“.

Пусть г. Н. Ч. не боится своихъ собственныхъ словъ, и скажетъ: за или противъ террора онъ теперь, когда правительство Николая II (этого факта никто не будетъ отрицать) „цѣпляется за народное невольжество и совершаетъ ежечасныя насилія“ и пр.? Если же Н. Ч. кромѣ того не думаетъ, что царствованію Николая II не будетъ конца, и что „критическій моментъ“ въ русской жизни не за горами (въ чемъ мы и очень многіе съ нами вполне убѣждены), то не считаетъ ли онъ весьма вѣроятнымъ, что скоро политическій терроръ будетъ главнымъ, если не „сознательнымъ возможнымъ революціоннымъ оружіемъ“?

Далѣе. Совершенно справедливо подтвержденіе этихъ своихъ взглядовъ Н. Ч. находятъ въ прошломъ революціоннаго движенія:

„Вся революціонная теченія въ Россіи, по крайней мѣрѣ начиная съ 60-хъ годовъ, въ концѣ концовъ, фатально приводилась къ террористическимъ попыткамъ въ той или иной формѣ. Каратковцы, Печенегы (а потомъ и Долгоруковы) и, наконецъ, все движеніе 70-хъ годовъ, чѣмъ бы они ни начинались, какъ бы далеки ни были въ теоріи отъ борьбы à outrance съ самодержавіемъ — оно всегда, рано или поздно, вызывало насъ на генеральное сраженіе“.

Здѣсь мы сдѣлаемъ два возраженія. Во первыхъ, далеко не все пришли къ идѣ террористической борьбы, да и многіе изъ тѣхъ,

кто въ концѣ концовъ, послѣ оппозиціи и разнаго рода противо-
дѣйствій, примкнулъ къ террористическому движенію (правда —
къ его шапочному разбору), остался бы, навѣрное, противниками
террора, если бы террористы не могли безъ нихъ и помимо нихъ
поставить должнымъ образомъ свою борьбу, а, во вторыхъ, со-
всѣмъ не безразлично для насъ „рано“ или „поздно“ начинается
борьба, и невѣрна также и другая апалогичная мысль г. Н. Ч.,
что чѣмъ долѣ революціонеры не будутъ приниматься за тер-
роръ, тѣмъ шансы на успѣхъ будутъ больше! По такой логикѣ
революціонеры напрасно поторопились съ терроромъ и не остави-
ли его до второго пришествія.

Приведемъ еще одну выдержку изъ статьи Н. Ч.

„Все движеніе 70-хъ годовъ (включая социалистовъ-народниковъ,
земельщиковъ и народо-волежцевъ)“, говоритъ Н. Ч.: „приходило къ
терроризму путемъ широкаго 10-ти, если не 20-ти лѣтняго опы-
та и цѣлаго ряда попытокъ идейной пропаганды и организацій
положительнаго характера, движимое той волею энтузіазма,
которая охватывала тогда весь лучшій интеллигентный слой все-
го русскаго народа. Неудивительно поэтому, что оно въ концѣ
концовъ могло охватывать рядъ не только нравственныхъ, но и по-
литическихъ побѣдъ надъ самодержавіемъ, хотя и не было въ со-
стояніи совершить формальной революціи. Кроме говоря, особен-
ностью заключительнаго акта движенія 70-хъ годовъ навсегда оста-
нется, что Народная Воля, какъ и все глубокое и серьезное въ
жизни народовъ, выросла вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ, съ его идеа-
лами, его методами.... Мы несколько не удивимся, если нарожда-
ющееся въ послѣдніе годы въ Россіи движеніе, разросшись въ еще
болѣе широкую и глубокую народную волю, чѣмъ въ 70-хъ годахъ,
въ концѣ концовъ, также будетъ принуждено взяться за террорис-
тическое оружіе“.

Такимъ образомъ, г. Н. Ч. не только теоретически оправдыва-
етъ террористическую борьбу въ Россіи и находитъ ее въ крити-
ческіе моменты „единственнымъ возможнымъ революціоннымъ ору-
жіемъ“, но считаетъ цѣлесообразной и предыдущую практику
террора.

Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, заключается принципиальная
разница его взглядовъ съ тѣми, которые были высказаны въ „На-
родо-волежцѣ“ и что могло бы объяснить его отрицательное отноше-
ніе къ современнымъ террористическимъ программамъ? Частныхъ
разногласій, конечно, можетъ быть очень много между всѣми на-
ми, признающими вообще важное значеніе за терроромъ, но они
одни не дадутъ отвѣта на поставленный вопросъ. Отвѣтъ надо
искать, думается намъ, въ непоследовательности г. Н. Ч. и въ его
боязни дѣлать все логическіе выводы изъ высказываемыхъ имъ
подчасъ очень вѣрныхъ мыслей. Этотъ его недостатокъ присущъ

очень и очень многимъ другимъ, благодаря чему мы наблюдаемъ за послѣдніе годы страстное и въ то же время глубоко грустное и вредное явленіе: *тѣ революціонеры, которые меньше всего могутъ считаться противниками террора, являются однимъ изъ главныхъ препятствій для его возникновенія.*

Самъ Н. Ч. считаетъ, очевидно, нужнымъ объяснить, почему онъ снимаетъ шапку и предъ прошлымъ и предъ будущимъ терроромъ, и отказывается въ этомъ только террору, который могъ бы возникнуть въ настоящее время. Въ его объясненіяхъ все сподается къ тому, „съ какимъ баижемъ“ революціонеры начинаютъ терроръ, т. е. къ условіямъ времени и мѣста и имѣющимся въ наличности силамъ. Тутъ споръ съ г. Н. Ч. *въ печати* затруднителенъ, но ошибочность его взглядовъ не можетъ подлежать сомнѣнію и объясняется лишь тѣмъ, что онъ плохо осведомленъ о положеніи революціонныхъ дѣлъ. Если въ 1878 г., когда еще не было ни одного проявленія политическаго террора (исключая немногихъ убійствъ иніоновъ), и лишь велась споры въ литературѣ и въ ея о необходимости террористической борьбы (см. статью: „Правда ли, что терроръ окупается, но о террорѣ не говорятъ?“) было достаточно „инимой пропаганды“ и „организаций имажительнаго характера“ для того, чтобы въ наличности оказались Осинскіе, Кравчинскіе, Лизогубы, Сентянины, Пошко и ихъ друзья и они смогли бы съ карьера начать свою систематическую террористическую борьбу съ правительствомъ, то еще лучшая почва для возникновенія террора, безъ сомнѣнія, существуетъ теперь, но, конечно, подъ однимъ условіемъ: чтобы среди революціонеровъ прекратилось царепоклонство скептиковъ и центристовъ, боящихся дѣлать практическіе выводы изъ своихъ теоретическихъ взглядовъ.

Кто имѣетъ ясное представленіе о томъ, сколько энергій затрачивалось въ 80-хъ и 90-хъ годахъ революціонерами на тайныя типографіи, на пропаганду, на организаціи, кто наблюдалъ, на какое самопожертвованіе, на какую борьбу способны были революціонеры этихъ двухъ десятилѣтій, когда они попадали въ тюрьмы, кто сталкивался на волѣ съ народовольцами въ родѣ: Ульянова, Стенурина, Муханова, Осипанова, Когана-Бернштейна и т. д., а такихъ были сотни, тотъ не будетъ говорить о тогдашнемъ революціонномъ безвременьи и объяснить отсутствіе грозной террористической борьбы не недостаткомъ силъ нужныхъ для нея, а тѣмъ, что съ одной стороны революціонерамъ жить не было отъ скептиковъ, усталыхъ людей, разнаго рода Обломовыхъ и гамлетизированныхъ поросятъ, которые заражали атмосферу и мертвили ее, и, съ другой стороны, тѣмъ, что усилія революціонеровъ не были направлены въ должную сторону.

Во всякомъ же случаѣ, если наши противники сведутъ споръ о террорѣ къ оцѣнкѣ силъ, имѣющихся для борьбы, то это упро-

щаетъ наши разногласія: когда факты докажутъ имъ ошибочность ихъ свѣдѣній, они сами придутъ, хотя и въ 12 часу, поклониться тому, что они теперь скигаютъ. Пока же они, вѣроятно, будутъ держаться тактики англійскихъ консерваторовъ: „*упирайся пока можно, — уступай, когда должно*“.

Отчасти благодаря хаотичности всего вообще, что говорилось противъ насъ, отчасти сознательно въ литературѣ и внѣ ея были сдѣланы противъ нашей постановки вопроса о террорѣ такія возраженія, для которыхъ мы не подавали ни малѣйшаго повода.

„*Народная Воля*“, говоритъ, напр.: г. Н. Ч., „выросли вместе со своимъ въкомъ, съ его посадами, съ его методами, а не были сфабрикованы, какъ это теперь представляется (?) обличью“ (т. е. „Народовольцевъ“?). Далѣе, по его же словамъ, если въ Россіи и возникнетъ террористическое движеніе, то это будетъ сдѣлано „*неосознанно*“, произведено изъ-за границъ (тутъ, конечно, кивокъ опять по нашему адресу), а не сознательно и неизбежно (?) россійско-русскими революціонными организаціями“. Противъ и устройство „*террористическихъ организаций изъ-за границъ*“ Н. Ч. считаетъ „*просто не допустимымъ*“. Въ томъ же духѣ мы получили нѣсколько дружескихъ писемъ, въ которыхъ съ простотою частной переписки ставятся точки надъ всѣми і и насъ убѣждаютъ въ томъ, что „*нельзя границъ устраивать террористическа покушенія цѣлой группой не только не такъ*“, что „*терроръ можно создать только съ самаго Россіи*“ и т. д. Невольно хочется спросить и г. Н. Ч. и автора цитируемыхъ писемъ:

„Съ кого они портреты выпишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышать?“

„*Народоволецъ*“ имѣлъ задачей, какъ литературный органъ, высказаться по извѣстнымъ вопросамъ, убѣдить читателей въ одномъ, разубѣдить въ другомъ, отбѣлить противникамъ, ободрить товарищей и т. п. Для удобства обсужденія поставленныхъ вопросовъ, мы выступили пока только на чисто литературной почвѣ, какъ представители извѣстнаго теченія и не выставили на „*Народовольца*“ ни одного изъ обычныхъ подзаголовковъ — „*органъ кружка*“, „*партіи*“ или „*союза*“. Намъ и въ голову не приходило смотрѣть на наше литературное предпріятіе, какъ на воплощеніе всего общенародовольческаго движенія, и „*Народоволецъ*“ для насъ не является департаментомъ, изъ котораго неходятъ явные или тайные указы „по внутреннему намъ краю“. Мы обращались ко всѣмъ революціонерамъ, до которыхъ могъ дойти нашъ органъ, съ горячимъ, товарищескимъ совѣтомъ дать своей дѣятельности новое направленіе и мы прежде всего хотѣли, чтобы нашъ голосъ былъ слышанъ товарищами въ Россіи, чтобы революціонныя организаціи приняли „*сознательно*“ и твердое „*рѣшеніе*“ идти по тому пути, по которому шли наши знаменосцы — Желябовы, Перовскія, Халтурины. Мы не предлагаемъ изъ-за границы „*фабри-*

кованій“ народовольческіе заговоры, какъ это, въ погонѣ за ядовитостію, говоритъ г. Н. Ч., а хотимъ именно сознательной и честной переработки программы дѣйствія революціонеровъ въ Россіи, стремимся къ проведенію нашихъ идеаловъ въ жизнь, т. е. къ тому же, къ чему стремятся все пишущіе въ Россіи или за границей, къ какой бы партіи они не принадлежали, и нападки на насъ г. Н. Ч. такъ же странны, какъ были бы странны, напр., нападки на „*Тетивіе Листки*“ и „*Работникъ*“ за „*фабрикацію*“ ими пзъ-за границы стачекъ и земскихъ протестовъ.

Говорить все, что мы говоримъ о террорѣ, — наше неотъемлемое право, право убѣжденныхъ людей. Мы будемъ очень рады, если наше мнѣніе прямо и честно высказанное, упадетъ въ душу кому нибудь изъ дѣйствующихъ въ Россіи революціонеровъ, и они докажутъ это своей дѣятельностью.

Если наша пропаганда — недозволительное „*наусъживаніе*“, то какъ г. Н. Ч. назоветъ брошюру Степняка, гдѣ онъ, рекомендуя революціонерамъ въ Россіи свою программу дѣйствія въ противобѣсъ другимъ программамъ, говоритъ: „мы — революціонеры не только до прямого народнаго возстанія, но до военныхъ заговоровъ, до ночныхъ вторженій во дворцы, до бомбъ и динамита“? Какъ объяснить г. Н. Ч. приведенныя выше цитаты изъ его собственной статьи?—вѣдь не тѣмъ же, что онъ не имѣлъ въ виду доставить торжество *этимъ* своимъ взглядамъ, а писалъ свою статью лишь для препровожденія времени?

Странны все эти разговоры объ *организации и выполненіи* террористической борьбы по поводу литературнаго предпріятія, даже не затрагиваго этихъ вопросовъ.

Мы, по разнымъ соображеніямъ, пока и не касались въ „*Народовольцѣ*“ организаціонныхъ вопросовъ. Но разъ зашла объ этомъ рѣчь, то скажемъ два слова.

Организація и выполненіе террористической борьбы всегда были и всегда будутъ дѣломъ революціонеровъ, живущихъ въ Россіи и „*устройствомъ террористическихъ заговоровъ*“ эмигранты будутъ заниматься лишь въ томъ случаѣ, когда они очутятся въ Россіи въ рядахъ мѣстныхъ, русскихъ организацій. Такъ это и дѣлали Ковальскіе, Морозовы, Лизогубы, Цоцко и др. Если же террористическая партія въ то же время будетъ имѣть среди эмигрантовъ *своихъ* людей, солидарныхъ съ ней, защищающихъ ея дѣло въ литературѣ и внѣ ея, живущихъ ея интересами, систематически помогающихъ ей всемъ, чѣмъ смогутъ, — отъ этого дѣло террористической партіи только будетъ выигрывать, какъ выигрываютъ дѣла другихъ партій и теченій отъ поддержки солидарной съ ними эмиграціи.

Въ самомъ дѣлѣ, почему живущіе за границей имѣютъ право въ своей и иностранной литературѣ защищать рабочія стачки, протесты земцевъ, посылать изъ-за границы деньги на развитіе тайной литературы въ Россіи, на устройство стачекъ, на побѣги,

почему они могутъ доставлять паспорта и свѣдѣнія для убѣгающихъ отъ ареста послѣ взятія типографіи, отчего изъ Женевы и Лондона можно сводить пропагандистовъ въ Россіи съ нужными и могущими быть полезными для нихъ лицами, почему можно подѣлиться своими свѣдѣніями и совѣтами, *какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ* устроить типографію, стачку, демонстраціи по тому или другому поводу,—и почему въ то самое время нельзя того же дѣлать и по отношенію къ террористической партіи людямъ, вѣрующимъ въ правоту и практичность ея дѣятельности также, какъ вѣрятъ соціалъ-демократы и толстовцы—въ правоту своей дѣятельности.

По нашему мнѣнію, это не только можно, но это *должно* дѣлать, и притомъ дѣлать не между прочимъ, а *систематически*, по обращая никакого вниманія на крики тѣхъ, кто, безсознательно вторя прямымъ врагамъ революціонеровъ, дѣлаютъ все, чтобы уединить террористическое движеніе отъ помощи со стороны.

Въ предыдущихъ номерахъ „*Народовольца*“ мы уже указывали на примѣры Ковальскихъ, Морозовыхъ, Гинебургъ и др., которые, будучи заграницей, работали и въ литературѣ и въ ея надѣ тѣмъ, чтобы доставить торжество идеѣ борьбы съ правительствомъ путемъ террора и старались приблизить время ея осуществленія въ жизни. Кто тотъ смѣльчакъ, который броситъ въ этихъ нашихъ героевъ камнемъ за ихъ „*наусѣкаваніе*“ изъ-за границы къ террористической борьбѣ? Пока этихъ голосовъ мы не слышали и съ нетерпѣніемъ ждемъ, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ строгихъ прокуроровъ, наконецъ, пересталъ ограничиваться бросаніемъ мимоходомъ своихъ замѣчаній, а явился бы съ полнымъ обвинительнымъ актомъ, мы бы тогда обстоятельно оцѣнили и его логику и фактическую сторону его аргументаціи.

Г-нъ Н. Ч. всю свою статью одобрилъ язвительными остротами на нашъ счетъ, какъ бы приглашая тѣмъ и насъ вступить на эту же почву, но мы пока постараемся воздержаться отъ этого рода полемики. Обсужденіе поднятыхъ нами, дѣйствительно серьезныхъ вопросовъ могло бы произойти, по нашему мнѣнію, съ большимъ успѣхомъ на той почвѣ, какую мы установили по отношенію къ „*Летучимъ Листкамъ*“ въ 1 № „*Народовольца*“, а не на той, которую выбрали издатели „*Летучихъ Листковъ*“ въ первомъ же отвѣтѣ намъ (см. 16 стр. 39 № „*Летучихъ Листковъ*“) или, напр., г. Н. Ч. въ разбираемой статьѣ.

Свою статью г. Н. Ч. озаглавилъ: „Терроръ безъ террористовъ“. Извительно-ли это,—не беремся судить, но что въ этомъ заглавіи нѣтъ смысла (развѣ „терроръ“ можетъ быть безъ террористовъ даже въ смыслѣ литературной темы?), и что оно не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ современной русской жизни, — это не подлежитъ сомнѣнію.

Къ такого же рода попыткамъ „уязвить“ „*Народовольца*“ по

что бы то ни стало, хотя бы вопреки фактамъ, относится и обличеніе Степняка г-мъ Н. Ч. въ непослѣдовательности. Ему кажется очень страннымъ, что въ знаменосцы „Народовольца“ мы выбрали Степняка, по этому мы и не дѣлали. Мы говорили (52 стр. 2 № „Народовольца“): „Степнякъ — одинъ изъ самыхъ сильныхъ и симпатичныхъ революціонеровъ, съ какими намъ приходилось сталкиваться. Его мнѣнія для насъ дороги и мы очень рады, когда наше отношеніе къ извѣстнымъ революціоннымъ вопросамъ совпадаетъ съ его взглядами“, и мы привели въ двухъ, трехъ случаяхъ мнѣнія Степняка, съ которыми мы согласны, по отсюда до того, чтобы сдѣлать Степняка знаменосцемъ, очень далеко. Цитаты наши не вырваны изъ его сочиненій безъ отношенія къ общему смыслу высказанныхъ имъ взглядовъ и не перетолкованы нами неправильно. Одна изъ этихъ цитатъ, наиболѣе не правящаяся г. Н. Ч., взята изъ сочиненія, которое появилось въ англійскомъ переводѣ въ годъ смерти Степняка и тогда же отмѣчена была покойнымъ, какъ его profession de foi для напечатанія въ имѣвшемъ скоро выйти одномъ историческомъ сборникѣ. Цитата эта, кетати сказать, вызвала въ свое время грозную филиппику со стороны „Times“, по на это неудовольствіе консервативнаго органа покойный Степнякъ отвѣчалъ лишь улыбкой.

Въ заключеніе пожелаемъ нашимъ оппонентамъ, чтобы они болѣе всего заботились о выясненіи поднятыхъ вопросовъ, менѣе всего увлекались посторонними соображеніями „уязвленія“ тѣхъ, противъ кого они поднимаютъ свой голосъ, и чтобы, при обсужденіи этихъ вопросовъ чрезвычайной важности, они были бы, какъ и подобаетъ истиннымъ революціонерамъ, выше какихъ бы то ни было авторитетовъ или авторитетиковъ, не блѣднѣли бы при мысли не попасть въ тонъ большинства и въ страхѣ не шептали бы:

„Ахъ, боже мой,
„Что станется со мною, когда Марья Алексевна?“

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ РОССИИ.

(Изъ 2 № „Народовольца“.)

Стачки и всякаго рода волненія въ рабочей средѣ, которыя обратили на себя общее вниманіе за послѣдніе годы, не являются чѣмъ-то совершенно новымъ въ русской жизни. Еще въ 70-хъ годахъ революціонеры работали, какъ среди крестьянъ, такъ и среди городскихъ рабочихъ. Изъ воспоминаній Плеханова, Ал. Михайлова мы видимъ, что на *тѣхъ* же петербургскихъ фабрикахъ, на которыхъ происходили стачки въ 1896 и 1897 г.г., онѣ были и въ концѣ 70-хъ г.г. Рабочіе очень часто тогда забастовывали по нѣсколько тысячъ, и ихъ стачки, при поддержкѣ земледельческихъ и народовольческихъ дѣятелей, иногда сопровождалась чисто политическими демонстраціями. „Рабочій“, изданный социаль-демократами въ маѣ 1897 года, признаетъ — и въ данномъ случаѣ онъ вполне правъ —, что первыя фабричныя мѣры 1882 и 1884 г.г. были вызваны именно тогдашними рабочими волненіями и стачками.

Въ настоящее время, когда прошлое революціоннаго движенія въ значительной степени забыто, многіе готовы на рабочее движеніе и стачки смотрѣть, какъ на явленіе совершенно новое. Всю революціонную борьбу они сводятъ на организацію стачекъ и видъ ихъ эти, такъ называемые „*стачечники*“ не видятъ никакихъ другихъ способовъ борьбы съ правительствомъ. Съ ихъ стороны, это не специализація на извѣстной отрасли революціонной дѣятельности (что было бы, конечно, вполне понятно), а простая узость политической мысли, пытающаяся подыскать теоретическія обоснованія для отрицательнаго отношенія къ другимъ родамъ революціонной дѣятельности.

Въ 1896 г. московская центральная группа рабочаго союза сочла нужнымъ обратиться къ членамъ студенческаго объединеннаго землячества, которые готовили демонстрацію въ Москвѣ въ день полугодичнаго воспоминанія объ ужасномъ событіи на Ходынскомъ полѣ, и увѣщевали ихъ заняться пропагандой среди рабочихъ и оставить всякую другого рода дѣятельность.*)

Вотъ что было, между прочимъ, сказано отъ имени рабочаго союза въ прокламаціи подписанной въ первый разъ именемъ „Центральнаго Комитета“:

*) Среди студентовъ, устроившихъ тогда вопреки социаль-демократамъ демонстрацію на Ходынскомъ полѣ, былъ и П. В. Карповичъ.

„Что же дѣлало студенчество за послѣдніе годы? Оно совершенно оторвалось (?) отъ общественной жизни, замкнулось въ узкій кругъ своихъ университетскихъ интересовъ и главной своей задачей поставило безцѣльное (?) объединеніе студенчества. Безцѣльное, повторяемъ, потому что не объединеніе студенчества возможно и необходимо въ настоящее время, а его разъединеніе. Что общаго между студентомъ-соціалистомъ и студентомъ-буржуа? Что общаго между умственнымъ пролетаріемъ и умственной буржуазіей? Студенческія исторіи никогда ни къ чему не приводили. Онѣ лишь вырывали лучшихъ представителей изъ вашей среды. Пусть тѣ, которые тратятъ всѣ силы на безплодную борьбу за студенческіе интересы, отдадутъ хоть часть ихъ на рабочее дѣло. Пусть они смѣло идутъ рука объ руку съ нами въ борьбу. Въдѣ только въ единеніи съ нами они достигнутъ осуществленія своихъ идеаловъ, они добьются и свободы науки, къ которой тщетно стремились до сихъ поръ“.

Въ Кіевѣ соціаль-демократическая группа издала аналогичную прокламацію къ „сознательнымъ рабочимъ“ и убѣждала ихъ не принимать участія въ политическихъ демонстраціяхъ по поводу трагической судьбы М. Вѣтровой, демонстраціяхъ, благодаря которымъ сдѣлалось извѣстнымъ всему міру одно изъ гнуснѣйшихъ преступленій русскаго правительства.

Прокламація, о которой мы говоримъ, помѣщена въ 39 № „*Трущакъ Листковъ*“. Она поражаетъ не только узкой постановкой политической борьбы въ Россіи, но и тѣмъ скептицизмомъ, съ которымъ ея авторы смотрятъ на единственную, по ихъ мнѣнію, политическую силу въ Россіи.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этой прокламаціи :

„Письмо къ кіевскимъ сознательнымъ рабочимъ.“

„Товарищи !

„Сегодня, въ воскресенье 23 марта, можетъ произойти повтореніе тѣхъ студенческихъ волненій, которыя были 18 и 19. Въ виду того, что нѣкоторые рабочіе думаютъ участвовать въ этихъ волненіяхъ и привлечь къ участию своихъ товарищей, мы считаемъ нужнымъ высказаться на этотъ счетъ....

... „Приблизимся-ли мы хоть сколько-нибудь къ побѣдѣ надъ деспотизмомъ тѣмъ, что примемъ участіе въ предполагаемой демонстраціи? Мы убѣждены, что не только не приблизимся, а напротивъ отдалимся. И вотъ почему.

„Предположимъ, что демонстрація будетъ удачна, что въ ней примутъ участіе не какіе-нибудь десятки рабочихъ, а цѣлая мас-

са, сотни и тысячи. Но какая это будетъ масса? Вы, сознательные товарищи, должны хорошо знать эту массу. Думаете ли вы, что сознательный рабочій, съ педовѣріємъ слушающій, когда ему говорятъ о притѣвленіяхъ капиталистовъ, о тѣхъ самыхъ притѣвленіяхъ, которыя казалось бы должны быть ему вполне ясны и понятны, рабочій, не проявляющій подчасъ самаго простаго чувства человѣческаго достоинства, что такой рабочій пойметъ значеніе политической демонстраціи, что онъ сознательно потребуеъ политическихъ правъ? Зачѣмъ ему политическія права? Зачѣмъ ему свобода сходовъ, когда онъ еще и не позналъ необходимости собираться для обсужденія своихъ дѣлъ? Зачѣмъ ему свобода союзовъ, когда онъ и не думаетъ о союзахъ и объединеніи? Только лучшіе рабочіе могутъ въ настоящее время идти сознательно на политическую демонстрацію. *А масса пойметъ трудъ только безсознательно, по минутному увлеченію, по стадному чувству....*

... „Имѣя за собой армію людей неорганизованныхъ, не развитыхъ, не сознающихъ цѣли и смысла своей борьбы, идущихъ по минутному увлеченію — никто не долженъ рѣшаться вступать въ борьбу. Кто поручится, что эта масса не разбѣжится позорно при первомъ залпѣ холостыхъ зарядовъ? Или наоборотъ — кто поручится, что она сумеетъ во-время отступить и не доведетъ дѣла до такого кровопролитія, которое навѣрно не окупится результатами демонстраціи?...

... „Наша рабочіе еще только начинаютъ понимать противоположность своихъ интересовъ и интересовъ капиталистовъ, только начинаютъ усваивать мысль о необходимости борьбы за улучшение своего экономическаго положенія. Гдѣ же имъ понять политическое движеніе? Побуждайте ихъ къ экономической борьбѣ, къ борьбѣ за насущный хлѣбъ, такая борьба имъ понятна, и на ней вы ихъ воспитаете. Пусть они сами почувствуютъ и поймутъ, что правительство мѣшаетъ имъ бороться, тогда они сдѣлаются сознательными сторонниками политической свободы. Пусть они пройдутъ необходимую школу борьбы экономической и тогда зовите ихъ на политическую борьбу....

... „Вносите же больше свѣта въ пока еще темную массу своихъ товарищей, развивайте ихъ сознаніе, поднимайте ихъ умственный и нравственный уровень, и вы приблизите время, когда политическія демонстраціи рабочихъ массъ будутъ имѣть смыслъ и значеніе. Бросая одну революціонную мысль въ массу рабочихъ, вы оказываете большую услугу рабочему движенію, чѣмъ возбуждая среди нихъ десятокъ безтолковыхъ бунтовъ. Во имя уснѣховъ

русского рабочаго движенія, во имя скорѣйшаго сверженія ига самодержавія, мы убѣждаемъ васъ, сознательные товарищи, предотвратить участіе рабочихъ въ предстоящихъ волненіяхъ.“

Соціалъ-демократическая группа „Рабочее Дѣло“.

Если бы авторы кievской прокламаціи были правы въ оцѣнкѣ политическаго развитія рабочихъ массъ, и русскіе рабочіе были бы въ тоже время единственною политическою партіей въ Россіи, то всякія мечты о борьбѣ съ правительствомъ и побѣдѣ надъ нимъ пришлось бы отложить въ долгій ящикъ. Мы, однако, думаемъ, что развитіе рабочихъ и народныхъ массъ съ того времени, какъ интеллигентные дѣятели направляли свои силы на пропаганду среди нихъ, подвинулось далеко. Рабочіе и теперь могутъ играть не маловажную самостоятельную роль въ борьбѣ съ Николаемъ II, а при возникновеніи такого движенія среди революціонеровъ, какое было въ 1880-1881 г.г., рабочіе, если не будутъ къ тому времени сбиты съ толку своими односторонними вожаками, могутъ оказать серьезное вліяніе на исходъ борьбы.

Но не слѣдуетъ однако, какъ это дѣлаютъ иные, преувеличивать политическаго значенія современнаго движенія среди рабочихъ. Г-жа Засудичъ какъ-то печатно заявила, что правительство Николая не меньше боится русскихъ рабочихъ, чѣмъ Вильгельмъ — нѣмецкихъ. Мы — противъ такихъ увлеченій: они заставляютъ людей довольствоваться настоящимъ, и такимъ образомъ мѣшаютъ дать вѣрный отвѣтъ на вопросъ: „что дѣлать?“

Соціалъ-демократы указываютъ на то, какъ правительство въ настоящее время считается съ рабочимъ движеніемъ: оно печатаетъ сообщенія о стачкахъ, Витте съ Побѣдовосцевымъ собираются на совѣщанія, когда начинаются стачки и т. и. Все это справедливо, но это имѣло мѣсто и по отношенію къ студенческимъ движеніямъ. Очевидно, этого рода успѣхами рабочаго движенія довольствоваться нельзя.

Дѣло не въ томъ, чтобы „огорчать“ начальство, а въ томъ, чтобы *разрушить* его. Во время Народной Воли революціонная борьба была такъ вѣрно разсчитана, что не только правительство писало „сообщенія“ или его министры собирались на совѣщанія, но оно часто теряло голову, перемѣняло, благодаря дѣятельности революціонеровъ, Макова на Меликова, Толстого на Сабурова, соглашалось дать конституцію. Вотъ какого рода борьба намъ нужна теперь, и *при такой борьбѣ* нынѣшнія стачки будутъ въ десять разъ и больше, и чаще, и могущественнѣе.

Въ настоящее же время правительство обладаетъ такого рода условіями для борьбы съ рабочими, что создать изъ движенія среди рабочихъ *главный, решающій* факторъ для побѣды надъ современной реакціей, невозможно. Оно будетъ разстрѣливать рабочихъ сотнями, какъ сдѣлало на юзовскомъ заводѣ, будетъ разсылать ихъ тысячами по провинціямъ и засаживать въ тюрьму, всякій разъ

когда ему это будетъ надо. Вотъ почему, мы видѣли кратковременныя стачки рабочихъ, добивавшихся мирнымъ образомъ уменьшенія 12-ти часового рабочаго дня, но не видѣли стачекъ, гдѣ бы проявлялся революціонный элементъ борьбы, хотя на минуту бы смутившій правительство. *Стачки — еще не революція, „стачкисты“ — еще не революціонеры.* Стачки, культурная работа, земскіе протесты, школы грамотности — все это хорошія вещи, потому что все это — движеніе впередъ. Но когда мы говоримъ о революціонной программѣ, то мы отъ нея ждемъ большаго, именно указанія на тѣ революціонныя пути, которыми лучше всего и скорѣе всего въ данное время можно заставить правительство сдаться на капитуляцію. Люди, суть дѣятельности которыхъ сводится только къ борьбѣ стачками, — вовсе не революціонеры, а если и были ими когда-нибудь, то перестали быть таковыми теперь, сами не замѣчая того.

Мы привѣтствуемъ всѣхъ, кто, подъ какими бы то ни было прогрессивными знаменами, работаетъ надъ развитіемъ рабочихъ. Втягивать народную массу въ политическую жизнь — обязанность всякаго, кому дорого дѣло развитія. Этой дѣятельности среди рабочихъ и крестьянъ мы отводимъ большое самостоятельное мѣсто, но не закрываемъ глазъ на необходимость и другихъ революціонныхъ способовъ борьбы съ правительствомъ. Мы будемъ всегда противъ односторонности многихъ современныхъ пропагандистовъ среди рабочихъ, которые всю борьбу съ правительствомъ сводятъ къ одному изъ ея проявленій — къ дѣятельности среди рабочихъ, и будемъ указывать на блестящій примѣръ постановки этого вопроса во времена Народной Воли.

Указывая революціонерамъ на Народную Волю, мы еще разъ скажемъ имъ : „*Симъ побѣдимъ!*“

ПАМЯТИ ГЕРОЯ.

(Изъ 3 № „Народовольца“.)

Во второмъ номерѣ „Народовольца“ мы говорили о пыткахъ надъ политическими заключенными въ испанскихъ и польскихъ тюрьмахъ.

Въ Испаніи нашелся человѣкъ, который цѣной своей жизни отомстилъ за пытки товарищей и въ то же время обратилъ общее вниманіе на одно изъ самыхъ вопіющихъ дѣлъ нашего времени.

Мы не будемъ излагать здѣсь подробностей убійства въ Испаніи президента комитета министровъ Кеноваса и событій, слѣдовавшихъ за этимъ, — они еще свѣжи и въ памяти у всѣхъ. Мы приведемъ только (изъ 93 № „Le Libéraire“) отрывокъ изъ рѣчи на судѣ погибшаго героя, Анжіолило. Въ ней сказался голосъ человѣка смѣлаго, честнаго и отзывчиваго на чужое горе.

Анжіолило сказалъ своимъ судьямъ между прочимъ слѣдующее:
„Господа!“

„Вы видите предъ собой не убійцу, а исполнителя казни.

„Долгіе годы я слѣдилъ за событіями въ Европѣ. Я изучалъ положеніе Испаніи и другихъ странъ, которыя ее окружаютъ: Португаліи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Англіи. Мои занятія и мои симпатіи постоянно меня приводили въ соприкосновеніе съ бѣднымъ рабочимъ людомъ. Всюду я встрѣчалъ страшныя картины нищеты. Всюду я встрѣчалъ одинъ и тѣже слезы. Вездѣ наблюдалъ одинъ и тѣже революціонныя настроенія и надежды.

„Всюду также я убѣждался въ черствости сердецъ богатыхъ и у власти стоящихъ людей и въ ихъ презрѣніи къ людямъ.

„И въ это же время я узналъ, что въ Испаніи, этой классической странѣ инквизиціи, еще не умерли инквизиторы. Я узналъ, что сотни людей, заключенныхъ въ тюрьмѣ, отнынѣ получившей печальную извѣстность, подвергнуты были истязаніямъ. Я узналъ, что противъ нихъ были употреблены всевозможныя средневѣковыя пытки и кромѣ того то, что дала новѣйшая наука. Я узналъ, что пятеро изъ нихъ были убиты, что 70 другихъ осуждены на ужасныя наказанія, а тѣ, виновность которыхъ была доказана, были изгнаны изъ отечества.

„Тогда, господа, я сказалъ себѣ, что такіе ужасы не должны оставаться безъ наказанія. Я сталъ искать тѣхъ, кто отвѣтстве-

ненъ за нихъ. Изъ-за жандармовъ, исполняющихъ роль палачей, офицеровъ, исполняющихъ роль судей, и всѣхъ тѣхъ, кто исполняетъ чужія приказанія. я увидѣлъ того, кто ихъ даетъ.

„Въ глубинѣ своего сердца я почувствовалъ непреодолимое чувство ненависти противъ государственнаго дѣателя, управляющаго посредствомъ террора и пытокъ, противъ министра, посылающаго на бойню тысячи и тысячи солдатъ и раззоряющаго налогами и поборами народъ, который могъ бы быть счастливымъ въ своей чудной, богатой и плодородной странѣ, противъ этого послѣдника Калигулы и Нерона, преемника Торквемады, послѣдователя Стамбулова и Абдула Гаида, противъ этого чудовища — Коноваса, — и я счастливъ и горжусь тѣмъ, что избавилъ отъ него землю.

„Развѣ дурно убить кровожаднаго тигра, который когтями разрываетъ груди и своими челюстями отрываетъ головы людей? Развѣ преступленіе раздавить ядовитую гадину?

„Если принять въ соображеніе совершенныя звѣрства, моя жертва была хуже сотенъ тигровъ и ядовитыхъ гадинъ. Въ ней было олицетворено все самое позорное, что заключается въ религіозномъ изувѣрствѣ, военной жестокости, незаконности суда, тираніи власти и въ алчности владѣющихъ классовъ.

„Я избавилъ отъ этого чудовища Испанію, Европу, весь міръ. Вотъ почему я не убійца, а исполнитель казни“.

Какъ бы кто ни относился къ революціонному теченію, къ которому принадлежалъ Анжіолило, всѣ должны съ чувствомъ глубочайшаго уваженія вспоминать имя этого казиснаго героя, который *„одну свою положилъ за други свои“*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

а) Изъ передовой статьи 1 № „Народоволяца“.

Выяснить истинныя задачи Народной Воли, защитить ихъ противъ нападокъ противниковъ, — такова главная цѣль нашего органа.

Знамя, подъ которымъ мы выступаемъ, не новое знамя, — и призывъ, съ которымъ мы обращаемся къ русскимъ революціонерамъ, тотъ же призывъ, на который въ 1879-1881 г.г. такъ горячо и единодушно отзывалась вся революціонная Россія, когда послѣ Липецкаго съѣзда выступилъ на сцену Исполнительный Комитетъ Народной Воли.

Но своимъ конечнымъ задачамъ — мы социалисты, и въ этомъ отношеніи мы прямо примыкаемъ къ тѣмъ традиціямъ, которыя выработаны рядомъ поколѣній русскихъ революціонеровъ, начиная съ Чернышевскаго и кончая Желябовымъ и Германомъ Лопатинымъ, традиціямъ, которымъ русскіе революціонеры оставались всегда вѣрны, ни на минуту не сомнѣваясь въ ихъ правотѣ, традиціямъ, которыя выработаны социалистическими партіями всѣхъ другихъ странъ.

Нашей ближайшей задачей является — уничтоженіе самодержавія, передача всѣхъ общегосударственныхъ дѣлъ изъ рукъ современной бюрократіи въ руки правильно выбранныхъ народныхъ представителей, федеративное устройство государства, широкое областное и мѣстное самоуправленіе, обезпеченіе за всѣми личными правъ: права слова, печати, свободы личности, національности и т. д.

Въ области экономической мы будемъ защищать и поддерживать все, что приближаетъ насъ къ осуществленію конечнаго социалистическаго идеала.

Для достиженія этихъ цѣлей мы признаемъ всѣ средства, которыя будутъ дѣйствительны для борьбы съ современнымъ русскимъ правительствомъ — отъ самыхъ мирныхъ культурныхъ до рѣзко революціонныхъ, смотря по условіямъ мѣста и времени. Скажемъ словами покойнаго Стенняка: „мы — революціонеры не только во имя прямого народнаго возстанія, но во имя всѣхъ заговоровъ, во имя всѣхъ вторженій во дворецъ, во имя бѣды и динамита“.

Мы будемъ опираться на всѣ слои націи, которые смогутъ принять участіе въ нападеніи на правительство, — начиная съ народа и городскихъ рабочихъ до либеральныхъ слоевъ общества. Мы поддержимъ всякаго рода протесты и борьбу: отъ мѣстныхъ крестьянскихъ движеній и стачекъ рабочихъ до разнаго рода смѣлыхъ нападеній на правительство и его защитниковъ.

Мы будемъ звать всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи къ союзной борьбѣ съ общимъ нашимъ врагомъ — самодержавіемъ. Чѣмъ меньше будетъ междупартизанской борьбы, и наоборотъ, чѣмъ энергичнѣе мы будемъ работать сами и помогать другъ другу, тѣмъ скорѣе мы добьемся своихъ цѣлей.

Нашимъ боевымъ девизомъ будетъ — *возстановленіе партіи Народной Воли*. Съ этимъ призывомъ мы и обращаемся къ дѣйствующимъ въ Россіи революціонерамъ и будемъ горячо убѣждать ихъ возможно рѣшительнѣе, возможно скорѣе вступить на путь, которымъ шли Желябовы, Перовскія, Халтурины и ихъ друзья, и прислушаться къ тѣмъ завѣтамъ, которые они оставили намъ.

Въ ихъ завѣтахъ наша программа.

б) Передовая статья 2-го № „Народоволецъ“.

Какъ за границей, такъ и въ самой Россіи, много разъ среди русскихъ революціонеровъ возникала мысль о необходимости организаціи, охватывающей всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи. Но всѣ попытки въ этомъ направленіи не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и, намъ кажется, идея о такой общей организаціи, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время должна быть оставлена. Объ этомъ, впрочемъ, едва-ли и нужно особенно жалѣть: разнообразіе во взглядахъ на средства борьбы и въ оцѣнкѣ, какъ ближайшихъ, такъ и конечныхъ цѣлей, у различныхъ партій такъ велико, что общая организація была бы лишь препятствіемъ для правильнаго развитія и полнаго выраженія отдѣльных теченій. Если бы, однако, такая организація была тѣмъ не менѣе, наконецъ, создана, то ея существованіе по многимъ причинамъ было бы эфемернымъ.

Но если мало вѣроятно осуществленіе подобной общей организаціи для всѣхъ оппозиціонныхъ теченій, то возможна, желательна и, намъ кажется, вполне осуществима ихъ *союзная дѣятельность*, т. е. такія дѣловыя товарищескія отношенія между различными фракціями, когда не было бы мѣста „нашимъ разногласіямъ“ и однѣ партіи въ глазахъ другихъ были бы не враждебными, а лишь *несогласными*, и соперничали бы другъ съ другомъ только въ лучшемъ служеніи общему дѣлу, когда бы всѣ стояли за каждаго и каждый за всѣхъ, когда бы всякій встрѣчалъ со стороны своего сосѣда не злобу, не желаніе дискредитировать и стереть въ порошокъ „противника“, а усиленную помощь въ начинаніяхъ, и когда бы, наконецъ, не расходились изъ-за второстепенныхъ разногласій дѣятели, близкіе другъ другу по всѣмъ главнымъ вопросамъ.

Такая солидарная товарищеская дѣятельность, однако, не ис-

ключаетъ самаго строгаго критическаго отношенія со стороны одной фракціи ко взглядамъ другой: каждому дороги его взгляды и, пока онъ не разубѣдится въ нихъ, онъ можетъ и долженъ отстаивать ихъ. Ошибочно бояться и избѣгать такого рода честныхъ принципиальныхъ разногласій, и болѣе чѣмъ ошибочно изъ-за нихъ зажимать кому-нибудь ротъ и вводить цензуру въ революціонныя изданія.

Нѣтъ нужды долго объяснять, какую разрушительную роль играютъ въ борьбѣ съ русскимъ деспотизмомъ враждебныя междуфракціонныя отношенія политическихъ партій: ни ошибки отдельныхъ революціонеровъ, ни удачныя происки правительственныхъ агентовъ никогда не были въ силахъ принести и приблизительно столько зла революціонному движенію, какъ взаимная междуфракціонная борьба. Недаромъ, Судейкины, вѣрные своему шпіонскому инстинкту, болѣе всего заботились о раздуваніи разногласій среди политическихъ партій борющихся съ правительствомъ.

Указанная нами болѣзнь, къ сожалѣнію, не мѣстная и не временная. Ей обильную дань отдавали всегда почти все политическія партіи. Мы не будемъ взвѣшивать, когда — теперь или раньше — эти печальныя явленія были острѣе или пагубнѣе. Мы будемъ обращать вниманіе своихъ читателей на подобныя явленія, съ единственной цѣлью вызвать надлежащую ихъ оцѣнку въ нашей революціонной средѣ и клеймить эту братоубійственную борьбу, въ какой бы формѣ она ни выражалась. Если же старые дѣятели не захотятъ разстаться съ этой застарѣлой болѣзью, пусть молодые революціонеры черезъ ихъ головы подадутъ другъ другу руки для солидарной борьбы съ русскимъ деспотизмомъ, борьбы, въ которой не было бы мѣста былымъ „*нашимъ разногласіямъ*“.

Призывая революціонеровъ къ союзной борьбѣ мы не говоримъ о чемъ-нибудь такомъ, чего еще не бывало и что для насъ кажется возможнымъ лишь по теоретическимъ соображеніямъ. За послѣдніе годы, напр., существовала за границей группа революціонеровъ, организовавшаяся и работавшая подъ вліяніемъ покойнаго Стеніяка, которая на страницахъ своего изданія никогда не культивировала своихъ разногласій съ другими партіями, а добрымъ словомъ и товарищескимъ привѣтомъ встрѣчала каждую новую революціонную инициативу и такимъ образомъ въ литературѣ оказала не мало услугъ революціонерамъ „не своего прихода“.

Подобное „стеніяковское“ отношеніе къ другимъ фракціямъ, хотя рѣдко являлось доминирующимъ, однако бывало и раньше. Мы увѣрены, что не мало революціонеровъ, вспоминая какъ свою литературную дѣятельность, такъ и частныя отношенія, могутъ сказать, что они никогда не бросали камнями въ товарищей по революціи, съ которыми расходились по существеннымъ вопросамъ,

никому не подбрасывали подъ ноги полѣнцевъ и, наоборотъ, братски помогали имъ и тогда, когда расходились съ ними по второстепеннымъ вопросамъ.

Въ первомъ номерѣ „*Народоволецъ*“ мы уже коснулись вопроса о союзной борьбѣ революціонныхъ партій съ русскимъ правительствомъ. Намъ замѣтили, что мы, призывая всѣхъ къ союзу, сами въ то же время сдѣлали нѣсколько „нападеній“ на представителей другихъ фракцій. Намъ кажется, что въ этихъ замѣчаніяхъ кроется простое недоразумѣніе.

Съ тѣми, съ кѣмъ мы не согласны, мы спорили. Если же нападки на насъ и сдѣланы „нападенія“, то по совершенно другимъ причинамъ, а не потому, что мы съ ними несогласны по вопросамъ теоріи и практики революціонной борьбы. Мы, напр., не можемъ раздѣлять тѣхъ взглядовъ соціалъ-демократовъ, по которымъ революціонное движеніе въ Россіи должно быть сведено къ одной лишь дѣятельности среди городскихъ рабочихъ, и противъ этого мы возражали, а „нападали“ же на нѣкоторыхъ изъ нихъ за разнаго рода извращенія ими идей другихъ партій, за употребленіе такихъ пріемовъ междофракціонной борьбы, которые дискредитируютъ и ослабляютъ революціонное движеніе, и надѣемся, что въ данномъ случаѣ съ нами вполне согласятся даже тѣ изъ соціалъ-демократовъ, которые способны отрѣшиться отъ кружковщины.

У насъ не будетъ такого Платона, о которомъ мы, во имя ПРАВДЫ, не скажемъ всего, что сочтемъ необходимымъ въ интересахъ революціоннаго дѣла.

Но въ нашихъ междофракціонныхъ отношеніяхъ недостаточно ограничиваться одними отрицательными требованіями, какъ недостаточно было бы ограничивать религіозныя заповѣди одними отрицательными: „не убій“, „не эгоистичность“, „не укради“, не говоря ни слова о положительной и главной заповѣди—о „*любви*“.

Мало не извращать взглядовъ другихъ фракцій, не возводить на нихъ небылицъ, не дискредитировать ихъ дѣятелей. Недѣлать этого—еще не богъ въѣсть какая заслуга, а значить лишь быть свободнымъ отъ очень тяжкихъ обвиненій въ противодѣйствіи дѣлу революціонной борьбы.

Необходимо развить между представителями различныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ фракцій сознаніе ихъ близости другъ къ другу, убѣдить, что съ ихъ стороны будетъ печальнѣйшей ошибкой изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса, изъ-за теоретическихъ разногласій, изъ-за неодинаковой оцѣнки способовъ борьбы съ правительствомъ, смотрѣть другъ на друга, какъ на чуждыхъ людей, и даже какъ на враговъ, по отношенію къ которымъ слѣдуетъ держаться пословицы „à la guerre comme à la guerre“.

Намъ кажется необходимымъ не только бросить междоусобную борьбу, за которую мы уже платились годами застоя революціоннаго движенія и торжествомъ двкой, гнусной реакціи, но, напротивъ, ради успѣха общаго намъ всѣмъ дѣла необходимо протянуть другъ другу руки для искренней поддержки въ союзной борьбѣ противъ общаго нашего врага.

Сила — не въ силѣ, сила — въ солидарности.

в) Рецензіи.

„Современникъ“, ежемѣсячное политическое изданіе, посвященное текущимъ русскимъ дѣламъ. Апрель, 1897 г., № 1.

Только что появившійся журналъ носитъ характеръ исключительно либеральный, — намъ поэтому было особенно любопытно познакомиться съ новымъ органомъ: революціонные органы никогда не переводились и по революціонной литературѣ всегда можно было судить о взглядахъ революціонныхъ партій. Но е дѣло свободный либеральный органъ, — это такая большая рѣдкость!...

Первый номеръ нашъ очень непріятно разочаровалъ. Онъ, вообще говоря, всесторонне плохъ, блѣденъ, и его издатели, несмотря на отсутствіе цензурнаго намордника, одержимы страхомъ предъ собственной мыслью и всячески стараются такъ окутать ее, чтобы затруднить пониманіе читателей. По многимъ причинамъ мы очень сожалѣемъ объ этомъ: либеральный органъ заглавней дѣльнымъ давно нуженъ и нуженъ прежде всего для самихъ же либераловъ, для того чтобы помочь имъ разобраться въ своихъ задачахъ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ партіямъ. Если издатели „Современника“ сумѣютъ выполнить эту задачу, они окажутъ огромную услугу борьбѣ съ самодержавіемъ, поэтому мы отъ души имъ желаемъ, чтобы послѣдующіе номера менѣе всего походили на первый.

Одинъ изъ сотрудниковъ „Современника“, г. Н. А. Т., очень недоволенъ либералами и имъ отъ него достается такъ, какъ рѣдко доставалось даже отъ противниковъ. Онъ обвиняетъ ихъ и въ томъ, въ чемъ они, дѣйствительно, виноваты и въ томъ, въ чемъ несколько не виноваты.

Г-нъ Н. А. Т. поучаетъ либераловъ на счетъ того, что самодержавіе — „аспъ съ бѣлой подкладкой“, но онъ въ данномъ случаѣ стучится въ открытую дверь. Кто же теперь изъ сколько-нибудь независимыхъ людей вѣрить въ самодержавіе? Недавно Грингмутъ сталъ по имени вызывать къ присягѣ, — и ему всѣ отвѣтили только смѣхомъ. Важнѣе подсказать либераламъ выходъ изъ настоящаго положенія, убѣдить ихъ, что все, что они дѣлаютъ те-

перь для уничтоженія самодержавія, или *недостаточно*, или просто даже не ведетъ къ цѣли.

На вопросъ „что сказать?“ г. П. А. Т. даетъ очень туманные отвѣты. Онъ проситъ присылать ему корреспонденціи, говорить о необходимости протестовъ противъ самодержавія „въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, вездѣ и всюду“, но какую именно форму должны принять эти протесты онъ умалчиваетъ. Къ бывшимъ либеральнымъ протестамъ онъ относится скопдачка и не сумѣлъ отвести имъ надлежащее мѣсто въ исторіи борьбы съ самодержавіемъ, какъ и вообще правильно оцѣнить роль либераловъ, ихъ слабыя и сильныя стороны. Два, три мѣста въ „Современникѣ“ позволяютъ думать, однако, что среди либераловъ происходитъ спасительная перемѣна, и они начинаютъ видѣть истинную причину, почему самодержавіе продолжаетъ все еще существовать, не смотря на то, что ими издаются либеральные журналы и газеты, строятся школы, пишутся и подаются протесты и т. д.

Г-нъ П. А. Т. говоритъ о Народной Волѣ, что она въ 1879-1880 г.г. „*живала самодержавіе на колючую, и, послѣ трехъ лѣтъ безпримирной борьбы, послѣ многихъ фактовъ произвола и самопожертвованія, несемлемыхъ еще доселѣ во всей всемірной исторіи, наконецъ, нанесла ей представителя смертельный ударъ*“. „Вамъ (либераламъ) оставалось только воспользоваться созданными другими руками неповторяющимися въ жизни народной целостности“. „Но Вы и тутъ спрятались въ свои норы. Вы и тутъ не пожелали обмолвиться, хотя бы словомъ и опять принялись за знакомое и любезное Вамъ занятіе — жевать и жеваться“ и т. д.

Эти заявленія г-на П. А. Т. очень замечательны. Мы не знаемъ насколько они характерны для либераловъ вообще, но мы не можемъ не сказать, что пора либераламъ и другимъ русскимъ политическимъ партіямъ отдать должное Народной Волѣ, понять, какъ вѣрно ею была поставлена борьба, и, понявъ это, сумѣть, по крайней мѣрѣ, занять вѣрное положеніе въ рядахъ борющихся партій, чтобы вносльдствіи новый П. А. Т. не имѣлъ права отнести къ современнымъ либераламъ „съ усмѣшкой горькой обмалутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“, какъ г-нъ П. А. Т. относится къ бывшимъ либеральнымъ дѣятелямъ, которые въ свое время безучастно или враждебно относились къ дѣятельности Народной Воли, подобно Гордѣенко, Петрункевичу и др., обнаруживъ (въ этомъ теперь едва-ли возможно сомнѣваться) непониманіе политическихъ вопросовъ въ спорахъ во время сѣздовъ революціонеровъ и либераловъ въ 1878-1881 г.г. Они усиленно рекомендовали тогда противъ застарѣлой болѣзни розовую водичу и нашенствыванія въ то время, когда требовались радикальныя средства.

„*Ничего вѣрнѣе евангельской истины: „толчите и отверстесь*“, читаемъ мы въ „Современникѣ“. Это — или несомнѣнная истина или простая пассивность, смотря потому, что разумѣется подъ словомъ „толчите“. Если предполагается давить на

правительство лишь всеподданнѣйшими прошеніями, колѣнопоклоненными мольбами и т. д., то — повѣрьте — ничего не отвержется. Попробуйте вернуться къ тѣмъ путямъ, которыми дѣйствовали Желябовы, Перовскія и можно съ увѣренностью сказать : „отвержется“ и очень скоро.

Если теперь Николай на все прошенія и требованія либераловъ, заткнувши уши, кричитъ имъ : „не слушаю!... подѣ судъ! подѣ судъ!“ и все ихъ стремленія къ конституціи обзываетъ „безумными мечтаньями“, то болѣе энергичныя мѣры заставятъ его, какъ заставили Александра II, ясно понять, что съ нимъ болѣе не шутятъ и что предъ нимъ — уже не колѣнопреклоненные просители, а граждане, рѣшившіеся добиваться своихъ правъ всеми средствами. Когда, докладывая про нихъ, Побѣдоносцевы спросятъ Николая : „Прикажете принять?“, онъ скажетъ :

„Ослы!... Сто разъ вамъ повторять!

Принять, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ!“

Именно такъ и скажетъ : „очень радъ!“ Эти „ослы“, конечно, и не спросятъ, когда же это имъ сто разъ повторялось требованіе наложить руку на самодержавіе, и сами же засядутъ за составленія соответствующаго манифеста : „Мы, божіей милостью, Николай II, съвѣдомымъ указаніемъ промисла Божія, за благо признаемъ“ и т. д.

Повторяемъ, предъ „Современникомъ“ блестящая задача — выяснить либераламъ условія современной борьбы. Если либералы дадутъ себѣ правильный отвѣтъ на вопросъ : что ослать?, и захотятъ дѣйствовать сами, или хотя бы только помогутъ другимъ, они представятъ собою громадную силу въ борьбѣ съ деспотизмомъ, — и ихъ дѣятельный союзъ съ революціонерами, безъ сомнѣнія, ускоритъ паденіе самодержавія.

(Изъ 1 № „Народовольца“.)

„Современникъ“, №№ 2 и 3.

Издатели „Современника“ ставятъ своей задачей объединеніе всехъ борющихся прогрессивныхъ партій въ Россіи на почвѣ ближайшей, общей для всехъ задачи — уничтоженія самодержавія, задачи, уже давно и ясно поставленной революціонными партіями, въ особенности Народной Волей. Мы, конечно, всецѣло за подобное объединеніе, но насколько намъ извѣстны настроенія различныхъ партій и ихъ заграничныхъ представителей, расчеты издателей „Современника“ не имѣютъ никакой вѣроятности на успѣхъ.

Гдѣ ужъ тутъ говорить объ единеніи!...

Иное дѣло — упорядоченіе отношеній между фракціями. Эта задача, если и не легкая, то во всякомъ случаѣ не безнадежная до извѣстной степени. Необходимо стремиться къ союзной борьбѣ

всѣхъ антиправительственныхъ партій, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, малорусскихъ, литовскихъ и пр., у которыхъ бревномъ на дорогѣ лежатъ Николай II. Нужно добиваться такого положенія вещей, при которомъ политическія партіи, работая надъ общей задачей, каждая подъ своимъ знаменемъ, не стремилась бы утопить сосѣда въ ложкѣ воды. Нужно желать, чтобы каждая новая революціонная инициатива въ революціонномъ лагерѣ не производила бы впечатлѣнія пожара или несчастія, обрушивающагося на голову уже существующихъ партій, и старые дѣятели, вмѣсто помощи новому дѣлу, не снѣшлись бы, въ роли брантмейстеровъ, бросаться съ своими пожарными машинами тушить показавшійся огонь.

Поэтому призывъ къ товарищескимъ междупартиейнымъ отношеніямъ и въ то же время къ истинному пониманію интересовъ революціоннаго дѣла всегда желателенъ, и мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить, что на страницахъ „Современника“ до сихъ поръ нѣтъ и слѣда человѣконенавистническаго отношенія къ товарищамъ по борьбѣ. По нынѣшнимъ временамъ и это уже не маловажное достоинство органа.

Редакція „Современника“ продолжаетъ развѣивать ту тему, что главный виновникъ настоящаго положенія дѣла — бюрократія и старается открыть на это глаза Николаю II. Слово нѣтъ, бюрократія — одна изъ язвъ современной Россіи, но она сама порожденіе еще большаго зла — самодержавія, и съ ней ничего не подѣлаешь, пока не удастся выкорчевать русскій абсолютизмъ, который, по совершенно вѣрному замѣчанію „Современника“, поддается ограниченію лишь посредствомъ *шоава* и *динамита*.

Пора это понять и перестать писать письма къ Николаю.

„Письмами“ его не усовѣстишь!

(Изъ 2-го № „Народовольца“.)

„Висрѣвъ“, *киевская рабочая газета*, № 2 (28 февраля 1897, in 8°, литогр.), изданіе соціалъ-демократической группы, какъ и 9 кіевскихъ прокламацій, полученныхъ нами, заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о рабочемъ движеніи и статьи о необходимости организацій среди рабочихъ. Празднованію 1-го мая посвящены двѣ спеціальныя прокламаціи.

Поскольку во всѣхъ этихъ изданіяхъ идетъ рѣчь о пропагандѣ и организаціи рабочихъ, мы можемъ только повторить слова народнаго поэта:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!
„Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное,
„Русскій народъ!“.....

Но въ изданіяхъ кіевскихъ соціалъ-демократовъ мы встрѣчаемъ много такого, чего мы не можемъ пропустить безъ возраженія. Для нихъ вся дѣятельность современныхъ революціонеровъ исчерпы-

вается пропагандой и организацией городских рабочих. Рабочее движение не только уединено ими въ самостоятельное движение, но на него сведена вся революціонная борьба, и въ своей партіи они не видятъ ни одной прогрессивной силы. Все остальное для нихъ — „отъ лукаваго“ и можетъ разсматриваться только какъ въ большей или меньшей степени вредныя явленія. Отсюда у однихъ социаль-демократовъ игнорированіе всѣхъ иныхъ революціонныхъ теченій, у другихъ, какъ, напр., у заграничныхъ, эта односторонность выливается въ ярко враждебное отношеніе ко всему, находящемуся въ ихъ фракціи.

Эта узость политической мысли заключаетъ въ себѣ необыкновенныя опасности для революціоннаго движенія въ Россіи и никогда не позволитъ ему пріобрѣсти болѣе, чѣмъ третьестепенное значеніе въ русской жизни, какъ на это мы уже указывали во 2 № „Народовольца“.

Для борьбы съ самодержавіемъ въ Россіи недостаточно *одно* рабочаго движенія, какъ его было недостаточно и раньше — во времена Народной Воли.

Что, напр., дало движеніе среди рабочихъ за послѣдніе годы? На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами кіевскихъ рабочихъ: „*Моее рабочее движеніе еще слабо; борьба, въ большинствѣ случаевъ, идетъ на почвѣ только текущихъ экономическихъ потребностей за улучшеніемъ несправедливо материальнаго положенія въ настоящемъ; идеи социализма, политической свободы еще не могутъ считаться въ настоящее время руководящими началами рабочаго движенія*“ (см. 40 № „*Истурныхъ Листковъ*“).

Отъ такого положенія вещей до борьбы, которая могла бы всерьезъ считаться борьбой съ современнымъ деспотизмомъ, — еще очень и очень далеко. И это въ результатъ не только многихъ лѣтъ пропаганды и организаций среди рабочихъ, но и весьма продолжительнаго существованія *спеціальныхъ* организацій, вроде „*союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса*“. Петербургскій „*Союзъ за освобожденіе рабочаго класса*“, напр., началъ свои дѣйствія не позднѣе 1895 года.

Нора убѣдиться въѣмъ, что революціонная дѣятельность въ Россіи не можетъ сводиться къ одной пропагандѣ социализма и организации рабочихъ. Надо и многое другое. Социаль-демократизмъ намъ не ко двору.

Иначе, чѣмъ социаль-демократы, ставили революціонную борьбу въ свое время народовольцы. Широта политической мысли сдѣлала изъ ихъ партіи въ какіе-нибудь полтора-два года величайшую силу какая только когда-либо была противопоставлена русскому деспотизму.

Признаемъ же недостаточность социаль-демократическихъ программъ и пойдемте на выучку къ Народной Воли!
(Изъ 3-го № „Народовольца“)

ДѢЛО БУРЦЕВА ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ „НАРОДОВОЛЬЦА“

Первый номеръ „Народовольца“ вышелъ въ маѣ 1897 года, второй — въ августѣ, третій въ концѣ октября, а 4 (16) декабря того же года, когда было приступлено къ печатанію четвертаго номера, редакторъ „Народовольца“, Бурцевъ, былъ арестованъ въ Лондонѣ главнымъ начальникомъ англійской полиціи Мельвилемъ. Изданіе журнала поэтому временно прекратилось.

Формально русское правительство было, повидимому, не причемъ въ возбужденіи преслѣдованія противъ „Народовольца“, но, само собою разумѣется, все это дѣло было начато исключительно по его инициативѣ, велось на его средства, подъ его контролемъ и по его указаніямъ. Англичанамъ ровно никакого дѣла не было до изданія, выходившаго на русскомъ языкѣ, ни прямо, ни косвенно не имѣвшаго къ нимъ никакого отношенія.

Въ Англии полиція къ услугамъ всѣхъ, кто хорошо ей платитъ, — а потому, когда русскому правительству нужно было начать дѣло противъ очень уже неправящагося ему изданія, оно сразу имѣло къ своимъ услугамъ, какъ это и выяснилось потомъ на процессѣ, цѣлую организацію англійскихъ сыщиковъ съ Мельвилемъ во главѣ. Ему однако въ данномъ случаѣ не пришлось ограничиваться одной англійской полиціей: оно должно было обращаться къ помощи (конечно, небезкорыстной) многихъ лицъ, занимающихъ видное мѣсто въ англійской администраціи и судѣ.

Но возбуждать процессъ противъ „Народовольца“ было тѣмъ не менѣе дѣло рискованное: добиться въ Англии осужденія политическаго эмигранта втихомолку нельзя. рѣшиться же на гласный судъ, на обсужденіе дѣла въ свободной прессѣ было для правительства Николая II также опасно, какъ для хорошаго мошенника появиться на свѣтъ божій и назвать себя по имени. Можно было ожидать, какъ это и произошло на самомъ дѣлѣ, что русское правительство, даже выигравши процессъ, проиграетъ болѣе, чѣмъ выиграетъ, а оно могло разсчитывать — и разсчитывало, конечно, — и на худшій исходъ процесса.

Въ августѣ 1897 г., послѣ выхода второго номера „Народовольца“ пачались усиленныя приготовленія къ процессу. Въ это время изъ Петербурга пріѣхала въ Лондонъ съ особыми инструкціями отъ департамента полиціи г-жа Ольга Новикова, сотрудница „Московскихъ Вѣдомостей“ и агентъ русскаго правительства въ Англии. На подготовленіе дѣла было затрачено много усилий русскаго посольства въ Лондонѣ, а еще болѣе средствъ: надо было покупать услуги разныхъ дорого берущихъ лицъ. Русскимъ агентамъ приходилось вести дѣло не столько съ англійской полиціей и англійскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сколько съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Нужно было, между прочимъ, заставить свидѣтелями для установленія факта распространенія Бурцевымъ „Народовольца“.

Англійскіе сыщики купили по экземпляру „Народовольца“ въ тѣхъ магазинахъ, гдѣ обыкновенно продавался этотъ журналъ. Затѣмъ въ редакцію „Народовольца“ было прислано отъ имени какого-то русскаго изъ приморскаго англійскаго города требованіе выслать всѣ три номера журнала и, наконецъ, съ письмомъ отъ того же русскаго (лица, кажется, вымышленнаго) 2 (14) декабря на квартиру Бурцева явился англійскій сыщикъ и купилъ еще по два экземпляра каждого номера „Народовольца“.

Съ этими экземплярами „Народовольца“ сыщики обратились къ судьямъ и заявили, что русскій эмигрантъ Бурцевъ, редакторъ „Народовольца“, *подговаривалъ ихъ къ убійству императора Николая II*. На этомъ основаніи они потребовали отъ судьи разрѣшенія арестовать Бурцева.

Во время процесса, при перекрестныхъ допросахъ защиты, главный, выставленный обвиненіемъ, сыщикъ заявилъ, что Бурцевъ о политикѣ вообще и о Николаѣ II въ частности съ нимъ собственно ничего не говорилъ, пришелъ къ нему онъ по собственной инициативѣ, самъ просилъ продать ему журналъ, о которомъ ранѣе слышалъ отъ другихъ, и что по русски онъ не читаетъ, но ему кто-то, по его личной просьбѣ, перевелъ нѣсколько мѣстъ изъ „Народовольца“, гдѣ говорилось о необходимости въ настоящее время царубійства въ Россіи.

Показаніе этого одного сыщика оказалось достаточно для англійскаго судьи и онъ выдалъ Мельвилю разрѣшеніе арестовать Бурцева.

4 (16) декабря нѣсколько англійскихъ сыщиковъ вмѣстѣ съ Мельвилемъ появились часа въ 2 дня въ залѣ Британскаго Музея. Подъ какимъ-то предлогомъ они вызвали Бурцева въ корридоръ, тамъ прочитали ему постановленіе судьи объ арестѣ и попросили слѣдовать за ними. Арестъ произошелъ такъ незамѣтно, что ни администрація Британскаго Музея, ни читатели не догадались о происшедшемъ.

Часа въ 4 того же дня Бурцева отвели въ судъ первой инстанціи, гдѣ судья рѣшаетъ предварительно одинъ только вопросъ: достаточно ли данныхъ для того, чтобы предать подсудимаго суду присяжныхъ.

Мельвиль заявилъ судьямъ, что при арестѣ Бурцевъ призналъ, что онъ издавалъ „Народовольца“, продавалъ, разсылалъ, что его статьи въ журналѣ подписаны его именемъ и что онъ признаетъ себя отвѣтственнымъ за все изданіе. Въ „Народовольцѣ“, по словамъ Мельвиля, заключается прямой призывъ къ убійству Николая II. Мельвиль просилъ отложить разборъ дѣла на недѣлю для собиранія дополнительныхъ свѣдѣній о подсудимомъ.

Прямо изъ суда Мельвиль отправился въ 5 часовъ на квартиру

Бурцева (70, Grafton str., W.) и, не имѣя на то спеціального приказа судьи, произвелъ обыскъ, забралъ все книги и бумаги. Очевидно, объ этомъ его особенно запрашивали русскіе агенты, желая по русскому обычаю порыться въ чужихъ квартирахъ. Но фактъ слѣженія за квартирой Бурцева, особенно послѣ его возвращенія съ континента, за двѣ недѣли до ареста, былъ хорошо извѣстенъ всеѣмъ, ареста уже ожидали, а потому квартира давно была совершенно очищена отъ всего, что могло такъ или иначе быть интереснымъ для русскихъ властей. Такимъ образомъ, Мельвиллю пришлось отвезти въ пяти-шести чемоданахъ лишь книги, газеты, сотни вырѣзокъ изъ газетъ, и т. д., — но покопаться и въ этихъ матерьялахъ не удалось ни англійскимъ, ни русскимъ сыщикамъ.

Хотя никто изъ товарищей Бурцева не видѣлъ, какъ онъ былъ арестованъ, но уже вечеромъ того же дня на объявленіяхъ вечернихъ англійскихъ газетъ появились извѣстія *объ открытіи знобора на жизнь Николая II* и объ арестѣ въ Лондонѣ русскаго революціонера. Благодаря газетамъ лондонскіе эмигранты скоро узнали объ арестѣ Бурцева.

Въ тотъ же вечеръ телеграммой въ Ньюкастель объ арестѣ Бурцева былъ извѣщенъ Ватсонъ, председатель общества „*Друзей русской свободы*“, а онъ съ своей стороны немедленно телеграфировалъ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы были приняты мѣры для охраненія вещей арестованнаго отъ передачи ихъ русскому правительству. Телеграмма Ватсона и его письмо къ министру, а также отвѣтъ министра съ увѣреніемъ, что никакія бумаги русскому правительству ни въ какомъ случаѣ переданы не будутъ, были потомъ напечатаны во „*Times Russia*“. Въ то же время общество „*Друзей русской свободы*“ немедленно организовало комитетъ для защиты арестованнаго.

Несмотря на все хлопоты защитника вынудить Бурцева на поруки до рѣшенія дѣла, судъ неотрѣзъ отказать въ этомъ. До суда Бурцевъ былъ посаженъ сначала въ Голливайскую тюрьму, потомъ въ Ньюгетскую. Черезъ два дня былъ также арестованъ и типографикъ „*Народовольца*“ полякъ К. Вержбицкій.

Въ судъ первой инстанціи Бурцеву пришлось являться еще три раза : 22, 31 декабря и 7 января 1898 г.

Подсудимый на англійскомъ судѣ является только въ качествѣ зрителя, въ присутствіи котораго произходитъ разбирательство его дѣла. Онъ не можетъ защищаться и его никто не можетъ допрашивать — ни адвокатъ, ни прокуроръ. Дѣло на судѣ сводится только къ допросамъ свидѣтелей и къ судебнымъ преніямъ. По новому закону въ настоящее время впрочемъ, *по желанію самого подсудимаго* его могутъ допрашивать подъ присягой.

Для суда русское правительство сдѣлало полный переводъ всехъ трехъ номеровъ „*Народовольца*“ на англійскій языкъ и отпечатало его во многихъ экземплярахъ. Переводъ былъ сдѣланъ присяж-

нымъ переводчикомъ при англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, который все время и фигурировалъ на судѣ.

На судѣ главнымъ образомъ занимались чтеніемъ отрывковъ изъ „*Народовольца*“ и допросомъ свидѣтелей, которые состояли почти исключительно изъ англійскихъ сыщиковъ, — кромѣ нихъ свидѣтелями были еще только двое: перенлетчикъ, да прикащикъ изъ книжнаго магазина Мюди, гдѣ продавался „*Народоволецъ*“ и откуда взята была защитникомъ книга Степяка, на которую онъ ссылался въ своей рѣчи.

Допросы сводились исключительно къ тому, чтобы формально установить, при какихъ обстоятельствахъ былъ арестованъ Бурцевъ и его типографщикъ, когда, кто и гдѣ изъ сыщиковъ покупалъ „*Народовольца*“ и т. д. Ни слѣженіе до ареста, ни самый арестъ не дали полиціи никакого новаго предлога для обвиненія Бурцева. — дѣло такимъ образомъ ограничилось обвиненіемъ его за вредное направленіе „*Народовольца*“, открыто издававшегося за подписью редактора съ указаніемъ его адреса и мѣсть, гдѣ журналъ продавался, какъ въ Англіи, такъ и внѣ ея.

Послѣ каждого засѣданія суда англійскія газеты давали о нихъ подробные отчеты и приводили на своихъ страницахъ тѣ цитаты изъ „*Народовольца*“, которыя читались на судѣ въ доказательство сдѣланнаго Бурцевымъ призыва къ убійству Николая II.

Судъ первой инстанціи передалъ дѣло въ судъ присяжныхъ и оно было назначено къ слушанію 12 января, но прокуроръ въ этотъ день попросилъ отложить дѣло еще на мѣсяць „*по прибытіи свидѣтелей изъ Россіи*“.

Черезъ мѣсяць свидѣтели пріѣхали изъ Россіи, привезли съ собой „документы“, но при новомъ разбирательствѣ дѣла прокуроръ отказался воспользоваться услугами этихъ русскихъ свидѣтелей. Это были исключительно русскіе сыщики. Они привезли только выписки изъ архивовъ жандармскаго правленія и могли собой лишь компрометировать обвиненіе.

Дѣло къ слушанію окончательно назначено было 29 января (11 февр.). Залъ суда былъ полонъ публикой, — особенно много было адвокатовъ и представителей печати. Полиція очень сильно опасалась демонстрацій на судѣ и потому заранѣе постаралась своими людьми занять мѣста, назначенныя для публики. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ недостатка мѣста почти никого изъ русскихъ не пустили на галлерею, предназначенную для публики, и только въ самой залѣ суда вмѣстѣ съ защитникомъ сидѣло нѣсколько русскихъ. Такое вмѣшательство англійской полиціи въ дѣла суда было совершенно неожиданно для англичанъ, и никто не позаботился во-время парализовать этого рода тактику Мельвиля.

При самомъ началѣ разбирательства дѣла генеральный прокуроръ заявилъ, что противъ подсудимаго преслѣдованіе возбуждено исключительно за издавіе имъ революціоннаго журнала „*Народо-*

волець“, гдѣ, по его прокурорскому мнѣнію, заключается *прямое подстрекательство* къ царевубійству. Далѣе, главное вниманіе въ своей рѣчи прокуроръ обратилъ на цитаты изъ „Народовольца“. Имъ почти цѣликомъ была прочитана статья „*Къ вопросу — что дѣлать?*“ (стр. 1, 2, 5, 6, 8, 9), „*Правда-ли, что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?*“ (стр. 10, 12, 14, 17, 18, 19), а также отрывки изъ статьи „*За терроръ*“ (стр. 20, 25, 26), изъ рецензій на „*Современникъ*“ (стр. 40, 41), изъ писемъ въ редакцію (3 № „Народовольца“), изъ статьи Сибиряка (въ 3 № „Народовольца“), и изъ начала его же передовой статьи въ 1 № „Народовольца“.

Послѣ прокурора чтеніемъ цитатъ изъ „Народовольца“ занялись адвокатъ и предсѣдатель. Въ залѣ суда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ—было сдѣлано три перерыва засѣданія—только и было слышно что „Желябовъ, Перовская, Халтуринъ, Степнякъ, Народная Воля, бомбы, динамитъ“ и т. д.

По словамъ прокурора „Народоволецъ“ не посылъ характера теоретическаго органа, хотя бы и террористической партіи, онъ имѣлъ въ виду совершенно опредѣленные практическія задачи: —убѣдить русскихъ революціонеровъ въ ихъ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ немедленно выступить на путь систематическихъ политическихъ убійствъ, включая сюда убійство царя, и вообще принять за образецъ для своей дѣятельности дѣятельность Народной Воли, которая въ 1879-1881 г.г. взрывала царскіе поѣзда, Зимній Дворецъ и, наконецъ, на улицахъ Петербурга убила императора Александра II. Совѣтуя русскимъ революціонерамъ выступить на путь Народной Воли, Бурцевъ, по словамъ прокурора, хорошо зналъ, что дѣлала партія, кто являлся исполнителемъ ея рѣшеній, на кого обращались ея удары. Въ доказательство этихъ своихъ словъ прокуроръ показалъ суду печатный переводъ на англійскій языкъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ революціонной хроники сборника „За сто лѣтъ“, гдѣ говорилось о террористической борьбѣ въ 1878-1883 г.г., указаны ея участники и приведена библіографія по этому вопросу. Призывъ къ убійствамъ сдѣланъ Бурцевымъ на англійской почвѣ, на „Народовольцѣ“ выставленъ адресъ его квартиры для сношеній съ редакціей, статьи подписаны его именемъ онъ самъ продавалъ и распространялъ „Народоволецъ“, — слѣдовательно, вся отвѣтственность за издачіе этого журнала должна лежать на немъ.

На основаніи всего этого прокуроръ требовалъ самого строгаго наказанія для подсудимаго и просилъ приложить къ нему законъ 1861 года, говорящій о томъ, что „*всякій, кто будетъ подстрекать кою-нибудь къ убійству другою лица, будетъ-ли то подданный Ея Величества или нѣтъ, считается виновнымъ въ преступлѣ, наказуемомъ заключеніемъ въ тюрьму съ обязательными каторжными работами на срокъ не свыше 10 лѣтъ.*“

Защитникомъ Бурцева на судѣ выступилъ извѣстный англійскій адвокатъ лордъ Кольриджъ, видный членъ радикальной партіи.

Речь лорда Кольриджа.

Я выступаю защитникомъ подсудимаго Бурцева. Его обвиняютъ и это серьезное обвиненіе—въ возбужденіи къ убійству русскаго императора.

Англичанамъ, живущимъ въ нашей странѣ, чрезвычайно трудно понять поступокъ такого человѣка, какъ подсудимый, человѣка, отдавашагося научнымъ занятіямъ, изучающаго исторію своей страны, человѣка, лично противъ котораго никто не можетъ сказать ни одного слова. Намъ, живущимъ въ свободной странѣ, трудно понять страстную ненависть, которую онъ питаетъ къ правительству своей страны. Мы только что отпраздновали юбилей нашей королевы, мы привѣтствовали правительство нашей страны и мы чувствуемъ, что малѣйшее оскорбленіе нанесенное нашей королевѣ было-бы личнымъ оскорбленіемъ для насъ самихъ. Мы питаемъ инстинктивную патріотическую преданность къ нашимъ учрежденіямъ, мы—свободные граждане свободной страны, а потому для насъ почти непонятно,—если только мы не войдемъ въ положеніе подсудимаго,—какъ подсудимый можетъ серьезно защищать тѣ взгляды, которые мы находимъ въ его журналѣ.

Мысли и страсти, высказанныя Бурцевымъ въ его „Народовольцы“, могутъ казаться намъ, съ нашей англійской точки зрѣнія странными и непонятными, но вѣдь для насъ не менѣе странна и непонятна и та русская дѣйствительность и тотъ русскій политическій режимъ, которые породили ихъ.

Можемъ-ли мы, напр., понять все прошлое подсудимаго во время его жизни въ Россіи и въ Сибири?

Господа присяжные! вникните въ его положеніе.

За участіе въ протестѣ противъ поднесенія общестуденческаго благодарственного адреса одному желѣзнодорожному плуту (Полякову, въ 1882 г.)—я не назову его имени, но онъ извѣстенъ въ обществѣ за отъявленнаго мошенника, Бурцева арестуютъ и держатъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Вы едва-ли повѣрите, что 300-400 другихъ его товарищей за тоже самое были арестованы и высланы изъ города. Однако, все это—несомнѣнные факты.

Вы едва-ли мнѣ повѣрите, если я вамъ скажу еще, что потомъ по одному подозрѣнію въ сочувствіи революціонному движенію Бурцева сослали административнымъ порядкомъ, безъ суда, даже

безъ объявленія причинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями другихъ молодыхъ людей въ Сибирь.... Въ результатъ всего этого является та въ высшей степени странная аномалія, что этотъ человѣкъ послѣ многихъ лѣтъ тюрьмы и ссылки, послѣ своего бѣгства за границу, до сего дня никогда еще не стоялъ лицомъ къ лицу ни съ однимъ судьей, въ качествѣ обвиняемаго.....

Изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ Бурцевъ былъ подвергнутъ одиночному заключенію, онъ былъ сосланъ за 4-5 тысячъ миль въ глубь Сибири. Онъ былъ оторванъ отъ всѣхъ, кого онъ любилъ. Онъ никогда болѣе не возвращался на свою родину и никогда болѣе не увидитъ своей страны. Вмѣстѣ съ нѣсколькими своими друзьями онъ былъ отправленъ далеко въ Сибирь.

Врядъ-ли вы повѣрите мнѣ, если я стану подробно рассказывать вамъ о тѣхъ сценахъ, ужасныхъ сценахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ этотъ человѣкъ. Я вполне убѣжденъ, что, если бы вы повѣрили мнѣ и если бы у васъ была хоть некра чуткости, вы возмутились-бы противъ той системы, которая породила такіа ужасныя преступленія. Люди, ссылаемые въ Сибирь, не тѣ преступники, съ которыми мы знакомы въ нашей странѣ. Это — не тѣ бродяги, лѣнтяи и развращенные люди, которые терпятъ по заслугамъ. Въ Россіи ссылаютъ въ Сибирь хорошо воспитанныхъ людей, которые въ другихъ странахъ были-бы вліятельными людьми, къ которымъ общественное мнѣніе обращалось-бы за совѣтомъ, которые составляли-бы силу націи. Въ Россіи, если вы идейный человѣкъ, ваше мѣсто — въ Сибири, и васъ ссылаютъ туда вмѣстѣ съ вашими друзьями, съ которыми вы связаны общими интересами и идеалами. Вы видите, какъ эти ваши друзья постепенно исчезаютъ: одни замучиваютъ себя до смерти голодомъ, другіе сходятъ съ ума или совершаютъ самоубійство.

Я не знаю, читали-ли вы когда-нибудь литературу, знакомящую съ политическимъ режимомъ современнаго русскаго правительства. Я не завидую вамъ, если вамъ еще придется познакомиться съ ней.

Я думаю, что изъ всѣхъ адовъ Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ — самый худшій адъ. Туда сажаютъ людей, схваченныхъ по подозрѣнію. Васъ не судятъ, противъ васъ не возводятъ никакого обвиненія, — и невинная жертва политическаго подозрѣнія терпитъ заключеніе, не зная даже причины его. Кто попадаетъ туда, тому мало надежды выйти оттуда на свободу.

Все это испыталъ и подсудимый Бурцевъ.

И неужели мы, живя въ счастливой странѣ, будемъ слишкомъ

строго слѣдить за каждымъ словомъ, каждымъ выраженіемъ (какъ бы оно ни было предосудительно), высказаннымъ человѣкомъ, не-режившимъ такіа трагедіи?

Женщины и молодыя дѣвушки, оторванныя отъ своихъ семействъ, буквально замучиваютъ себя голодомъ до смерти во избѣжаніе еще худшаго. Въ то время, когда подсудимый былъ въ Сибиріи, тамъ засѣчена была до смерти женщина (Сигида), которая во всякой другой странѣ была-бы предметомъ зависти ея окружающихъ. Еще совѣмъ не давно, въ февралѣ прошлаго года, въ тогъ самый день года, въ который я говорю здѣсь, вы прочли въ газетахъ извѣстіе — несомнѣнно точное во всѣхъ подробностяхъ — объ одномъ изъ ужасовъ, происходящихъ въ Россіи, и это не единственный примѣръ. Несчастливая женщина (Вѣтрова), пользовавшаяся когда-то счастіемъ, находясь въ Петропавловской крѣпости, облила керосиномъ свое платье и сожгла себя, чтобы избѣжать позорныхъ преслѣдованій ея тюремщика.

Я спрашиваю васъ, господа присяжные, кто обвинить этого человѣка, который, узнавъ о подобныхъ вещахъ, составилъ свой, по моему мнѣнію, несправедливый взглядъ на тѣ средства, которыми можно помочь бѣдѣ и о которыхъ вы здѣсь уже слышали?

Говорятъ, что тотъ, кто пропагандируетъ какимъ-нибудь образомъ преступленіе, этимъ самымъ побуждаетъ другихъ совершить это преступленіе.

Вѣрно-ли это относительно подсудимаго? То, что онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, заключается въ слѣдующемъ.

Передъ вами лежатъ три номера „Народовольца“, которые представляютъ спокойное и, можно сказать, философское обсужденіе способа нападенія на русское правительство. Мнѣнія эти дороги для подсудимаго. Онъ можетъ быть правъ или не правъ, — это не наше дѣло. Но развѣ ему дорого его мнѣніе, развѣ онъ не можетъ обсуждать его на столбцахъ своихъ изданій? Развѣ онъ не можетъ говорить о терроризмѣ, какъ о средствѣ борьбы съ тираніей? Я не говорю о томъ, согласны мы или несогласны съ его мнѣніями, — это не наше дѣло разбирать. Но развѣ онъ не въ правѣ высказать свое мнѣніе? Развѣ мы не встрѣчаемъ каждый день книги, содержащія самыя ужасныя мнѣнія, мнѣнія, которыя заставляютъ насъ дрожать, которыя исключаютъ для насъ возможность общенія съ людьми, сочувствующими имъ?

Недавно я съ большимъ удивленіемъ прочиталъ у Карлейля, что одинъ изъ его героевъ — Наполеонъ Бонапартъ. Мнѣ кажется, — хотя я, быть можетъ, ошибаюсь, — что Наполеонъ былъ однимъ

изъ самыхъ страшныхъ мясниковъ человѣчества, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Онъ былъ виновникомъ множества смертей, и я не знаю другой болѣе вредной личности для человѣческой расы. Но если Карлейль говоритъ, что этотъ человѣкъ — величайшій герой, развѣ это значитъ, что онъ, Карлейль, возбуждаетъ всѣхъ людей къ такимъ поступкамъ, какіе совершалъ Наполеонъ? Конечно, нѣтъ. Если-же Карлейль считалъ Наполеона героемъ, то значитъ было въ немъ что-то такое, что привлекало къ нему Карлейля. Ему нравились его сила, его военный гений, его энергія, — онъ удивлялся его личнымъ качествамъ, его сильной волѣ. Но, удивляясь Наполеону, онъ, по моему мнѣнію, упустилъ изъ виду нѣкоторыя изъ самыхъ ужасныхъ чертъ его характера. Можно-ли однако обвинять Карлейля въ томъ, что онъ призывалъ всѣхъ людей къ такой рѣзнѣ человѣчества въ какой повиненъ Наполеонъ?

Не будетъ-ли также уже слишкомъ большой натяжкой сказать по прочтеніи номеровъ „Народовольца“, что въ немъ заключается *прямое* возбужденіе къ убійству императора Николая II?

Конечно, мы не можемъ считать виновнымъ человѣка, высказывающаго такія мнѣнія, въ томъ, что онъ, хотя самъ и не привелъ ихъ въ дѣйствіе, однако побуждалъ это сдѣлать другихъ.

Говорить это — значитъ зайти слишкомъ далеко. Въ нашей странѣ каждый человѣкъ въ правѣ имѣть какое-угодно мнѣніе по какому-угодно вопросу, какъ-бы оно ни было глупо, безирравственно и позорно. Вѣдь, отъ несогласія мнѣній мы и приходимъ къ здоровымъ заключеніямъ. Поэтому я подчеркиваю, что въ нашей странѣ мнѣнія свободны и потому, если подсудимый думаетъ, что убійство царя ведетъ къ свободѣ его страны, то, какъ бы ошибочно ни было это его мнѣніе, онъ въ правѣ его высказывать. Не добрый будетъ день для нашей страны, если присяжные выскажутся относительно одного изъ своихъ соотечественниковъ, что онъ не имѣетъ права имѣть такое мнѣніе, какое ему угодно.

Далѣе. Совершилъ-ли подсудимый что-нибудь большее, какъ то, что обнародовалъ свои мнѣнія? Возбуждалъ-ли онъ непосредственно кого-нибудь къ убійству царя?

И вижу, что въ журналѣ „Народоволецъ“ есть цитаты изъ сочиненій одного писателя Степняка, русскаго эмигранта, умершаго годъ или два тому назадъ. Онъ написалъ много сочиненій по русскимъ вопросамъ и въ каталогѣ библіотеки Мюди я нашелъ одну замѣчательную его книгу, гдѣ говорится о бомбахъ, динамитѣ и т. д. Но что за удивительная вещь! Степнякъ жилъ среди насъ

много лѣтъ и только что умеръ. Его книга о бомбахъ и динамитѣ находится въ библіотекѣ Мюди, — и я думаю, что эту книгу можно найти въ любой большой библіотекѣ Соединеннаго Королевства. Почему въ такомъ случаѣ „Народоволецъ“, издававшійся Бурцевымъ, представляетъ такое странное обвиненіе противъ него? Если же, въ самомъ дѣлѣ „Народоволецъ“ дѣйствительно содержитъ въ себѣ возбужденіе къ убійству, то что приходится сказать о Степнякѣ и его книгѣ?

Есть-ли малѣйшее доказательство, что подсудимый Бурцевъ сдѣлалъ что-нибудь, чтобы побудить другихъ предпринять убійство царя? Нашли въ его квартирѣ, хотя бы одну унцію динамита? Были-ли у него капсюли? Гдѣ тѣ бомбы и динамитъ, о которыхъ такъ много здѣсь говорятъ?

Подсудимый Бурцевъ—ничто иное какъ литераторъ, и все, что извѣстно про него доказываетъ, что онъ литераторъ *pure et simple*. Его арестовали въ величайшей библіотекѣ —въ Британскомъ Музеѣ. Вотъ гдѣ находился этотъ революціонеръ! Онъ былъ занятъ писаніемъ исторіи своей страны и это занятіе требовало отъ него массу труда.

Неужели онъ въ глазахъ британскихъ присяжныхъ — подстрекатель къ убійству царя?

Я приведу нѣсколько выдержекъ изъ его „Народовольца“, но я постараюсь быть возможно болѣе кратокъ.

Я надѣюсь вы поймете эти цитаты въ широкое смѣслѣ, въ ихъ цѣломъ, а не будете выхватывать отдѣльные мѣста для спеціальныхъ цѣлей безъ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ.

Слѣдующая цитата, приведенная г. прокуроромъ, говоритъ вотъ что :

„По своимъ конечнымъ задачамъ....

... социалистическаго идеала“ (35 стр.)

Господа присяжные! Какое преступленіе можетъ заключаться въ такой программѣ?

Подсудимый можетъ быть правъ или неправъ, но онъ составилъ себѣ мнѣніе, что русское общество должно предъявить такія требованія къ своему правительству.

Перехожу къ другому мѣсту „Народовольца“. Бурцевъ говоритъ, что при малѣйшихъ уступкахъ обществу со стороны правительства та форма борьбы (терроръ), которую онъ хочетъ оживить,

сдѣлалась бы совершенно ненужной. Вотъ что онъ говорить о цѣляхъ народовольцевъ.

„Нались такими защитниками террора . . .

. . . широкой агитаціи“ (17 стр.)

. . . Мы будемъ . . .

. . . завышенныхъ идеаловъ . . . (18 стр.)

Поэтому, говорить далѣе Вурцевъ, еслибы правительство сдѣлало эту уступку, мы прекратили бы свой терроръ, но правительство вмѣсто того продолжаетъ пощипать свободу личности, свободу мысли, свободу дѣйствій, а безъ такихъ свободъ немыслима никакая организованная оппозиція. Затѣмъ, обращаясь къ примѣрамъ прошлаго, онъ говоритъ, что единственный способъ заставить правительство идти на уступки заключается въ террорѣ.

Ну, развѣ это подстрекательство къ убійству царя? Вѣдь это, можетъ быть, простое указаніе на историческую истину. Я не знаю, вѣрно-ли это или нѣтъ. Я не свѣдущъ въ русской политикѣ. Я не знаю, можетъ-ли терроръ испугать правительство. Можетъ быть, онъ не произведетъ на правительство никакого впечатлѣнія, а можетъ быть, наоборотъ, очень напугаетъ. — я этого не знаю. Но я настаиваю, что всякій человѣкъ въ правѣ сказать, что изученіе исторіи привело его къ тому, что единственно чего боятся русское правительство — это терроръ. Такъ же точно онъ въ правѣ сказать, что, защищая терроризмъ, онъ не проповѣдуетъ чего-либо безразличнаго. Можетъ быть, по нашему мнѣнію, терроризмъ — безразличенъ, но, къ счастью, въ нашей странѣ существуетъ свобода мнѣнія, и поэтому каждый можетъ думать и говорить, что терроризмъ нравственно допустимъ. Я не берусь отвѣтить, допустимъ-ли онъ или не допустимъ. Но даже, еслибы я считалъ его не допустимымъ, если бы я думалъ, что *никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни противъ никакой тираніи нельзя употребить террора*, то все-же мой сосѣдъ въправѣ думать, какъ ему угодно, и я не могу навязывать ему своего мнѣнія. Если же мой сосѣдъ имѣетъ какое-либо особенное мнѣніе, то я желаю, чтобы онъ высказалъ его.

Господа присяжные! Отъ защиты террора, какъ средства борьбы, до возбужденія къ убійству царя еще очень далеко. Можетъ быть, мнѣнія подсудимаго могутъ казаться ужасными и для меня и для васъ. Можетъ быть, мы совершенно не согласны съ его доводами и выводами, но онъ въправѣ дѣлать ихъ и высказывать ихъ.

Господа присяжные! Еслибы я сейчасъ говорилъ въ послѣдній разъ въ своей жизни, я сказалъ бы, что мы должны свято беречь

нашу свободу, завоеванную долгимъ и труднымъ путемъ, и слѣдить, чтобы никто не посягнулъ на это наше сокровище”.

Послѣ защитника снова началъ говорить генеральный прокуроръ, которому по англійскимъ законамъ принадлежитъ послѣднее слово въ судебныхъ преніяхъ. Обращаясь къ присяжнымъ, онъ сказалъ, что ему ничего не извѣстно о тѣхъ условіяхъ русской жизни, о которыхъ говорилъ защитникъ, и у присяжныхъ нѣтъ доказательствъ достовѣрности свѣдѣній о всѣхъ событіяхъ, о которыхъ они только что слышали, а потому онъ убѣждалъ присяжныхъ не придавать значенія сообщеннымъ свѣдѣніямъ. Въ „Народовольцѣ“ прокуроръ отказывается видѣть спокойное философское обсужденіе вопросовъ, а смотритъ на него, какъ на прямой призывъ къ политическому террору и къ царубійству въ Россіи. Прокуроръ въ подтвержденіе своихъ словъ снова сталъ цитировать изъ всѣхъ трехъ номеровъ „Народовольца“ много мѣстъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не цитировалъ раньше, и далъ имъ желательное для него и освѣщеніе. Онъ зналъ напередъ, что защитникъ по закону уже не будетъ имѣть права возражать ему, а председатель не только не внесетъ поправокъ въ его обвинительную рѣчь, но наоборотъ еще усилитъ смыслъ его обвиненій, чтобы произвести нужное впечатлѣніе на присяжныхъ.

Судья Лауренсъ, извѣстный ярый англійскій консерваторъ, карьеристъ, былъ специально подобранъ правительствомъ для настоящаго дѣла, такъ какъ на него правительство смотрѣло, какъ на самого угодливаго своего чиновника, готоваго всегда въ точности исполнять желанія начальства, въ чемъ бы эти желанія не состояли. Выборъ судьи для процесса былъ дѣломъ очень серьезнымъ, и англійское консервативное правительство не обмануло надеждъ русскихъ агентовъ, назначивши для даннаго случая такого судью, который сдѣлалъ все возможное отъ него, чтобы повліять въ желательномъ смыслѣ на присяжныхъ.

Лауренсъ не ограничился, какъ это онъ долженъ былъ сдѣлать по закону, въ качествѣ председателя суда, резюмированіемъ судебныхъ преній, а, наоборотъ, произнесъ большую обвинительную рѣчь противъ подсудимаго. Онъ еще разъ процитировалъ для присяжныхъ цѣлкомъ всѣ тѣ мѣста изъ „Народовольца“, гдѣ говорилось о террорѣ, бомбахъ, динамитѣ, настаивалъ на необходимости осужденія подсудимаго, указывая на то, что, въ случаѣ оправданія подсудимаго, присяжные признали бы дозвоительнымъ призывъ въ литературѣ къ убійству государей всѣхъ другихъ странъ. Въ своей рѣчи онъ на каждомъ шагѣ давалъ присяжнымъ понять, что осужденіе подсудимаго нужно во что бы то ни стало. Для мелкихъ лавочниковъ, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ состояли присяжные, голосъ председателя суда значилъ очень много. Судья хлопоталъ около присяжныхъ также, какъ до суда око-

ло него самого хлопотали заинтересованные лица изъ англійскихъ и русскихъ правящихъ сферъ.

Присяжные послѣ совѣщанія вынесли обвинительный вердиктъ: „Да, — виновенъ!“

Бурцевъ былъ приговоренъ на 18 мѣсяцевъ каторжныхъ работъ, а типографщикъ Вержбицкій — на 2 мѣсяца.

На слѣдующій день послѣ суда всѣ англійскія газеты дали отчетъ о процессѣ. „Times“ не одинъ свой столбецъ посвятилъ выдержкамъ изъ „Народовольца“ о террорѣ. Три номера „Free Russia“ (1, 2, 3 за 1898 г.), органа „Друзей русской свободы“ состояли почти исключительно изъ статей по этому дѣлу: статьи Ватсона („Государственный процесс“) и другихъ сотрудниковъ „Free Russia“ — русскихъ и англичанъ — выяснили истинную подкладку процесса противъ „Народовольца“ и указывали, что этотъ процессъ былъ подстроенъ англійскимъ правительствомъ съ цѣлью подслужиться русскому правительству, и продажей нигилиста купить себѣ кой-какія нужныя уступки въ другихъ случаяхъ. Къ процессу „Народовольца“ возвратились еще въ „Летучихъ Листкахъ“, „Работникъ“ (№5-6), „Temps Nouveaux“, „Sviatlo“ и т. д.

Послѣ произнесенія приговора Бурцевъ былъ посаженъ сначала въ Пентонвильскую, а потомъ Вормутскребскую тюрьму (на окраинѣ Лондона), гдѣ онъ и провелъ всѣ 18 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, на обще-уголовномъ положеніи, и былъ занятъ все время принудительными работами.

Въ англійскомъ парламентѣ два раза дѣлались запросы — сначала о неправильности ареста Бурцева, потомъ о томъ, приняты ли были мѣры, чтобы вещи, взятые полиціей на квартирѣ Бурцева, не были показаны кому-либо изъ русскаго посольства.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ процесса представители нѣкоторыхъ англійскихъ либеральныхъ учреждений подавали петиціи объ освобожденіи Бурцева изъ тюрьмы ранѣе срока. Вначалѣ, повидимому, имѣлось въ виду освободить, — по крайней мѣрѣ, смотритель тюрьмы объ этомъ заявилъ и Бурцеву, но черезъ нѣсколько дней тотъ-же смотритель сообщилъ, что „встрѣтились затрудненія“ для освобожденія раньше срока..... Понятно, съ чьей стороны были сдѣланы эти затрудненія.

Когда кончились 18 мѣсяцевъ заключенія, Бурцевъ былъ освобожденъ.

„Народоволец“, № 3, 22 октября 1897 г. Содержаніе: 1) Передовая статья; 2) Сибирякъ „Къ вопросу о причинахъ паденія Народной Воли“; 3) Вопросы пункты жандармскимъ офицерамъ; 4) Н. В. „Историки въ голубыхъ мундирахъ“; 5) Вл. Бурцевъ „За терроръ“; 6) Памяти героя; 7) Письмо изъ Варшавы; 8) Изъ Минска; 9) Письма въ редакцію (П. Алисовъ). 10) Библиографія („Нынѣшняя русская конституція(?). Основные законы“. — „Впередъ!“ кievская рабочая газета, № 2. — „Работникъ“ № 3-4. — „Наше время“); 11) В. Жукъ: „Борьба за свободу совѣсти“ („Christian Martyrdom in Russia“ В. Чертковъ. — „Письма П. Ольховика“); 12) Почтовый ящикъ; 13) Отъ редакціи.

(1, 2, 3 №№ „Народовольца“ 1 и 2 №№ „Былое“ — разошлись).

Отдѣльные оттиски изъ брошюры Вл. Бурцева „Долой Царя!“, 1) „Къ вопросу — что дѣлать?“, 2) „Правда-ли что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?“ и 3) „За терроръ“, — продаются по 25 сантимовъ.

„За сто лѣтъ“ (1800-1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ при редакціонномъ участіи С. М. Кравчинскаго (Степняка) 1897 г. (цѣна 8 фр.) А. А. Ольхинъ „У Гроба“ (стихотвореніе), — цѣна 25 сантимовъ (изъ 3-го № „Былое“).

„Былое“ № 1. Содержаніе: 1) Стихотворенія Пушкина о русском царизмѣ; 2) Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневскаго; 3) Вл. Бурцевъ „Памяти Гриневскаго“; 4) Письмо Феликса Пиа къ Гарибальди; 5) Письмо Гарибальди къ Феликсу Пиа; 6) Свинбурнъ „Россія“ (ода); 7) Три письма Исполнительнаго Комитета Народной Воли: а) къ Рошфору, в) къ Льву Гартману и с) къ Карлу Марксу; 8) А. Герценъ „Какъ русскіе люди встрѣчаютъ извѣстіе о смерти царя“; 9) Щедринъ объ убійствѣ Судейкина; 10) Н. Морозовъ „Завѣщаніе“ (стих.); 11) П. Кропоткинъ „Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ“; 12) С. Н. Бобозовъ; 13) Изъ прошлаго; 14) Революціонный Петербургъ; 15) Хроника революціонной и общественной борьбы; 16) Отъ редакціи журнала „Былое“; 17) Два слова объ изданіи „Народовольца“.

„Былое“, № 2. Содержаніе: 1) Первая прокламація Исполнительнаго Комитета; 2) Статья изъ 2 № газеты „Народная Воля“; 3) Статьи изъ „Рабочей Газеты“; 4) Отъ редакціи; 5) Прокламація Исполнительнаго Комитета 1 марта 1881 года; 6) Вл. Бурцевъ „Процессъ 20-ти“; 7) Завѣщаніе А. И. Баранникова; 8) Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 9) Казнь Н. Е. Суханова; 10) Письмо П. В. Карповича; 11) Прокламація „Союза Справедливыхъ“ по дѣлу Карповича; 12) Народовольческая литература; 13) Отъ редакціи „Былого“; 14) Отъ редакціи журнала „Народоволецъ“.

Отдѣльные номера „Былого“ продаются по 1 франку (1 fr.) во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Парижа, Женевы, Ниццы, Веве, Вѣны, Берлина и пр. Цѣна каждаго номера съ доставкой въ Россію — 2 фр.

За всѣмъ, касающимся изданія журнала „Былое“ просятъ обращаться по слѣдующему адресу:

М. Vl. Bourtzeff,
70, Grafton str.
Tottenham Court road,
W.
London.

2007058027